999999999
МАНЫ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Ты — наследник одного из самых могущественных родов в стране, для тебя важны всего две вещи: сила и уважение. Увы, но тебе не повезло с обеими. Так было, по крайней мере, до одного дня. Теперь ты маг поддержки с 999999999 очками маны. Осталось дело за малым? Не реалрпг. Не литрпг.

- 999999999 маны
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Глава 13
  - Глава 14
  - Глава 15
  - Глава 16
  - Глава 17
  - Глава 18
  - Глава 19
  - Глава 20
  - Глава 21
  - Глава 22
  - Глава 23
  - Глава 24
  - Глава 25
  - Глава 26
  - Глава 27
  - Глава 28
  - Глава 29
  - Глава 30
  - Глава 31
  - Эпилог

999999999 маны

Глава 1

Поездки на поезде обыденная вещь для большинства людей, но я — другая история. За 18 лет своей жизни мне ни разу не доводилось выбраться из второй столицы нашей маленькой страны. Причина лежит, как оно обычно водится, в семье.

Семья — тема сложная, и моя не исключение. Можно было бы долго распинаться о различных аспектах нашей жизни, которые меня не устраивают, но в конечном итоге весь этот вопрос для меня решил один день. Да еще и какой! Десятый день рождения, первый осознанный юбилей.

Отмечали его с размахом, мой отец созвал все сливки общества, по крайней мере, те, до которых смог дотянуться, и устроил роскошный пир в дорогом ресторане. К моменту, когда море еды и алкоголя на длинных столах успело заметно сократиться, отец вышел в центр банкетного зала и, застучав по бокалу, обратил всеобщее внимание на себя.

— Господа! Моему сыну сегодня исполнилось десять лет. Что за великолепная дата! Совсем скоро он станет мужчиной и полноправным наследником клана. Меня, как отца берет гордость за своего мальчика. И в какой день, как не в этот, я могу объявить такую прекрасную новость! Вы все знаете, как дружен наш род с родом Вульфрика. После долгих раздумий мы решили укрепить наши связи не только дружбой, но и кровью! Через восемь лет дочь Вульфрика и мой сын сыграют свадьбу!

Произносил он это со всеми присущими ему важностью и пафосом; отцу было важно, чтобы каждый в зале понял, насколько влиятельным и успешным он стал, раз может позволить себе брак с представителями одного из древних аристократических родов.

Со всех сторон раздались аплодисменты, тосты и лестные слова поздравлений. Я же не придал этому никакого значения, ведь последнее, что тебя интересует в таком возрасте — это интриги.

В этот момент к отцу присоединился статный мужчина в дорогом костюме. За ним петляла покрасневшая девочка примерно моего возраста, которая никак не могла отвести глаза от пола.

— Я надеюсь, что это решение принесет обоим нашим домам процветание. Марк, — он уставился прямо на меня, ожидая, что десятилетка сможет понять всю важность момента, — Когда вы с моей дочкой Элизой подрастете, она станет твоей женой. Ты должен быть рад, мальчик.

— Я-я рад, дядя Вульфрик… — произнес я, так до конца и не

поняв с чего весь сыр-бор.

Мужчина ухмыльнулся и похлопал моего отца по плечу.

Праздник все никак не кончался, знать успела напиться до той степени, где каждый захудалый аристо пытался показать окружающим, как много у него денег и как легко он может выбросить их на ветер, что не могло не радовать моего отца.

Видите ли, десять лет в нашем клане — это не просто красивая дата, а еще и переломный момент в жизни именинника, когда тот узнает свой класс силы. Существует их довольно много, и каждый в какой-то мере определяет дальнейший вектор развития человека на всю оставшуюся жизнь, одаривая бонусами к одному типу характеристик и накладывая штрафы на другие.

Для того, чтобы узнать класс ребёнка, его нужно «пробудить» с помощью специального камня, дорогущего артефакта, имеющегося только у очень зажиточных домов. Для остальных слоев общества «пробуждение» было чем-то вроде феноменально удачи, как рождения ребенка-гения или выигрыша в лотерею. Редко и почти невозможно.

Но мой отец не был бы моим отцом, если бы не придумал, как заработать денег даже на столь важном моменте в жизни своего сына, как пробуждение. Как заправский букмекер, он курсировал между столами с пьяными людьми и принимал у них ставки на то, какой же класс мне выпадет. Сам он, конечно, был осведомлен о моих выдающихся, как для этого возраста, способностях, и мог спокойно предположить, какой класс я получу, потому очень аккуратно принимал ставки на этот класс, следя за тем, чтобы коэффициент оставался играющим ему на руку.

Выдоив своих же гостей до копейки, отец с улыбкой вернулся в центр банкетного зала.

— Господа, вот она, кульминация сегодняшнего вечера, сейчас мы узнаем как именно Марк послужит своему клану… и немного разорим ваши карманы!

Зал взорвался пьяным смехом, и взгляды толпы перевелись на меня.

— Вносите камень пробуждения!

Прислуга отворила огромные двери, и четыре воина из нашего клана внесли прозрачный кейс на подставке с небольшим, размером с ладонь, камнем.

В память мне хорошо отпечаталась ярко-красная руна в самом центре камня, которая на мгновение словно заставляла тебя забыть обо всем окружающем мире, оставляя только желание коснуться её.

Отец трепетно открыл кейс и какое-то время просто стоял,

разглядывая камень, после чего, как будто сбивая сонливость, замотал головой и, замешкавшись, улыбнулся:

— Иди сюда, Марк. Это очень важный момент.

Я слез со своего стула и заковылял к кейсу под давящими взглядами притихшей толпы гостей. Дойдя до камня, я вопрошающе глянул на отца.

— Ну же, смелее.

Я робко коснулся камня — и в тот же миг моё сознание словно выбросило из тела.

Цвета, звуки и ощущения, все смешалось в моей голове, создавая феерию из эмоций и чувств.

Но закончилось всё так же быстро, как и началось. Я попятился назад, и отец подхватил меня за руки. Толпа завороженно молчала, ожидая узнать, какой класс я получил.

Когда я уже мог ровно стоять на ногах, отец подошел к камню и вгляделся в него, там не было ни текста, ни символов, ни рисунков. Но, казалось, отец видел там что-то, что недоступно другим.

— Пробуждение! — внезапно воскликнул он.

— Получен класс — Маг! — в его голосе были слышны нотки удивления.

— Специализация — Поддержка!

— Атрибут… — он внезапно оссекся, а затем тихо продолжил, — Уроборос…

Я оглянулся по сторонам и заметил замешательство на лицах гостей. Тогда я ещё не понимал, что именно со мной не так. Да и никто не понимал в тот момент, что за атрибут мне выпал. Кроме отца, конечно. Только он видел все детали моего пробуждения и полученного дара.

Класс Мага очень даже неплохой, да и поддержка — тоже не последняя специализация. Возможно, с ним нельзя тягаться с воинами, берсерками и прочими боевыми классами один на один, но когда тебя готовят в наследники клана, у которого в подчинении не одна сотня людей, умение правильно помочь своему войску во время битвы ничуть не бесполезнее способности самому расшибать черепа. Не зря ведь говорят, что за всю Великую войну Император, тоже маг поддержки, ни разу не вытащил меча из ножен.

До этого момента в нашем роду не рождалось ни единого мага, мои предки со стороны отца все как один были прославленными бойцами, сражающиеся на передовой, что создавало некие ожидания по моему поводу. Однако и моему классу можно было найти объяснение. Во-первых, одним из главных атрибутов моего рода была аура излечения, помогающая

союзникам сражаться куда дольше и яростнее, чем врагам… ну, а во-вторых, моя мать.

Ей выпал класс «Каяко». Его носители специализируются на нанесении разного рода проклятий и массовом ослаблении противников, что в паре с аурой исцеления отца создавало мощную комбинацию, способную перевести ход боя в нашу сторону даже при численном превосходстве врага. От нее мне досталась возможность проклинать.

Да, я мог бы свернуть горы, исцеляя союзников и проклиная врагов.

Мог бы стать одним из легендарных военачальников, подобных Императору.

Однако у судьбы оказалось хреновое чувство юмора.

Всё дело в атрибуте «Уроборос», название которого не могло бы быть точнее.

Невозможно подсчитать, сколько раз я проклинал свою удачу за этот убогий атрибут, на каждый плюс которого находился более существенный минус.

Суть его в том, что я, как пожирающий себя змей, могу лечить и проклинать только себя, с двойным эффектом, но и с двойными затратами маны.

Меня нельзя проклясть. Но меня и нельзя вылечить.

На меня не подействует даже самый сильный проклятый артефакт… но и в моих руках даже величайший священный меч превратиться в обычную железную палку.

Уже не говоря о том, что «Уроборос» практически никак не улучшал меня физически. По всем основным параметрам я — простой человек.

Как бы я сам себя ни усиливал, пускай и с удвоенной эффективностью, я никогда не сравнюсь с полноценным бойцом. У меня никогда не будет ни одного умения, доступного другим полноценным классам. Я практически бесполезен.

Примерно в тот момент моя жизнь и рухнула, в отличии от ставок отца — ведь никто не ставил на подобный исход. И не смотря на это, разочарование в его глазах крепко въелось в мою память, хотя порой мне начинало казаться, что, начиная с того момента, иначе он на меня и не смотрел.

Формально я остался наследником, но редко когда можно было услышать, чтобы об этом факте говорили не со смешком. Думаю, если бы не брак, о котором мой отец договорился с Вульфриком, то меня бы давно исключили из линии наследства в пользу двоюродных братьев. Да, по какой-то неведомой мне причине брак не расторгли, возможно, так было выгодно окружению моего отца, возможно, Вульфрик расставил свои сети

на долгие годы вперед и теперь ему просто не хотелось рушить свои планы — не знаю, меня никто не ставил в известность.

Ясно было только одно — Элиза будет моей женой чисто технически. Жизнь была не настолько мягка со мной, чтобы я поверил в то, что мы полюбим друг друга и будем жить вместе, несмотря ни на что. Скорее, наоборот — она будет держать меня рядом просто как живое свидетельство законности своих прав и распоряжаться всеми делами рода от моего имени. Возможно, даже нарожав при этом детей от какого-нибудь другого мужчины и выдав их за моих.

Меня такой расклад не устраивает. Последнее, чего мне хочется, так это стать мягкотелой подстилкой в руках каких-то интриганов. Именно поэтому пару дней назад, за неделю до своего восемнадцатилетия, я решился принять самое безумное и самовольное решение в своей жизни: я еду расторгать помолвку с Элизой вопреки воле своего отца.

Это полностью моя инициатива, попытка воспользоваться последним шансом изменить свою жизнь и хоть немного увести ее с дороги кошмара.

Учитывая, что последние восемь лет меня оберегали, как какой-то комнатный цветок, я думал, что совершить побег будет куда сложнее, чем оказалось на самом деле. Никто не заметил того, что я купил билеты на какой-то дешевый ночной поезд, в котором практически не было занятых мест. Хваленые папины спецслужбы всё проглядели.

Я не недооцениваю их. Они могут спокойно меня найти. Но пока это случится… пока они поймут, что меня не похитили, а это я сам уехал, да решат пробить базы на покупку билетов от моего имени, в худшем случае, уже буду на полпути к пункту назначения.

Забавно, но я ни разу не пользовался общественным транспортом, да и за город никогда не выезжал, а теперь сижу и смотрю в окно поезда, направляющегося в Столицу. Даже когда меня спохватятся, думаю, что пробить список проданных билетов на поезд службе охраны придет в голову последним. И даже когда они узнают о конечном пункте прибытия, они не смогут сделать ничего, чтобы вовремя меня остановить.

К тому же, кому может прийти в голову, что я еду к Вульфрику именно с такой целью? Никто в здравом уме не захочет разрывать помолвку с наследницей второго по значимости рода в нашей стране. Скорее, решат, что парень просто напридумывал себе романтики и хочет повидаться с невестой, гори она ярким пламенем, до свадьбы.

В их глазах я слабый наивный паренек, который всегда

делает, как ему велено, и ведется на очевидно написанные руками папиных прислужников «письма от невесты».

К слову об этих письмах. Это вообще такой цирк, словами не передать! Они меня дебилом полным считают? Они пишут мне от ее имени с созданной на скорую руку фальшивой страницы. Думают, я не пойму, что общаюсь с фейком, когда существует точно такой же профиль — настоящий, с живыми подписчиками, лайками и реальной активностью?

Вот серьезно: все эти разговоры с фейком, переобувания в простачка, который ни о чем не подозревает, да в по уши влюбленного подростка в переписке — мне стоили куда больших усилий, чем эта поездка. Если когда-нибудь стану главой клана, то уволю всех нахрен. Уж очень я их ненавижу.

Мне каждый день приходилось кривить душой, делиться личными переживаниями с тем, кого на самом деле не существует, тесно общаться с теми, кто воспринимает это общение не как что-то личное, а как простую работу, которую выполнил — послушал этого нытика — и забыл. А мне потом заходить в инет, видеть реальную страницу той девушки и понимать, что на самом деле она о тебе не знает и ей глубоко плевать на тебя.

Хотя именно это общение и дало мне необходимое преимущество. Ведь они верили во все то, что я скармливал их «настоящей» странице.

Недаром говорят, если хочешь обмануть — расскажи девяносто процентов правды и скрой за ней десять процентов лжи. Приходилось, кривя душой, заставлять себя писать то, что не хочешь. Рассказывать о себе; о том, что думаю об окружающих меня людях, отце, матери и даже чертовых «спецслужбах». Мне пришлось рассказать о своих настоящих мечтах и планах, фантазировать о «совместном» будущем с невестой. А это было самым сложным, ведь, чтобы фантазии казались настоящими, приходится заставлять себя поверить в ложь, а затем обратно возвращаться в реальность. Тьфу, даже вспоминать противно.

Так что да, я уверен, если они узнают, где я, то никто не будет останавливать поезд, меня просто попытаются найти на вокзале и вернуть обратно, перед этим популярно объяснив, что очень невежливо донимать девушку. Но на этот счет у меня тоже есть свой план.

Я просто выйду пораньше на пару остановок, а затем куплю билет на электричку (документы для этого кстати не нужны) и через две пересадки выйду на окраине столицы. А там беру такси и надеюсь на везение. Вернее, на отсутствие невезения.

В столицу я приеду позже, чем поезд, следственно, службы в

это время уже будут очень нервничать и копошиться. Они начнуть сомневаться в придуманных ими же моих изначальных мотивах и начнут прорабатывать альтернативы. А наработанная за годы репутация простого парня не даст им версий, которые могут встать мне боком.

На этом этапе они еще не станут публично объявлять о моей пропаже и еще несколько часов будут прочесывать столицу своими силами, что мне тоже на руку. Мне остается лишь не наткнуться случайно на их людей и спокойно доехать до резиденции рода невесты.

Ну а далее — я объявлю о разрыве помолвки, что изрядно взбесит абсолютно всех, а некоторым даже добавит седых волос. Также важно, чтобы заявление было публичным, тогда никто ничего не сможет отыграть обратно. Людей уже будет не заткнуть, как и не получится отшутиться, сославшись на мой юношеский максимализм и дурость.

Скорее всего, мне прилетит конкретно, даже представить не могу, что со мной за это будет.

Может, изгонят из семьи или заставят жениться на какой-нибудь дочке мелкого папиного партнера, чтобы выжать из моего существования хоть немного выгоды; любой исход мне кажется более благоприятным, чем жизнь наивного рогоносца.

Но с этим всем я буду разбираться потом.

Глава 2

Поезд мерно постукивал, задавая успокаивающий ритм. Я сидел, подперев подбородок рукой и наслаждаясь видом из окна: проносящимися мимо полями и редкими деревьями. Солнце уже подошло к горизонту, и с каждой минутой становилось всё темнее. Мир погружался во мрак.

В какой-то момент пейзаж за окном сменился. Бесконечные поля, точечно раскиданные деревеньки на горизонте и похожие друг на друга как две капли воды леса сменились заборами, каким-то огромными промышленными комплексами, вся территория которых была забита всяческими цехами и ржавыми трубами, что окружали заводы подобно паутине.

Спустя какое-то время промзона осталась позади и мы въехали в пригород. Покосившиеся здания, бурная растительность произрастающая там, где в ином случае от неё бы уже давно избавились и темнота в окнах несмотря на то, что солнце уже почти зашло. Это все говорило о том, что в этом городе уже давно никто не живет.

Перед тем, как мы заехали в него, проводник прошелся по вагону и закрыл все окна. Интересно, кстати, зачем? Жаль, что я не разузнал о конкретном маршруте поезда заранее, но раз говорят, надо — значит, надо. Я с сожалением взглянул в окно в последний раз и задернул занавески. Поезд был под стать ценам на билеты, очень дешевым и не предоставляющим особого комфорта. Сидячий вагон с обшарпанными сидениями, что были расставлены друг напротив друга, создавая импровизированные квадратные секции по четыре сидения в каждой, громко шумел и ощутимо подскакивал на рельсах. Не считая пары стариков, что сидели неподалеку, больше людей в вагоне не было. Видимо этот маршрут и правда не пользовался бешеной популярностью.

Было до жути скучно, я хотел немного отодвинуть шторку и выглянуть в окно, и уже было дотронулся рукой до её края, но в последний момент остановился.

— Вижу, в первый раз в поезде едешь, да? — раздалось у меня под ухом.

— А что, так заметно? — удивился я, поворачиваясь.

Старик, едущий рядом, как раз встал со своего места с пустой чашкой в руках. Видимо, отправился за водой или чаем в начало вагона, но по пути увидел, что я хочу сделать.

Он усмехнулся.

— Ну, все в первый раз хотят заглянуть в окно. Ничего там нет интересного, только настроение себе испортишь.

Я пожал плечами.

— Это вряд ли.

— Ну-у, может, еще на пару ночей кошмаров себе заработаешь. А надо оно тебе? Поверь, то, что ты увидишь, того не стоит.

Это заинтриговало меня еще больше.

— А что я там могу увидеть?

Старик посмотрел на сидение напротив, резко протер его ладонью и уселся на него.

— Мертвый город, что ж еще. Ну и то, что в нем. Что-то увидишь, сам не поймешь, что, да рассказать никому не сможешь. А потом это тебе во сне еще долго приходить будет. Наутро даже вспомнить не сможешь, что у тебя над кроватью стояло, только страх и останется напоминанием… Если рядом кто есть, то, может, и расскажет, но жена моя, — дед указал на свою спутницу, что нахмурившись смотрела на старика, — напрочь отказывается об этом говорить.

Та же, в свою очередь, тяжко вздохнула, видимо, освежая воспоминания.

— То есть, город, который мы проезжаем, опасен? — спросил я.

— Ну, в какой-то мере можно сказать, что это так. — дед немного поморщился.

— Но почему тогда через этот город все равно ходят поезда?

— Дак когда этот город стал таким? Лет десять назад? — пробормотал дед, покручивая в руках пустую металлическую чашку, — Кому есть дело до дорог и обычных людей? Тут чтобы новый железный путь проложить, нужно в обход города делать, причем не для одного десятка маршрутов. А зачем, если старая дорога еще долгое время будет вполне годной для пользования?

Тут я не совсем понял, что он имел в виду.

— Проще по старому маршруту пустить поезда, — продолжил он, — Мы еще два таких места проезжать будем.

Я сидел и слушал, до этого ведь вообще ничего не знал о городах-призраках, кроме, конечно, того, что они существуют. О них ничего конкретного не рассказывалось в учебниках и этой темы старались избегать даже мои учителя.

— Просто забудь об этом и не иди на поводу любопытства. Ты его не утолишь, даже если час будешь глядеть на город.

— Ага, — кивнул я, косясь на шторки. Те немного покачивались и, казалось, я вот-вот что-то увижу через открывшуюся щель между ними и рамой окна.

— Так, а куда вообще едешь-то? — спросил он меня, видимо, чтобы отвлечь от навязчивого любопытства. — А хотя да, ясно же,

что в столицу. Домой, в гости или на учебу?

— Можно сказать, что по делам, — ответил я сухо, ненароком обратив внимание старухи на себя. Та улыбалась.

— Какие дела-то в твоем возрасте? — хохотнул дед, опять отвлекая меня от созерцания штор, — Или говорить не хочешь? Так мне оно и не надо, я наоборот, тебе помочь хочу. Может, совет какой дам.

— Да к девушке он едет, старый ты дурак, — проворчала бабуля, отодвинувшись от своего окна ближе к проходу, чтобы было удобнее с нами разговаривать — Догадаться сложно?

Я пожал плечами.

— Ох ты, старая… Будь это девушка, то она бы ехала к нему, а не он к ней, — пробурчал дед, — Все-таки ей входить в семью мужа, это её право и обязанность — следовать за будущем мужем, где бы он ни был.

В ответ на это старушка закатила глаза и закачала головой, осознавая насколько старомодно должно быть звучат взгляды дедули.

Я оглядел стариков. На вид им за семьдесят, люди по всей видимости простые, да и небогатые, раз едут со мной на этом поезде. К тому же они очень старой закалки и порядков, времен перестройки после Мировой Войны. Делаю такой вывод, исходя из слов старика о том, что девушка должна войти в семью. Сейчас такие правила остались разве что у старой аристократии, тех, чьи рода берут начало еще до становления Императора. У новой же, к которой принадлежит и мой род, все проще.

— Пень ты старый, — старуха не скупилась на слова, — И дурак, раз ничего не понимаешь.

— Я ничего не понимаю? Да с чего бы! Во все времена люди были, есть и будут одинаковы. И отношения между людьми тоже. Все строится на заветах предков…

— Вообще, ваша жена права, — вздохнув, решил я прекратить их спор. «В том что вы пень старый», хотел было я пошутить, но решил не хамить старшим. — Еду и правда к девушке, но романтикой здесь и не пахнет. Скорее всего даже и не увижу её уже после этого.

Думаю, ничего страшного, расскажи я им немного правды, все равно они простые люди и мы никогда больше не встретимся.

Старик странно посмотрел на меня, покачал головой, а затем встал и отправился к комнате проводника.

Я же остался наедине с его супругой. Мы посмотрели друг на друга, но никто из нас не решился продолжить разговор.

А я тем временем подумал о небольшой шутке. Почему бы мне не добавить «перца» и не постучать в личку реальному

аккаунту моей невесты? Написать: «еду к тебе, скоро буду.»

Конечно, есть шанс, что она даже не увидит мое сообщение или отнесется к нему несерьезно, как никак у моего профиля каких-то жалких сто подписчиков, а у нее за десять тысяч перевалило, но шанс есть.

Мобильную сеть мой телефон мог поймать хоть в океане, потому технически это возможно сделать находясь в дороге, где обычная сеть не ловит.

Что ж, подумано — сделано! Я дважды перепечатывал сообщение, но в конечном итоге отправил его и….

Сразу же выкинул телефон в приоткрытое окно поезда. Одновременно с тем, я увидел, что находилось снаружи. Немного, редкий лес, какое-то подобие силосной башни и… все. Я задернул штору, как ни в чем не бывало…

Вообще, выкинуть телефон — немного радикально, согласен, но я не хочу случайно увидеть сообщение в ответ, если такое будет. Тогда могу не удержаться и написать еще что-то. Да и к тому же, мне все равно нужно было избавиться от телефона. Пауки, а именно так я называл свору прихвостней отца, вьющих свои сети вокруг нашего клана в общем и меня в частности, могут легко отследить меня по GPS. А так, чуть больше их запутаю и, гляди, подумают, что я остался в мертвом городе. Потратят часть сил на мои поиски.

Хотя черт бы меня побрал, выбросить телефон в окно без задних мыслей, конечно, поступок достойный какого-нибудь дешевого сериальчика, но… я ведь мог просто вынуть батарею. Или наоборот, работающий GPS-датчик мог бы стать козырем в моем рукаве, так просто подарив паукам ложную уверенность в том, что они всегда знают, где я нахожусь. так же легко мог бы отобрать её в нужный мне момент, оставив телефон в каком-нибудь автобусе. И пусть себе гадают, отчего наследнику клана так понравилось мотаться от конечной до конечной. Однако, что сделано, то сделано, жаль только все лучшие варианты приходят в голову только после того, как ты уже совершил глупость.

И снова мой взгляд перешел на эту чертову занавеску. Так и тянуло немного отодвинуть ее и еще раз взглянуть на то, что за окном. Но все никак не мог решиться, продолжал сидеть и смотреть на нее.

Пока меня не хлопнули по плечу.

— Говорю тебе, ничего там нет, — дед стоял за моей спиной с чашкой чая в руке, — Отвлекись от нее и расскажи вон, чем занимаешься? Учишься?

Я скривился. Врать не хотелось, говорить правду нельзя. Придется выкручиваться.

— Да. Учусь сейчас на дому из-за личных обстоятельств, но через год отец планирует отдать меня в столичную академию.

— Фу-у-у, — скривился дед и даже глаза закатил, — А что-нибудь еще банальнее нельзя было ему придумать? Сам-то ты чего хочешь?

Я пожал плечами.

— Ничего не хочу. У меня все равно нет выбора, это окончательное решение отца. Да и… Не сидеть же мне всю жизнь дома.

Старик покачал головой.

— Почтение к родителям — это, конечно, хорошо. Но я, как родитель, тебе говорю: думай своей головой и решай свою судьбу сам. Потому как если долго ходить на поводу, то неровен час к нему привыкнуть, а это никогда хорошо не заканчивается. — Он вмиг погрустнел, словно выуживая из своей памяти что-то из личного опыта.

Я кивнул.

— Именно поэтому сейчас направляюсь в столицу.

Тут уже оживилась жена этого дедули, видимо, что-то поняв из моих слов.

— Так, а родители знают о твоей поездке?

Я покачал головой.

— Нет.

Услышав мой ответ женщина тепло посмотрела на своего пожилого супруга.

— Прямо как ты в молодости.

Я, если честно, в этот момент немного смутился, потому решил быстро перевести тему:

— А когда мы вообще выедем из этого города? И что в нем именно произошло, что он стал таким?..

Ответ я получил совсем не тот, что ожидал.

— Да что ж ты заладил с этим городом! — дед неожиданно вспылил, хлопнув по своим ногам, — Что ж тебе с ним неймется! Просто выкинь его из головы и не накликай на себя беды!

— Ла-адно, — я озадаченно поглядел на его супругу, но та лишь покачала головой.

Разговор на этом временно прекратился. Я уставился в потолок, а старик еще некоторое время продолжил ворчать себе под нос, пока наконец не встал и не пошел относить практически пустую кружку проводнику.

— Больная тема это просто, — воспользовавшись отсутствием старика, произнесла его супруга, — Жили мы здесь когда-то. — старушка грустно улыбнулась. — А как уехали, всё хуже стало.

Я удивленно посмотрел на морщинистое лицо старушки.

—. Да и… едем мы не в столицу, а в этот город. Скоро будет остановка.

Я сглотнул. Остановка? Какая остановка? Тут кто-то разве живет…?

А затем я взглянул в ту сторону, куда ушел старик. Тот стоял в конце поезда и, сжав кулаки, глядел в окно. Глядел долго, пристально. Шторы были раскрыты.

Он отстранился и направился прямиком к стоп-крану. Дверь в тамбур была открыта, я увидел как он сорвал предохранитель и опустил рукоять.

Поезд с диким скрежетом стал останавливаться. А я сидел, ошарашенный, и все никак не мог осознать, что именно произошло. Лишь когда поезд окончательно встал, получилось выйти из ступора и перевести взгляд на старуху. Она виновато улыбнулась мне, встала со своего места, взяла сумку и посмотрела в глаза.

— Ну, вот и наша остановка.

Не прощаясь, она направилась к мужу, что ждал ее у самого выхода. Он тоже улыбнулся мне.

А затем они ушли.

Глава 3

Я продолжал хмурить брови, глядя в сторону выхода, где скрылась пожилая пара. Казалось, в голове было совсем пусто — я никак не мог осознать, что именно сейчас произошло. Все пошло… совсем не по плану, и это напрочь выбило меня из колеи.

Вагон остался без единой души. Я принялся нелепо оглядываться по сторонам в ожидании персонала поезда, да хоть кого-нибудь! Однако даже спустя пять минут после остановки, никто не поспешил ко мне. Я был совершенно один.

Еще через минуту, а может, и две, я окончательно пришел в себя и смог заставить тело встать. Ступор постепенно уходил, на его место приходила паника… которую я тут же постарался засунуть куда подальше. Ничего ведь такого не случилось, да? Персонал поезда обязан быть где-то тут, недалеко.

Я направился к выходу, где скрылся старик, и встал напротив двери, закрывающей комнату с проводником, постучал.

На мой стук никто так и не ответил. Еще немного постояв и не дождавшись результата, дернул за рукоятку — и дверь отъехала.

То, что я там увидел, заставило меня тут же захлопнуть ее обратно.

Можно было бы подумать, что я, как наследник, просто обязан сохранить покер фейс и цинично пожать плечами, увидев мертвого человека. Мол, умер, люди умирают… Но нет, я никогда не видел реальных трупов, да и меня никогда не готовили к такому. Оттого едва сдержал желание выплюнуть желудок, увидев тело проводника с лужей крови под ним.

В этот раз сдержать панический приступ оказалось в разы сложнее. Ради этого я отправился в самую дальнюю часть вагона, подальше от трупа, уселся на свободное место и стал просто дышать. Настроить себя на продуктивное русло получилось, но вот успокоиться — нет. Руки все так же периодически потряхивало, ноги были словно ватные, а в ушах стоял звон, не дающий сосредоточиться.

Так, шевели мозгами, Марк. Как и когда это могло произойти?.. Когда ты видел проводника живым в последний раз? Минут десять назад, как раз перед тем, как старик пошел за чаем. Несложно догадаться, кто это сделал, особенно если учесть, что кроме нас, в вагоне никого не было. Старик убил проводника, чтобы тот не помешал ему? Не оглушил, не связал, хотя мог это сделать, а именно убил.

Но главной мыслью, посетившей мою голову, было: как же

мне все-таки повезло. Я не знаю, кто этот дед на самом деле, но когда он «ходил за чаем», я не услышал ни единого звука или шороха, не почувствовал ничего подозрительного. Ничего такого, что, как я считал, можно почувствовать, когда рядом умирает человек насильственной смертью.

Старик смог убить проводника бесшумно, так, между делом. А затем вернуться назад и даже не измениться в лице, будто мгновение назад не человека жизни лишал, а просто… эм, за чаем сходил. Ну, да, именно это он и делал.

Что страшнее: труп в вагоне или остановка в этом чертовом городе? Даже не знаю. Но надеюсь, мы скоро поедем и из проблем останется только труп. Как никак, это был всего лишь стоп-кран, небольшой осмотр — и машинист опять тронет поезд. Мне нужно просто немного подождать.

«А если не тронет?» — пронеслось у меня в голове. И следом последовало решение. Тогда мне придется пройтись по поезду, к головному вагону, отыскать машиниста и выяснить обстоятельства. Донести о том, что случилось. Ничего сложного.

В какой стороне там голова поезда? Ага, в той же, где и труп. Класс.

Пулей пролетев мимо комнаты проводника, я оказался в тамбуре, где вышел старик со старухой. О том, что я вообще в этом вагоне был не один, сейчас свидетельствовала только небольшая щель в дверях, из которой дул сильный сквозняк. Я попробовал дернуть за ручку — заперто. Видимо, дедуля прихватил у проводника ключи(или что там?) и обеспокоился о том, чтоб запереть за собой. Спасибо ему, что уж тут сказать.

А вот у меня ключей нет — и это проблема. Не знаю, как в других странах, но у нас все выходы и входы закрываются на замок во время поездки, чтоб какой-то дурак не решил выскочить на полном ходу и отполировать лицом землю.

Открытыми оставляют лишь двери между самими вагонами. Что значит, все выходы в противоположной части моего вагона закрыты, так как он — крайний с конца.

Остается один путь, который мне, собственно, и нужен — к голове поезда через смежные вагоны. Я стоял как раз перед нужной мне дверью и не долго думая потянул за ручку. Времени в обрез, не ровен час — и появятся люди отца.

Я оказался в тамбуре соседнего вагона. Передо мной — очередные двери, ведущие уже в пассажирское помещение. Слышно голоса. Человеческие, слава богу. Молодые. Говорят довольно спокойно, особенно учитывая то, в какой ситуации мы оказались.

Я приоткрыл следующую дверь и увидел гораздо более

приятный, чем у меня, интерьер вагона-люкс.

Людей было немного. Две девушки рядом с тремя молодыми парнями, чуть старше меня, что столпились почти в противоположном конце вагона, зрелая женщина и… старик без ноги, сидевший на своем месте посреди вагона. Он хмуро уставился прямо на меня.

Я неспешно шел к ним, меня все еще прожигал взглядом мужчина, осматривая с головы до ног, женщина витала в облаках. Остальные были слишком увлечены разговором.

Так, пока я не дошел, нужно еще решить, как представляться гражданским, в случае чего. Одет я повседневно: когда выходил из дому пытался подобрать самую простую и недорогую одежду из доступной мне — серая толстовка, простые джинсы и тренировочные кеды — так что я должен выглядеть, как обычный парень.

Я не собираюсь трепаться о своем происхождении, а также сообщать никому ни о случившемся в моем вагоне, ни о сумасшедшем деде с бабкой, что вырвались на свободу и бродят сейчас где-то неподалеку, ни об ужасах этого города, услышанных мною от тех двух(хотя я не уверен, можно ли вообще верить словам тех умалишенных). Вообщем, зачем разводить панику?

Хм. С одной стороны, мое происхождение обязывает взять руководство на себя, я формально имею прав даже больше, чем начальник поезда. Но с другой — нафиг оно мне надо? А вот сказать работникам поезда о том, кто я есть, придется. Как-никак у меня в вагоне труп. А старики ушли. Подозрения сразу падут на меня.

Значит, решено. С гражданскими я контактирую по минимуму, в идеале вообще миную разговоры и направляюсь прямиком к персоналу.

И я хотел воплотить свой план на практике, на морозе пройдя мимо людей, но… увы.

— Эй, пацан! — один из трех парней заметил меня, когда я все таки сумел тихо миновать их и подошел к двери в следующий вагон. Остальные резко обернулись и уставились на меня, — Туда нельзя.

— Почему? — остановившись, спросил я и сразу же заметил, что боковая дверь на улицу была открыта.

— Проводник сказал оставаться тут, — ответил мне тот же. Бритоголовый, на вид едва ли за двадцать, одет, как и его друзья в «особенную» брендовую одежду. Такую можно носить исключительно членам определенных неофициальных группировок, так называемым «правым», и запрещено одевать обычным людям, богачам и даже членам кланов.

Особенно членам кланов. Ведь именно им противостоят эти «группировки». Если в такой одежде увидят на улице человека, не относящегося к их партии, то обязательно спросят, на каком основании он её носит. И если ты не из «их числа», то разденут прямо там, на улице.

Такие спутники — та еще проблема. Мне теперь точно нельзя раскрывать свою личность. Если эти трое и правда члены того движения, о котором я думаю, то о богатеньких сынках могущественных кланов они не лучшего мнения, а следовательно — конфликта не избежать.

Пауза, во время которой я хмуро рассматривал причудливый внешний вид парней, заметно затянулась. Теперь, чтобы не давать им повода придумать претензию в мой адрес, нужно выдавить из себя всё возможное дружелюбие.

— Думаете, долго стоять будем? — произнес я с вежливой улыбкой.

Все тот же бритоголовый глянул на меня с легким презрением в глазах и, сложив руки у груди, лениво ответил:

— Мы тебе, б**ть, на справочную похожи? Жди, — он раздраженно покачал головой и повернулся к своим менее разговорчивым товарищам, которые от нечего делать решили закурить прямо там.

Девушки прыснули смехом.

— Скорее на информационный стенд, — сказал первое, что пришло на ум. Я не хотел им грубить, но такой наезд на ровном месте меня тоже не обрадовал.

— А ты смешной у мамы, да? — по лицу главного из троицы(ну а кем еще может быть этот бритоголовый?) было заметно, как сильно его раздражает то, что я постоянно отрываю их от разговора с девушками.

Он демонстративно выдохнул и посмотрел мне прямо в глаза.

— А с чего дверь на улицу открыта? — я продолжил задавать вопросы, пытаясь делать вид, что не заметил, как им докучаю.

Бритоголовый втянул грудью воздух и, скорчив улыбку в духе: «Когда ты наконец-то уйдешь, мудак», решил, что проще будет быстро ответить мне, чем ждать пока я уйду сам.

— Проводник хотел пройти по вагонам, но дверь с какого-то ляда не открывалась. Вот он и вышел через улицу, а нас посторожить её попросил, — он на секунду замолчал, очень внушительно глянул на меня и отчетливо произнес, — Ты ВСЁ спросил?

— Ага, — улыбнувшись, кивнул я и оперся спиной о стену. Мол, решил подождать как все.

Что тут сказать… я просто блистательно втерся им в доверие!

По крайней мере, с меня не стали спрашивать и переключили внимание обратно на девушек. Судя по тому, как парни смотрели на последних, их интересовало не столько само общение, сколько их тела. Особенно блонды, у нее оно было словно с обложки журнала.

Что же до остальных пассажиров… Я еще раз окинул косым взглядом вагон. Самой перепуганной выглядела женщина в летах. Она дрожащими пальцами теребила какой-то кулон у себя на шее и нервно оглядывалась по сторонам. Одноногий старик же, напротив, был спокоен, как удав. На его лице даже сияла мирная улыбка, а еще он то и дело протирал свои костыли салфеткой, видимо, от скуки.

В то же время парни вернулись к беседе с девушками.

Бритоголовый комфортно развалился в сиденье и выдавал сомнительного качества шутки, каждая из которых, тем не менее, попадала в цель, заставляя девушек прикрывать рты ладонями от смеха. Было видно, что он не привык лезть из шкуры вон, чтобы получить немного женского внимания, все шло как по маслу и без особых стараний. Чего нельзя сказать о его друзьях. Первый — коротышка — невпопад перебирал темы для разговора, в попытках перетянуть одеяло на себя и делал дамам неловкие комплименты, от которых испытывал стыд даже я, а второй — длинный и худой — больше молчал, изредка поддакивая бритоголовому.

Что ж, про меня забыли? Появилась брешь в обороне парней из-за этих вероломных девушек? Как типично. Этим и воспользуемся.

Я быстро развернулся и направился к двери в тамбур.

— Эээ, ты куда? — встрепенулся один из них, наименее опасный по виду коротышка. Судя по всему, ему так и не перепало женского внимания и интереса, раз он удосужился оказаться настолько внимательным. Либо… он решил выпендрится и поднять репутацию перед дамами за мой счет. Черт.

— В туалет, — я попытался звучать максимально убедительно.

— Проводник сказал не выходить! Что тебе не ясно? — буквально за два шага он оказался рядом со мной. Точно понтуется перед девушками.

Я внутренне выругался.

— Мне никто ничего не говорил. Отвали, — я глянул на девушек за его спиной, — Не позорься.

— Следи за базаром, черт, — его лицо скривилось.

В этот момент бритоголовый лидер тоже встал и открыл рот, чтобы вставить какую-то реплику, но мне уже стало очевидно, что конфликт достиг той стадии, когда вот-вот — и уже бьют в морду. Мой изначальный план провалился. Ливаем по быстрому.

Я молча потянулся к ручке двери и открыл ее.

— Ты тупой или что?! — он схватил меня за левую руку.

Я с разворота вмазал ему в глаз кулаком — он явно этого не ожидал и ослабил хватку — я легко вырвался и кинул косой взгляд на позицию оставшихся парней.

Два правых уже были на полпути ко мне, готовые ввязаться в драку. Девушки что-то пищали, но… это было, словно писк мыши, на фоне сирены. Женщина с середины вагона внезапно устроила нам звуковой удар, заверещав так, что вот-вот и окна треснут.

Это изрядно напугало не только меня, но и двух «правых», несущихся ко мне. Они затормозили и оглянулись назад.

— У-убью! — заорал коротышка — единственный из нас всех, кто не расстерялся в тот момент. Он налетел на меня всем весом и попытался повалить на пол.

И… что тут сказать, у него это получилось. Он умудрился сбить меня с ног и мы вместе вывалились в тамбур: я приложился спиной и затылком, а он оказался на мне.

Ситуация хуже некуда. Мы в узком пространстве тамбура, я на полу… Меня просто забьют ногами, когда подоспеют оставшиеся правые. Чего, конечно, мне нельзя допустить.

Бью кулаком в челюсть коротышке — тот уходит в легкую прострацию, чем пользуюсь я и скидываю его с себя. Пинаю ногами, одновременно с тем отползая спиной вперед к открытому выходу.

В какой-то момент под руками не оказывается металлического пола и… я лечу по ступеням вниз. Удар, еще один удар виском о землю и… наконец, ночное небо перед глазами.

Что ж, технически я вышел из вагона.

Глава 4

В голове все еще разносилась острая боль от приземления на щебень. Сердце отбивало безумный ритм, что неудивительно, учитывая количество адреналина в крови.

Признаться, это была первая реальная драка в моей жизни. И случилась она из-за моей импульсивности.

Я приподнялся и посмотрел на дверь, из которой только что вылетел. Через нее никого не было видно: коротышка, судя по всему, еще не пришел в себя. Но по моим расчетам уже вот-вот должен был вылететь если уж не он, то кто-то другой из числа «правых». Или даже все вместе. Хотя, стоп, судя по крикам той женщины, что прямо сейчас доносились из поезда, бритоголовому может быть немного не до меня. Возможно, угрозу представляет только коротышка, которому я порядочно настучал пяткой по морде.

Конечно, я не стану дожидаться, когда он придет в себя. Как говорил один мною уважаемый человек: если твое отступление способствует достижению цели больше, чем эскалация конфликта — отступай.

Я поднялся, оглянулся по сторонам и не заметил ничего достойного внимания, кроме оврага за насыпью да покосившихся столбов вдоль железнодорожных полотен. Мы остановились посреди лесопосадки. Город сквозь деревья видно не было, но я будто нутром чувствовал, что он где-то там, за кривыми, грязными рядами деревьев.

Прохладный воздух ударил мне в нос, выбивая из головы помутнение. Я кинул взгляд на землю и рассмотрел втоптанные ямки на щебне, рассудил, что это должно быть следы проводника и побежал трусцой вдоль вагонов, изредка поглядывая назад.

Миновав три или четыре вагона, я убедился, что из поезда за мной никто не отправился: ни коротышка, ни вся свора правых. Сменил бег на шаг. Думаю, уже можно расслабиться. Хотели бы догнать — сразу бы отправились. Видимо, посчитали разбитую морду шестерки (с уверенностью могу сказать, что коротышка явно не пользуется авторитетом среди них) не достаточной причиной покидать общество девиц. А может, парни просто боялись выходить наружу. Или же вопящая женщина стала более актуальной темой, чем я. Плевать.

Несколько секунд я смотрел на состав, стараясь подметить что-нибудь необычное. Выглядел поезд вполне себе стандартно: в нем было около шести вагонов-близнецов серого цвета. Тот, из которого «вышел» я, выглядел слегка новее прочих.

Все двери, как и многочисленные окна, были закрыты. Либо их точно так же позакрывали проводники, после того как сработал стоп-кран, либо они были закрыты уже изначально. Во время посадки на поезд моя голова была забита совершенно другими вещами, так что я не обратил внимание на такую мелочь.

В какой-то момент боль в голове стала слишком уж раздражающей. Хоть крови и не было, зато на виске пальцами нащупывалась большая шишка. С одной стороны меня, как Пробужденного, такое ничтожное ранение не должно особо волновать. С другой же… из меня так себе Пробужденный. Из-за атрибута «Уроборос» ауры давали двойной эффект, но требовали в два раза больше маны. Моего запаса хватало на поддержание только одной ауры за раз, увы.

А сейчас было бы неплохо активировать две ауры — малую регенерацию и пренебрежение болью. Одна ускорит естественную регенерацию организма, а другая снимет боль и притупит эмоции. Поэтому передо мной стоит дилемма — поскорее восстановиться, чтобы было легче потом, либо же убрать давящую на затылок боль, чтобы трезво воспринимать происходящее уже сейчас.

Меня очень соблазняла возможность включить Пренебрежение, но я понимал, что пока что не произошло ничего такого, что я не мог бы перетерпеть.

Так что, раздраженно выдохнув и осознав, что мне еще какое-то время придется проходить с гудящей головой, я активировал регенерацию.

Процесс наложения ауры для пробужденных был чем-то практически инстинктивным. Разумеется, контроля над аурами у нас куда больше, чем над сердцебиением или дыханием, но иногда сложно сказать, где кончается мысль о том, что неплохо было бы сейчас активировать такую-то ауру, а где начинается сама её активация.

По телу разнеслось легкое пощипывание, я закатил рукава своей толстовки и убедился, что все работает. Рисунки целебного растения, которое напоминало виноградные лозы, отсвечивая зеленым, обволокли запястья. У каждой ауры была своя стилистика в плане этих самых узоров, однако конкретные рисунки на каждом носителе были уникальны, подобно отпечаткам пальцев. Их количество, размеры, форма и местоположение варьировались от множества факторов, вроде силы носителя, мастерства владения, его возраста и даже настроения. Мне всегда нравилось наблюдать за тем, как по телу начинают расползаться краски, словно какое-то живое тату. Жаль

только показывать их кому-либо кроме членов моего клана было нельзя, ведь это самый простой способ понять, что перед тобой пробужденный и что у него за сила.

Свечение угасло, остались лишь рисунки, что свидетельствовало о том, что использование навыка завершилось и сейчас он пассивно ускоряет процесс регенерации. Стряхнув вниз рукава кофты, я двинулся дальше. Похоже, я как раз уже достиг головы поезда.

Локомотив выглядел довольно странно, массивная основа цилиндрической формы плавно переходила в острый, исполинских размеров нос, покрашенный красной краской. Выглядело всё это дело довольно внушительно, особенно вблизи.

«Странное решение,» — подумал я, — «Словно его отцепили от какого-то древнего поезда начала прошлого века и поместили таскать, может, и не самый новый, но уж никак не соответствующий ретро-стилистике первого вагона состав.»

Схватившись рукой за поручень, я подтянулся вверх, на угольного цвета платформу, и принялся вглядываться внутрь. Пыльные окна мешали что-либо нормально рассмотреть, виднелись только смутные очертания каких-то рубильников и бесчисленных ручек. Подойдя к двери в кабину, я еще какое-то время пытался хоть как-то сформировать в голове то, что хочу сказать персоналу, но в итоге понял, что, как ни укладывай слова, смягчить произошедшее не получится.

Я сжал руку в кулак и громко постучал в дверь. Ничего не произошло. Постучал снова, но мне снова не ответили. Дежавю какое-то.

Я повернул ручку, морально готовясь к худшему. Но, надеюсь, это просто паранойя.

Внутри было довольно темно; со входа ничего не разглядеть, потому я пригнулся и направился вглубь кабины. Она была залита мерзким, почти янтарным светом аварийной лампы, из-за которого, вкупе с затхлым воздухом, находится здесь дольше, чем было нужно, мне не хотелось. Но и не пришлось, так как в кабине было совершенно пусто.

В полумраке было тяжело найти какие-то зацепки, которые бы помогли мне в определении местоположения машиниста. Разве что дверь небольшого ржавеющего шкафчика с крючками для верхней одежды была распахнута настежь и неприятно поскрипывала. Внутри него было пусто. Я подошел к переднему окну и уставившись на постепенно исчезающие вдали рельсы стал думать.

Возможно, машинист направился осматривать вагоны на предмет повреждений. Однако, ни по пути сюда, ни до этого я не

видел и не слышал ничего, что указывало было на присутствие кого бы то ни было снаружи поезда. Следов борьбы в кабине тоже нет, как и проводника, который отправился сюда за машинистом. А значит, проводник все таки мог сюда добраться и, забрав с собой машиниста, куда-то уйти… но куда? Насколько я могу судить, вокруг нет ничего, чтобы могло хоть как-то помочь тронуть поезд с места. Наверняка есть весомая причина, по которой мы до сих пор не поехали дальше. С другой стороны, машинист мог пропасть еще до встречи с проводником… бессмыслица какая-то. Надеюсь, что тут не замешан снова тот старик. Мало ли, может он точит зуб на весь персонал поезда и вырезает всех по тихому.

Я оторвался от созерцания вида из кабины и заметил, что боль в затылке поутихла. Это хорошо. Скорее всего, придется вернуться в вагон к людям. Это плохо.

Честно говоря, мне не особо хотелось видеться с этими людьми снова. За то короткое время, что я с ними общался, я успел порядком подпортить с ними отношения. Однако, какие у меня варианты? Сидеть в кабине и ждать возвращения персонала? Сомнительная перспектива.

Да и к тому же, не стоит забывать, что в моем вагоне лежит труп, а потому лучше бы мне находиться рядом и контролировать ситуацию, чтобы никто особо любопытный не решил пробраться в вагон и не сделал поспешных выводов о личности убийцы. Однозначно нужно возвращаться.

Я выбрался из кабины и вдохнул полной грудью. И как они в ней целыми днями торчат? Я тут пробыл всего несколько минут, а уже успел ощутить себя консервированной килькой в банке.

Я сделал несколько шагов по платформе локомотива и глянул на небо. Серо-бежевое месиво из облаков, солнца не видно. По какой-то причине мне казалось, что сам небосвод сейчас гораздо ниже, чем обычно, что, конечно абсурдно, но вполне подходит под тон окружающей обстановке. Я ухмыльнулся, ведь в детстве облака всегда виделись мне красивыми сгустками белой ваты, в которые очень сильно хотелось зарыться с головой. Я даже не мог себе представить, что они могут так сильно… давить.

Я потряс головой, сбивая лишние мысли и осторожно спрыгнул на землю. На всякий случай решил обойти голову поезда и посмотреть, что происходит с обратной стороны состава. Обогнув красный нос локомотива, я обнаружил, что… ничего не происходит. Все тот же лес, все та же щебенка, всё тоже отсутствие ответов хотя бы на один из вопросов, который меня волновал. Разочарованно вздохнув, я отправился обратно, теперь

уже по своим следам.

По мере того, как я приближался к нужному тамбуру, меня всё больше начинала смущать мертвая тишина в остальных вагонах. Неужели это настолько непопулярный маршрут, что на весь поезд набрался десяток человек, не считая персонала? А если люди в остальных вагонах всё-таки были, то почему никто не пытается выбраться, никто не пытается поднять занавески… просто пустота. Зайти внутрь и проверить я тоже не могу, так как все входы закрыты, а пытаться раздвинуть дверь заблокированную воздушным замком — та еще глупость.

Не дойдя пару метров до нужного вагона, я услышал знакомые вопли истеричной женщины и удивился тому, что её до сих пор не успокоили.

— Нам нужно срочно запереть все двери! — кричала она, — Сейчас же! Закрывайте и остальные, говорю!

Сколько уже прошло времени, а она все кричит? У нее как минимум истерика, возможно — паника.

— Да зачем? — ответил ей кто-то пацанским голосом, судя по всему — коротышка. — Все ж и так тихо? К тому же вот-вот может вернуться проводник, вместе с той мразью…

А, это он обо мне. Ну, конечно, мразь. Может просто не стоит хватать незнакомых людей за руки, не имея для того ни оснований, ни полномочий, чтобы потом не получать в бубен, а, умник?

Рукой схватившись за поручень, я запрыгнул на ступеньки и прошел в тамбур. Дверь в вагон оказалась закрыта, я дернул за ручку несколько раз и громко постучал по двери. Но, похоже, из-за воплей женщины мой стук в дверь никто не заметил. Придется тоже покричать:

— Это я, и у меня плохие новости! Открывайте!

Крики за дверью резко прекратились… но лишь на долю секунды.

— АААААААА! Пришел! Не смейте… не смейте его пускать! — об дверь что-то ударилось.

Думаю, женщина навалилась на неё всем своим весом, несмотря на то, что замок и так был закрыт.

— Все в порядке, успокойтесь. Я просто сходил в туалет, а заодно заглянул в кабину к машинисту. Не нужно кричать без толку, — я попытался вразумить женщину.

— Я не знаю кто ты или что ты, но меня не обманешь. Уходи! — её речи начали повторяться, мне показалось что она уже сама не понимает к чему весь этот цирк.

— Хорошо, просто подумайте. Я вышел на улицу, стал каким-то «не таким», хочу здесь всех сожрать, судя по вашим словам… в

общем, монстром стал, да?

— Не пудри мне мозги, тварь! — с одышкой выкрикнула мне женщина.

— Во-первых, какие такие монстры стучатся в двери, перед тем как устроить кровавое месиво…. а во-вторых, будь я действительно чудищем, вас бы сожрал первой! Эй! Впустите меня наконец кто-нибудь!

— Я-я…! — она запнулась.

В этот момент за дверью раздались громкие шаги. — видимо не один я был сыт по горло её истериками.

— Да какой с этого чмошника монстр? Мать, отойди от двери. — я сразу узнал голос коротышки. Забавно, что именно он первым встал на мою сторону.

Истеричка попыталась вставить еще несколько реплик, но коротышке каким-то образом удалось сдвинуть её с места и открыть замок на двери.

Дверь открылась, но женщина мигом преградила мне путь. На её лице читался явный диссонанс. Я так понимаю она ожидала, что я вернусь с парой аксессуаров в виде рогов и копыт, ну или горящего трезубца какого, но увы, обрадовать её мне было нечем.

— Ну вот, видите? Не монстр. — я ухмыльнулся и глянул на коротышку.

И почему он решил меня впустить? Честно говоря, по пути сюда, я был несколько озадачен тем, как бы мне так войти в вагон и сходу не получить по лицу, однако, похоже, что к этому моменту пыл парня успел подостыть.

— Меня тошнит от того, что приходится здесь торчать, — быстро выпалил Коротышка, словно оправдываясь за то, что помогает мне. — А когда орут под ухо то становится еще тошнее.

Я заметил, что обе девушки снова сидели рядом с бритоголовым, наверное если бы не моё вторжение, то они так бы и продолжили смеяться над его простецкими шутками, параллельно игнорируя потуги Коротышки наладить контакт. Похоже, стычка в тамбуре сегодня была не единственным боем, в котором парень не сумел одержать верх.

Женщина хотела мне что-то снова сказать, но не найдя подходящего выкрика в своем, без сомнения, большом арсенале, лишь злобно смотрела на меня.

Остальные пассажиры в недоумении наблюдали за происходящим, блондинка сидела с поднятым вверх телефоном и снимала женщину на камеру, наверное, чтобы потом скинуть в какой-нибудь местный новостный паблик в одном из мессенджеров. Или просто переслать кому-то из друзей.

Осознав, что само собой ничего не решится, бритоголовый и, как мне кажется, главный среди парней нехотя поднялся с места рядом с брюнеткой и подошел к нам. Несколько лениво окинув меня с женщиной взглядом, он выдохнул.

— Вы здесь уже всех достали. Впустите его и хватит орать, ей богу.

Да, все таки он — негласный лидер троицы правых, что преследовал лишь свои интересы. Он однозначно заинтересовался девушками, на остальное обращал внимание нехотя. Выглядел заносчиво и самоуверенно. Но уверенность его явно не была такой натянутой, как у коротышки, что шумел больше всех. Он скорее напоминал матерого решалу.

Женщина снова попыталась что-то возразить, вот только с такой истеричной подачей достучаться до людей будет сложно. Все предостережения этой женщины уже никто не слушал.

— Б**ть, как же мне надоел этот цирк, — прорычал лидер, — Свали нахрен отсюда! Парни, оттащите ее от двери!

Он единственный из троицы, кто позволил себе к ней так обращаться.

Бритоголовый силой отодвинул истеричку от двери. К коротышке быстро присоединился его молчаливый друг, с которым они вдвоем схватили женщину под руки и начали оттаскивать в противоположный тамбур. Не сказать, что задача была из легких, так как та постоянно кричала, пыталась вырваться или на худой конец исцарапать лицо Коротышке с уже и без того подбитым глазом после нашей стычки. Недаром говорят, что у душевнобольных сила растет пропорционально безумию.

Когда женщина и её ор заметно удалились, бритоголовый ухмыльнулся и жестом пригласил меня внутрь.

— Как голова, путешественник? — меня смутило его хорошее расположение духа, учитывая произошедшее.

— Замечательно. Но у нас есть проблема, — быстро кинул я и прошел в вагон.

Словно под светом софитов, только под взглядами испуганных пассажиров и одного полоумного деда, я принялся объяснять всем, что произошло.

— Я был в кабине, там — никого. Проводника тоже след простыл. В других вагонах тишина. Чую, мы здесь застряли. Нужно что-то делать. — я пытался звучать достаточно убедительно, чтобы немного исправить свою репутацию источника проблем.

Глава 5

Лидер выслушал меня внимательно, не перебивая, в конце кивнул. И даже открыл рот, чтобы что-то сказать, но его перебили.

— В смысле, застряли?! — разразились возмущения блондинки, от которых как я, так и лидер скривились, — Я и так опаздываю! Нужно позвонить куда-то! У меня сегодня фотосет, что за бред!

Блондинка так возмущалась, словно у нее одной на весь поезд были какие-то дела в Столице, а мы — создаем проблемы, а не пытаемся их решить.

— Ты че, совсем дура? — лидер заметно устал выслушивать визги всяких дамочек, — Хера ты нам эти предъявы кидаешь? Или ты думаешь, что мы можем на что-то тут повлиять или хотя бы знаем, из-за чего остановка?

А парень-то предпочел флирту с блондой здоровые нервные клетки. Я чуть было не поперхнулся от неожиданности.

Однако, кое в чем она была права.

Пора кого-то сюда вызвать.

Я привычным движением похлопал себя по карманам в поиске телефона, но, разумеется, его там не было. Знал, что пожалею о том, что выбросил его, но не думал, что так скоро.

Значит, нужна помощь зала.

— Так позвоните, чего ныть? — обратился я к блондинке, в руках которой красовался дорогой телефон последней модели.

Она несколько секунд глупо таращилась на меня, а потом жестом разблокировала экран и набрала три цифры.

— У меня нет сети. — произнеся это, она ткнула экран мне прямо в лицо, — Умник.

— У всех так? — проигнорировав ее выпад, я глянул на бритоголового и черноволосую подругу модели.

— Нет сети. — тихо произнесла девушка.

— Та же херня, — заключил «правый».

Наверное, этого и следовало ожидать, учитывая всё, что я знаю о городе. Можно было предположить, что после того, что здесь произошло, чем бы оно ни было, телефонные вышки вышли из строя и больше не обслуживаются. А восстанавливать их никто не сунулся, да и, наверное, это уже было ни к чему.

— Нужно что-то делать. Сами мы отсюда, похоже, не выберемся и вообще всё это уже начинает походить на какой-то тупой розыгрыш! — брюнетка была ощутимо раздражена.

— Ну и куда мы сунемся без связи? А если этот вот, — лидер

указал на меня пальцем, — говорит правду, то у нас даже машиниста теперь нет.

— А что насчет остальных пассажиров? — вопрошающе посмотрела на меня брюнетка.

— Да! Точно! Ты же ходил на улицу! Что в других вагонах? — присоединилась к ней подруга.

— Эм, ну…

Я вспомнил подозрительно тихие ряды окон и глянул на присутствующих.

— Они притихли. — я не сразу понял как нелепо это прозвучало.

— В смысле притихли? Мы по-твоему где находимся сейчас, а? — приподняв бровь спросил у меня бритоголовый.

— Я понятия не имею, что там творится, но все закрыто, а на улице никого нет. — я ощутил себя так, словно оправдывался, хоть и говорил чистую правду.

Я не знал, что еще добавить и посмотрел на дверь между вагонами.

— Дверь же закрыта, сам знаешь, — бросил «правый».

— Но должно же там хоть что-то происходить? — спросила брюнетка.

— Хм… должно… — я на секунду задумался и зашагал в тамбур.

Я подумал о том, что можно было бы попробовать пробраться в другие вагоны через улицу, однако быстро отбросил этот вариант. Все наружные двери вагонов были закрыты, а локомотив такой бородатый, что не имел сплошного прохода в другие вагоны. Брюнетка была права, не могли же люди там просто сидеть и молчать, верно? Почему никто не попытался выйти, почему никто не попытался постучаться в наш вагон?

Войдя в тамбур, я присел, приложил ухо к двери, которая ведет в следующий вагон и стал вслушиваться. Состав был относительно новый, поэтому расстояние между вагонами было минимальным, что немного обнадеживало.

Сначала меня встретила только тишина, я не знал, хороший это знак или плохой, но решил послушать еще немного. Я буквально чувствовал как пассажиры моего вагона прожигали мне спину взглядами в ожидании новостей, но пока что не мог их ничем обрадовать. Решив, что затея гиблая, я начал подниматься с колена, но вдруг… раздался звук.

Едва различимое шоркание по металлической поверхности, по всей видимости, из дальней части вагона.

— Там кто-то есть… кажется… — я повернул голову и сообщил об услышанном попутчикам.

В этот момент блондинка сорвалась с места и толкнув бритоголового, а затем чуть не сбив с ног меня, начала тарабанить в дверь.

— Эй! Вы там! Вызовите кого-нибудь! — удары по железной двери эхом раздавались по вагону, напоминая мне о не до конца прошедшей головной боли после падения.

Я поднялся и аккуратно подвинул девушку в сторону.

— Да тише ты.

— Руки убрал от меня, козел!

Она демонстративно отошла от меня и двери на пару шагов назад, словно я какой-то извращенец.

Звуки за дверью снова пропали и я приложил палец к губам, взглядом показывая всем заткнуться. Подруга блонды с бритоголовым переглянулись, да и до самой модели дошло, что что-то здесь не так.

И тут с обратной стороны двери раздался громкий удар.

На моем лице застыла со стороны, наверное, довольно комичная гримаса испуга, однако в тот момент мне было все равно. Все, наблюдавшие за мной дернулись от неожиданности.

За ударом последовал непонятный тихий звук, отдаленно напоминающий перешептывание. Но если там есть люди… почему нам никто не ответил?

Воображение начало играть на полную катушку и мы с блондинкой переглянулись и в страхе попятились обратно в вагон.

— Это что нахер было? — дрожащим писклявым голоском произнесла девушка, схватив меня за плечо.

— Да я откуда знаю?! — возможно несколько незаслуженно, но я наорал на неё и освободил плечо.

Связи нет, персонала нет, за дверью черт знает что. Я начал лихорадочно размышлять о том, что же делать дальше.

— Д-да что здесь вообще… — брюнетка вцепилась руками в спинку сидения и растерянно смотрела то на меня, то на правого.

— Все в порядке, нас не могут здесь просто так оставить, хотя… — бритоголовый запнулся, — Мне тоже всё это не нравится.

— А-ха-ха-ха-ха! Ну, молодёжь! — одноногий вышел из своей спячки и задорно смеялся над происходящим, словно над каким старым анекдотом.

— Что смешного? — раздраженно бросил я.

— Бегаете туда-сюда, кричите, ха-ха! А звезды-то уже все за вас решили, ха-ха!

Я повернулся в сторону старика и почти обрушил на него поток брани, ведь последнее, что хотелось слышать в такой

ситуации это старческий маразм, но…

— Звезды! — я ударил себя ладонью по лбу, — У меня ведь спутниковый телефон! — я произнес это так, словно открыл какой-нибудь новый химический элемент.

— Отлично, ну и почему ты до сих пор никуда не позвонил с него? — брюнетка привстала со своего места и укоризненно посмотрела на меня.

— Ну, есть одна проблемка… Он выпал из окна.

— Что? Как? — она продолжала давить на меня.

— Я… хотел сделать фото города…. высунул его в окно и… в общем, не удержал и он выпал.

Я по-прежнему не хотел рассказывать о трупе и безумной паре стариков из моего вагона. Держал пальцы крестиком, чтоб никто не вспомнил и не спросил про вагон, из которого я пришел.

Я принялся размышлять и пришел к тому, что силосная башня, около которой я выронил свой телефон не может находиться так уж далеко. Прошло от силы минут пять с того момента, как я выбросил мобильник в окно и до того, как старик дернул стоп-кран. Поезд двигался не очень быстро, я прикинул, что телефон лежит где-то в 6–7 километрах от того клятого места, где мы застряли.

Немного подумав, я произнес:

— Мне кажется… я примерно знаю где валяется телефон, но один туда не сунусь. Мало того, что стремно, так еще и на поиски телефона может уйти не один час. Так что если вы хотите отсюда выбраться, кто-то должен пойти со мной.

— Я никуда не пойду! — воскликнула блондинка.

— А на тебя я и не рассчитывал, — бросил я ей и повернулся к бритоголовому, — Я это парням предлегаю.

Во-первых, потому что с правыми у меня хотя бы будет шанс от кого-то отбиться, в случае чего, а во вторых… я бы не доверил этой блондинке даже шнурки на своих кроссовках, уже не говоря о своей спине.

— Тебя кстати как зовут? — спросил я бритоголового. Как никак, уж по делу говорим, и на «эй ты» и «тот придурок» неудобно как-то друг другу обращаться.

— Макс. Что ты предлагаешь? — ответил мне лидер.

— Я — Марк. Мы почти что тезки, — ответил я, натянуто улыбнувшись, — Мне нужно чтоб кто-то из вас пошел со мной.

— Вы хотите бросить нас тут одних?! — мне в ухо прилетел звуковой удар — возмущенный визг блондинки.

Я скривился.

— Нет. Кто-то пойдет со мной, кто-то останется. Я не знаю, может есть доброволец?

Макс осмотрел ребят, что-то прикинул и наконец ответил:

— Его бери, — указал он на коротышку в конце вагона, они там все еще успокаивали истеричку.

Что ж, вполне логично, что лидер решился остаться, как никак тут его «длинноногие интересы», которые он будет охранять и зарабатывать баллы «давания». Наверное, одну он оставит себе, ко второй позволит подкатить тому, молчаливому, а вот коротышку он решил обделить. Видимо, тот совсем уж шестерка. Так себе союзник.

Я пытался успокоить себя тем, что если эта местность представляет из себя нечто большее, чем просто опустошенный город, то особенность моего класса, которая не позволяет мне быть проклятым, сильно поможет.

И, конечно, я блефовал по поводу того, что никуда не пойду один. Даже если бы никто не согласился ко мне присоединится в походе за телефоном, других вариантов свалить отсюда у меня бы не осталось. Так или иначе придется возвращаться к башне, но куда спокойнее мне будет сделать это в компании с кем-то.

Макс сложил пальцы у рта и громко свистнул:

— Пацаны! Где вас черти носят?

Прошло где-то минуты пол и к нам ввалились замученный коротышка и его молчаливый друг.

— В следующий… раз… полоумными бабами занимаешься ты, — устало заключил коротышка и зашагал к нам, пока его друг присел на свободное место перевести дух. Сама женщина осталась стоять в тамбуре и едва различимо орала что-то через дверь.

— Этот черт снова на проблемы нарывается? — низкорослый друг Макса из под бровей посмотрел на меня.

— Можно и так сказать. Говорит, мол, у него мобила навороченная, хоть до господа бога дозвонится может, да вот незадача, он её в окно выронил недалеко отсюда, представляешь. Просит, чтобы кто-то с ним сходил, — Макс пересказывал мои слова в довольно саркастическом тоне, что ни черта не помогало расположить к себе кандидатов на вылазку непонятно куда, — Я уже выбрал, кто из вас пойдет, но, может, кто-то из вас сам вызовется?

Удивительно, но в этот момент истеричка в дальнем конце вагона каким-то образом смогла открыть дверь и уже привычно начала визжать.

Мы с парнями переглянулись. В таком контексте, предложение выйти наружу стало выглядеть скорее спасением, чем опасной миссией.

Коротышка глянул на меня, потом на Макса, выдохнул и

произнес нечто, удивившее меня:

— Меня это всё уже достало. Лучше я пойду с тобой, черт проклятый, чем останусь здесь и продолжу выслушивать крики истерички и нытье этой дуры, — он жестом головы указал на блондинку.

— Вот и хорошо! — заржал Макс, косясь на то, как блондинка принялась глупо хлопать ртом, — Потому что пошел бы в любом случае!

Коротышка недовольно посмотрел на лидера, на секунду завис — видимо размышляя, что бы ответить, но не стал этого делать. Перевел взгляд на меня и спросил:

— И чё, где мобила, говоришь?

— Около силосной башни, которую мы проезжали, я уронил её буквально минут за пять до остановки. Ходьбы от силы час, но я не уверен, что смогу проделать эту дорогу один. И тем более я вряд ли смогу найти телефон в одиночку.

— Ха… — Коротышка потрогал свой фингал и ухмыльнулся. — Ладно, допустим, я впишусь в эту затею.

Возможно, так он пытался сохранить свое лицо, мол это не лидер заставил его идти, а он сам решился.

Не уверен, что хочу, чтоб мой тыл прикрывал именно этот человек, однако, выбирать не приходилось. Мы вывалились из вагона минут через пять, в течение которых Коротышка объяснял своё решение отправиться со мной за телефоном друзьям, что выглядело довольно жалко.

А я по большей части просто размышлял над тем, не ошибся ли в подсчете времени и месте, где выбросил телефон из окна. Более-менее убедив себя в том, что если и ошибся, то никак не больше, чем на пару километров, возможно даже в меньшую сторону, что не так уж страшно. Наконец, я вышел в тамбур и принялся ждать своего внезапного спутника.

Он появился в дверях и, не сказав мне ни слова, спустился вниз. Я пожал плечами и пошел следом за ним.

На улице было, за неимением более подходящего слова, никак. Ни холодно, ни жарко. В других обстоятельствах я бы обрадовался такой погоде, однако, сейчас мне это показалось странным, словно вместе с окрестностями погибла и природа во всех своих проявлениях. Все казалось выцветшим.

Пройдя с километр по щебню под ногами и серыми мертвыми деревьями вокруг, меня начало смущать наше обоюдное молчание.

— Забавно это всё, — я шмыгнул носом и иронично улыбнулся.

— А? Чего? — парень резко повернул голову в мою сторону,

он явно не ожидал, что я заговорю первым и думал о чем-то своем.

— Всю жизнь хотел уехать со своего города… а когда наконец-то решился… все равно приходится идти в его сторону, да еще и с тем, кто пять минут назад мне бил лицо.

— А нехер было напрашиваться, — мудро заключил Коротышка.

— Ну, если бы не я, мы бы до сих пор там все сидели и ждали чуда, смекаешь? — нужно было как-то оправдать тот факт, что я получил в бубен просто затем, чтобы сходить к локомотиву и вернуться ни с чем.

— Допустим, так, но мы еще не нашли твою мобилу, чтобы ты из себя спасителя строил.

— Скоро найдем, не переживай, — произнес я больше для себя, чем для Коротышки.

— Как скажешь… и надо было нам попереться на съезд именно на поезде… — я глянул на Коротышку непонимающим взглядом. — Горячие билеты в люксовый вагон, говорит, будем как цари ехать… щас, конечно…

— Горячие билеты? — я не до конца понял, что он имеет ввиду.

— Ну в этом поезде обычно нет люкс-вагонов… а тут прицепили, перегнать может надо было, я знаю там… и билеты по дешевке буквально за три часа до отправления начали продавать. Мы с пацанами, конечно, опаздывали, но… не так чтобы сильно, а тут, вишь, Треплу шика захотелось, эстет вшивый, чтоб его…

Теперь прояснилось сразу два момента. Откуда эти гопари взяли деньги на вагон такого класса и как зовут молчаливого парня. Его кличкой было «Трепло», ха-ха. Не могу сказать, что ожидал от этих людей чего-то большего.

Чем дольше мы шли, тем сильнее меня глодали сомнения по поводу телефона.

Во-первых, он легко мог разбиться при падении. Разумеется, у меня был надежный спутниковый телефон в горном противоударном чехле, однако, скорость поезда легко могла победить смелые заявления рекламщиков чехла. Во-вторых, мы элементарно можем его не найти, ведь мой ориентир — «рядом с силосной башней» — явно не мог похвастаться точностью. Конечно, всё тот же чехол был ядовито-оранжевого цвета, о предназначении которого я не задумывался ровно до этого момента. Но, видимо, я не первый, кто ищет свой телефон среди кучи серого ландшафта, и такой цвет как нельзя кстати подходит для того, чтобы у пользователя был хотя бы минимальный шанс заметить его среди груды камней.

В очередной раз обнадежив себя, я зашагал чуточку резвее, и тут уже Коротышка завел разговор:

— Тихо здесь… Не люблю я такое.

— Как будто все во времени застыло. — согласился я.

— Меня в детстве часто пугали… «Никита, не будешь слушаться — отвезем тебя в серый город и будешь там один совсем» — Коротышка, которого, как оказалось зовут Никита, странно ухмыльнулся. — Ну, походу, надо было слушаться.

По какой-то причине мне это показалось забавным и я засмеялся себе под нос.

Коротышка глянул на меня и принялся хохотать в ответ. Куда громче и дольше, чем того стоила шутка. Спустя какое-то время он все таки умолк и шел дальше почти не смотря в мою сторону, словно и не смеялся вовсе. На мгновение мне даже стало несколько жутковато.

Коротышка, или, как я выяснил, Никита, был одет примерно как свои друзья. Зауженные снизу штаны с большими боковыми карманами, цветастые кроссовки на бросающейся в глаза высокой платформе, что значит он еще ниже, чем кажется. Короткая черная куртка с парой ярких нашивок, очень похожих друг на друга, на всех был изображен кулак на красном фоне в разных вариациях и серебряная цепь уходящая куда-то под футболку на шее.

В какой-то момент я успокоился, поняв, что угрозы он мне вроде бы не представляет и просто зашагал вперед, греясь мыслями о том, как доберусь до своего «будущего» тестя и выложу все карты ему на стол. Остановка поезда безусловно помогла мне отвлечься от нервозности, которую я испытывал во время поездки, но несмотря на множество произошедших событий, где-то в глубине я всё так же переживал по поводу всего плана с развалом предстоящей свадьбы. Ладно, плевать, пока что нужно топать за телефоном, а там разберемся.

Мы шли уже около часа, когда деревья на горизонте начали редеть — вдалеке показался конец лесопосадки. Возможно, мы даже увидим город.

Глава 6

— Смотри, — неожиданно одернул меня коротышка, указывая куда-то вперед, — Это твой ориентир?

Я всмотрелся вдаль.

— Нет, — хмуро ответил ему, — Это просто дерево. Дуб. Каким чертом ЭТО может быть похоже на силосную башню?

На этом Коротышка ненадолго умолк. Слишком ненадолго.

— Тогда может быть это? — на этот раз он показывал уже на проржавевшую трансформаторную будку. Честно, хотелось его ударить.

— Я тебе еще раз повторяю, ориентир — силосная башня недалеко от въезда в этот… лес, или через что мы сейчас вообще шли. Что непонятного?

Мне начинало казаться, что с каждой минутой коротышка становился все более невыносимым. Как будто он специально меня доставал, изображая идиота. Вот только посмотришь на него — а там на лице чистое и искреннее удивление, в смеси с непониманием.

«Может, ему просто скучно» — предположил я. Но кто будет бороться со скукой подобным образом, задавая тупые вопросы?

А затем до меня дошло: он просто не знает, что такое силосная башня! А спросить, походу, гордость не позволяет. Или он реально дурак.

— Прошу, соберись, — обратился к нему я, — Ты последние пять минут как будто совсем с головой дружить перестал.

Коротышка пронзительно посмотрел на меня, задумавшись. Затем мне показалось, что я услышал «щелчок» — и он встряхнул головой.

— Так, действительно, чего это я? — на мгновение он стал выглядеть более серьезным, — Просто никак сосредоточиться не могу. Мысли в кучу собрать и все такое. Понимаешь?

— Понимаю, — ответил я. Забывчивость напала, значит. Рассеянность… Это что-то знакомое.

— У тебя такого нет? — спросил он меня.

Я покачал головой. Нет, и я, кажется, догадываюсь почему. Тот факт, что я мыслю трезво, легко объясняется моим прекрасным атрибутом. Никакие дебаффы на меня не лягут, пока я сам не наложу их, а значит, негативное излучение города (или что там) отскакивает от меня, как от стены горох.

После очередного вопроса не в тему я всё-таки не выдержал:

— Давай так, мы просто идем, молча. Без лишних вопросов. Я сам скажу, когда мы дойдем до похожего места. Сам, окей?

Коротышка вроде бы и согласился, но его молчания хватило ровно на пять минут. Как будто он забыл, что я ему только что говорил.

Впрочем, я нашел один плюс: идти ночью, пусть и залитой лунной светом, через промзону мертвого города — страшно; но если ты идешь с идиотом, то хотя бы знаешь, кого убьют первым. Цинично, зато на душе как-то немного спокойнее становится.

— Так откуда ты родом? — неожиданно задал он неловкий вопрос, на который я, естественно, не собирался отвечать.

Но он и не ждал ответа:

— А я вот из Столицы… хотя, знаешь, Столица — она разная бывает. Все приезжают, делают сотню фоток возле памятника Императору, походят по модным бутикам и уезжают хвастаться о том, что мол, прикоснулись к сердцу нашей родины. Херня это всё, столица — она в трущобах.

Я вопросительно приподнял бровь.

— Там, где мы с пацанами выросли и куда даже армия без особого повода боится сунуться, — на это я лишь хмыкнул про себя, — Где банды сами назначают комендантские часы, чтобы им никто не мешал своей грязью заниматься. Вот в них и цветет столичная жизнь, и каждый вверх хочет вырваться. Ну, кто как умеет, сам понимаешь…

Коротышка печально выдохнул и пнул щебень под ногами.

— Вот ты что-то вякал про мои нашивки в поезде, а если бы не Макс и все наше движение, то мы с Треплом сейчас бы либо дохлые в канаве валялись, либо в тюрьме в карты играли, как половина нашего двора, и непонятно еще, что хуже.

— Он ведь вытащил нас, Макс-то. Они с пацанами рейд проводили на аптеку, где рецепт от доктора заменяла пачка бумаг потолще, а мы с Треплом тогда, ну… решили подработать, денег ведь совсем не было, хлеб на завтрак, вода на обед, а на ужин мечты о том, чтобы внезапно оказаться Пробужденным. А нам по шестнадцать, и всю жизнь мы видели, как эти мрази из банд то и дело в крутых кроссовках и на дорогих тачках по району разъезжают. Того же захотели, вот и устроились охранниками к барыге тамошнему, всё равно других путей в этой жизни мы тогда не видели. А их брату плевать, кому сколько лет, торчков, канючащих дозу, битой отпинать можешь? Ну, значит, собеседование пройдено успешно.

— Когда пацаны ворвались крушить аптеку, в первый день «подработки» мы с Треплом биты побросали и просто в угол забились, от страха дрожать… совсем зеленые были, потому нас и не пришибли на месте, как доброго дядю-фармацевта. Тогда Макс нас заметил и решил объяснить, что к чему… дурь повыбивал,

новые дороги показал.

Коротышка замолчал и какое-то время шел, уставившись себе под ноги, явно освежая в памяти своё прошлое.

Я не знал, что ответить на эту тираду и решил промолчать. Конечно, мне давно уже не десять лет, понятно, что проблемы познаются в сравнении, однако я никогда особо не задумывался о том, что не со мной одним жизнь обошлась несправедливо. И между нами разница в том, что я переживал свои неудачи в роскошном дворце, а не в тесной однушке посреди импровизированного гетто.

Коротышка еще что-то говорил, но я его не слушал, выискивая глазами ориентир.

— Обожди, — я резко поднял руку, — Кажется, мы пришли.

Где-то там валяется мой телефон. А вместе с ним и билет из этой дыры. Но вот что-то мне подсказывает, что я недооценил масштабы территории, на которой потенциально может валяться это чудо техники. Уже издалека были видны многочисленные кусты и насыпи из песка, окружающие серую башню с дырявой крышей багрового цвета.

Что ж, нас ждут очень нелегкие поиски…

— О, вот это точно оно! — радостно вскрикнул Никита.

— Не слишком похоже на дуб, верно? — я укоризненно глянул на него.

— Да отстань ты со своим дубом… — он отмахнулся от меня рукой.

Остаток пути мы преодолели очень быстро, в конце концов, когда видишь цель перед глазами, ноги словно сами несут тебя к ней.

Подойдя поближе, я окинул взглядом эту мрачноватую постройку размером с двухэтажный дом. Судя по всему, сельское хозяйство в этом районе погибло еще раньше, чем остальной город. Навскидку я бы сказал, что никакое силос для хранения сюда не загружали уже лет двадцать. Лестницы и ступеньки, ведущие наверх, безнадежно проржавели, а доски, из которых по факту и состояла круглая основа башни, в некоторых местах прогнили до черноты. Под густым слоем выцветшей травы все еще можно было разглядеть то, что раньше было дорогой, ведущей к полям и, надо полагать, в город, однако ей никто не пользовался примерно с тех же пор, что и самим хранилищем всяких обрубков и корма для скота.

О том, что время в этом месте не остановилось, свидетельствовали только безвкусные и уже потерявшие цвет тэги, нарисованные баллончиком. Иногда мне кажется, что омерзительного вида граффити на всяких заброшенных

постройках начинают появляться сами, даже без участия людей. Иначе я не могу объяснить их наличие абсолютно в любой точке планеты. Черт, да обнаруж мы какой-нибудь недостроенный дом на дне марианской впадины, уже через сутки на нем бы красовалось гордое имя непризнанного уличного художника!

Ладно, к черту. Нужно найти телефон. Я повернулся к Коротышке.

— Никита, я не скажу точное место, но телефон должен быть где-то рядом. На нем яркий оранжевый чехол, так что советую смотреть в оба.

— Ща найдем! — он подмигнул мне и немного ускорился, активно разглядывая почву около башни.

— Он мог запасть между кам… — парень меня уже не слушал, а лишь как индюк расхаживал туда-сюда полусгорбившись.

Настроение Коротышки вертелось как флюгер на ветру, и мне оставалось лишь надеяться, что его крыша не начнет течь еще сильнее под воздействием города. В таком случае придется что-то предпринимать. Вот только хотел бы я знать, что именно.

Впрочем, я решил, что хватит мне прохлаждаться и тоже принял позу индюка, чтобы поскорее найти этот дурацкий мобильник.

Спустя час безрезультатных поисков руки начали опускаться, и мы с Никитой присели на первую ступеньку лестницы, ведущей к вершине башни.

— Засада… — от энергичного коротышки, который час назад принялся переворачивать каждый валун возле этой башни, не осталось и следа, и теперь он просто лениво ковырял ногой землю, изредка поглядывая по сторонам.

— Он должен быть здесь. Я точно помню, — хоть Никита меня ни в чем и не обвинял, я произнес это, словно оправдываясь.

За час мы, похоже, перерыли вообще всё, что могли. Каждый куст, каждая подозрительная горка песка или щебня была пристально осмотрена на предмет телефона, но мы не нашли ничего, кроме редких оберток от еды, бычков и прочего хлама, который люди выбрасывали из окон проезжающих мимо поездов и электричек. Ну не мог же телефон просто испариться?

Я чуть было не открыл рот, чтобы предложить Коротышке забросить наши поиски, или попытать счастья чуть дальше по дороге, как вдруг произошло нечто… удивительное. Раздалась знакомая мелодия. Инструментальная версия заставки к одному старому сериалу, которая уже несколько лет стояла у меня на звонке.

Я буквально подскочил со своего места в попытке понять,

откуда исходит звук. Похоже, со стороны железнодорожных путей. По мере приближения к рельсам звук становился все громче; примерно поняв, где именно находится его источник, я упал на колени и принялся разгребать руками щебенку. Прокопавшись где-то секунд десять, я был сбит с толку, так как телефон звонил очевидно прямо передо мной, но я нигде не мог его найти.

Я быстро осмотрелся по сторонам и заметил, что ближайшая ко мне рельса была слегка прогнувшейся. Я разгреб камни и увидел образовавшуюся под ней выемку. Видимо от дрожи поезда телефон скатился под рельсу вместе с камнями. Моментально просунув в неё руку я нащупал предмет со знакомыми формами и поспешил вытащить его.

Телефон почти не пострадал, экран разбился не сильнее, чем от обычного падения со стола на пол, и только многочисленные царапины и ссадины на оранжевом чехле говорили о том, что считанные часы назад мобильник вылетел из окна движущегося на полной скорости поезда.

Я глянул на экран.

Номер скрыт.

Если честно, мне стало дико любопытно, кто может мне звонить в такой момент, причем анонимно. Люди отца? Да бросьте, вряд ли они стали бы скрывать номер.

Прошло всего несколько секунд размышлений, которых оказалось достаточно, чтобы закончилось время вызова. Он отбился как непринятый.

Я успел почувствовать лишь легкую досаду, прежде чем телефон снова зазвонил.

На экране все то же:

Номер скрыт.

Так, а этот кто-то настойчивый. Отбить или взять? Любопытство — враг мой.

Я провел пальцем по зеленой кнопке принятия вызова.

— Алло? — с сомнением произнес я.

— Эм… привет. — на том конце раздался голос… девушки?

— Кто это? — я встрепенулся от удивления, догадываясь, кто это может быть.

— Э-элиза… — она произнесла это с опаской, словно я могу не вспомнить свою собственную невесту, хотя, учитывая, что последний раз мы виделись восемь лет назад, это было бы неудивительно. — Ты написал мне сегодня.

— Написал. — по какой-то причине я не мог выдавить из себя ничего вразумительного.

— Написал, что едешь. Куда ты едешь… и зачем?

— Я… — в этот момент до меня дошло, — Вероятно, уже никуда.

— А мне зачем написал, я не понима…

У меня не было ни времени, ни желания разговаривать сейчас с ней. Ладно, признаюсь, я просто не знал, что ей сказать! Я слишком нервничал, вот сбросил трубку, посмотрел на экран, в углу которого красовалась пиктограмма спутника раздающего связь. Ну конечно…

Я стиснул зубы и сел на землю под недоумевающим взглядом Коротышки.

Дело в том, что мой телефон, когда находился в спутниковом режиме, был привязан непосредственно к спутниковой сети нашего клана. В таком случае все звонки на экстренные номера будет переадресованы на службу безопасности отца. Стандартная практика среди больших кланов. Это позволяет мне всегда быть в приоритете, что бы со мной не произошло, и я могу получить необходимую помощь куда быстрее, чем при использовании общих служб безопасности.

Но в тоже время это значило, что за мной придут люди отца, а не простые спасатели, и я не смогу продолжить свой путь в столицу. Меня тут же упакуют и вернут домой. Даже если я оставлю телефон людям и попробую сбежать еще раз — меня почти сто процентно ожидает провал. Ведь одно дело — когда есть фора, а совершенно другое — когда тебя намеренно ищут. Да, черт, это даже представить смешно: я бреду в столицу на своих двух, а за мной по пятам люди отца, прочесывают все вдоль и поперек.

А затем я гордо являюсь в столицу: грязный и немытый, заросший и три дня ничего не жравший — как бомж из подворотни. И разрываю помолвку! Да отец просто скажет всем, что я умом просто тронулся и, в принципе, будет недалек от истины, если я и правда решусь на такое.

Мне не хотелось, чтобы всё закончилось именно так — на полпути к цели, но иной альтернативы я не видел. Ни мне, ни пассажирам, которые уже который час сидят абсолютно одни и безо всяких новостей, не выбраться отсюда без помощи извне.

— Ты может позвонишь уже куда-нибудь наконец? — Коротышка навис надо мной не понимая, почему я до сих пор не разговариваю со спасателями.

— Да… конечно… — ответил я отстраненно.

Мои пальцы набрали нужные цифры. Всего один звонок нужным людям может спасти нас всех.

Но не звонить просто потому, что мне не хочется жениться — скотство по отношению к тем людям, что застряли в поезде.

Я нажал кнопку вызова и услышал всего один гудок — настолько быстро приняли звонок.

— Глава Охраны Клинов — услышал я знакомый басистый голос. Фридрих Клинов был очень прямолинейным, но далеко не глупым человеком, одним из немногих, кто не пытался постоянно подмазаться ко мне или к отцу. Он с детства присматривал за мной и научил довольно многому, возможно в какой-то момент даже заменил фигуру отца. Однако вместе с этим его верность нашему клану не стояла под сомнением и он в любом случае попытался бы меня остановить, сообщи я ему о своих намерениях.

— Это я, — рядом стоит Коротышка, потому мне придется фильтровать то, что я буду произносить вслух, — У меня проблемы.

— Мы уже догадались, Марк. Твоя геопозиция не менялась уже больше часа, отряд уже должен быть на подъезде к городу, — ну конечно, как же иначе, — Где ты сейчас? Тебе угрожает опасность?

— Видимой угрозы нет, но это пока, и я не уверен. Сейчас я нахожусь на железнодорожных путях, рядом с силосной башней. Поезд в часе ходьбы, по направлению к столице. Возвращаюсь к нему, — я постарался дать емкую информацию.

— Жди нас, — Вульфрик облегченно выдохнул, — Отец беспокоится.

— Он может… — я хотел высказать всё, что думал об отце и его заботе, но запнулся, — Пусть не беспокоится.

Я сбросил трубку и заученным движением вернул смартфон себе в карман.

— Все.

— Точно? — он подозрительно смотрел на меня, — А то как-то ты странно говорил. Кому ты звонил?

Я замялся.

— Можно сказать, что у меня «друзья» в органах. Я звонил им напрямую. Через них помощи куда быстрее дождемся, чем если бы звонили напрямую в службу спасения, — выкрутился я.

— О! — Коротышка пришел в восторг от моих слов, — Мне б такие связи! Как вернемся, приколю пацанов, что с нами, оказывается, ехал очень важный человек!

— А вот этого бы не хотелось, — я хмуро посмотрел на коротышку, — Ты знаешь, и ладно. Но остальным знать не обязательно. Связями нужно пользоваться, а не хвастаться.

Он понимающе кивнул. Я, если честно, не был уверен, что он сдержит язык за зубами, от слова «совсем».

— Не парься, — кажется, он заметил мое сомнение, — Я просто намекну ребятам, что ты непростой человек, и все.

Конкретного ничего не буду говорить.

Я улыбнулся. Чего ему вообще так хочется кому-то об этом рассказать? Вообще, за последние несколько часов нашего совместного времяпрепровождения, его образ мышления начинал казаться мне все более и более детским. Было очень легко зацепить его внимание настолько, чтобы он не думал ни о чем ином, кроме как о той идее, или предмете, что отвлек его. Возможно, это никакой не эффект мертвого города, а просто… характер?

— Так что теперь, возвращаемся? — Никита вопрошающе посмотрел на меня.

Грустно опустив голову вниз и уставившись на кончики своих кедов, я вздохнул и принялся подниматься с земли, на которой сидел всё это время.

— Возвращаемся.

Я представил как мне предстоит сидеть в полупустом поезде и ждать людей отца, которые скоро придут и заберут меня обратно к нему. А потом я в очередной раз буду вынужден слушать о том, какой я плохой сын и как он во мне разочарован. Однако, что более страшно, вряд ли у меня получится сбежать второй раз, а значит…

— Слушай… — загадочно пробормотал коротышка, нарушив мой поток мыслей — Вот у тебя есть интернет? — я кивнул, не понимая к чему он клонит, — И мы находимся… в считай уникальном месте, куда никто в здравом уме не сунется.

— К чему ты ведешь? — Я слегка наклонил голову, прищурившись в предвкушении очередного идиотского предложения от Коротышки.

— Давай выложим ролик и парочку фото в соцсети! — восторженно выпалил он.

— Бред, — отмахнулся я.

— Нет! Ну послушай! Это ж так круто! Я только сейчас подумал, мы ведь сможем хайпануть!

— Давай без этого, — мне его идея казалась по меньшей мере… неуместной.

— Ну пожалуйста! Такой шанс выпадает всего один раз в жизни! — молил он.

Такая чепуха не для меня. Не могу сказать, что я был каким-то интернет-аскетом, которого нельзя отследить в сети, просто у меня никогда не получалось, да и не хотелось, заниматься соцсетями в хоть сколько-нибудь постоянном темпе.

Конечно, я использовал Постер, такое приложение для обмена фотографиями и видеозаписями с элементами социальной сети, популярное в основном среди более

общительных, чем я, людей, но использовал его в основном для того, чтобы купить что-нибудь. Ну или для слежки за настоящим профилем моей суженной, чего греха таить.

Иногда я выкладывал фото и истории. Иногда на меня кто-то подписывался, но всё это было несерьезно. Так как по большей части мой профиль состоял из сделанных на «отвали» селфи и пары тройки угнетающих пейзажей, которые не выделялись ничем особенным, но почему-то запали мне в душу. Так что можно сказать, что особого веса в интернет-пространстве я не имел, по моей странице было невозможно даже узнать о моем происхождении.

Я достал телефон и еще раз посмотрел на слегка потресканный экран. Интернет в этом месте слабым, но его должно хватить, чтоб залить транслировать видео низкого качества.

Но я все еще сомневался.

Коротышка на секунду задумался, подбирая слова.

— Вот тебе нравится какая-то девушка, а? — глаза Никиты горели.

— Допустим, — он даже не осознавал насколько иронично это звучит в моей ситуации.

— Вот представь ее реакцию, когда она узнает где ты был, а? Когда она увидит ролик… ты же сразу в её глазах на уровень выше поднимешься. Не каждый сюда сунется! Мертвый город, все дела! Хотя, глупость, на деле. Я вон сколько гуляю и всё ничего! Но она ж об этом не знает, ха-ха!

А вот услышав этот аргумент, я даже как-то немного подзавис. Если простым языком, то коротышка предлагает мне «вы*бнуться».

Мне вспомнился момент, на котором я разорвал связь с Элизой, или, вернее будет сказать, после каких слов… «Вероятно, уже никуда». Интересно, как она отреагирует, если увидит видео.

— Ладно, — вздохнул я, — Уговорил.

— Отлично! — коротышка широко улыбнулся, — Ты не пожалеешь! Я сча так все преподнесу, что у всех челюсти по-отпадают!

Коротышка засуетился и принялся бегать туда-сюда, разглядывая окрестности и «на глазок» подбирая ракурсы.

— Готов? — нетерпеливо спросил я его.

— Да, — уверенно произнес парень.

И я начал снимать:

— Всем привет! Я — Никита Санчес, довольно известный в своих кругах человек! — Я тут же засомневался в такой интродукции. Он на мгновение принял дурацкую позу, словно

для выпускного фото, а затем тыкнул пальцем в мою сторону — Меня снимает мой новый друг Марк. Он офигенный тип! Если что, фингал под моим глазом — его заслуга! — парень указал на свой глаз и глупо рассмеялся.

Я поправил телефон у себя в руке и продолжил снимать, в очередной раз подумав о том, насколько это идиотская затея.

— Кстати, мы — в мертвом городе! Ага-ага, в одном из тех самых! — коротышка развернулся и посмотрел по сторонам, после чего на секунду опустил плечи, видимо только сейчас поняв, что рельсы и щебень за его спиной бывают не только в мертвом городе.

— Ну, может самого города тут и не видно… — он встрепенулся и враз повеселел, — Н-но поверьте, мы на его территории! Даже геотег поставим! Марк, ну-ка покажи ту фигню!

Я медленно повернул камеру в сторону башни, пытаясь захватить её целиком. Но мне это никак не удавалось, потому что в итоге либо заваливался горизонт, либо я упускал какой-нибудь кусок крыши, отчего реальные размеры сооружения казались меньшими, чем было на самом деле.

Однако Коротышка не оценил всю серьезность, с которой я решил отнестись к моей операторской работе и не дав мне захватить идеальный ракурс просто нагло влез в кадр.

— Мы ехали в столицу, когда наш поезд остановился по необъяснимым причинам! — я хмыкнул. Как же, «необъяснимым», скажи это трупу в моем вагоне, — Персонал поезда мистически исчез, люди начали сходить с ума, а мы с Марком отправились на поиски…

Очень удачно он взял паузу, подумал было я, пока не проследил за взглядом Коротышки. Он пристально смотрел на кусты пососедству. Они шевелились и, казалось, там кто-то есть.

«Завязывай!» — показал я ему жестом, быстро помахав ладонью у своего горла.

Парень переменился в лице и покачал головой, не понимая, что произошло.

И до нас донесся очередной хруст веток из-за кустов. Никита повернулся и стал словно сам не свой.

Глаза загорелись и он с какой-то даже злобой принялся смотреть туда, откуда доносился звук. Я всматривался в темноту лихорадочно вспоминая, какая из аур сможет мне помочь, в случае чего. Шум из-за кустов все усиливался и вот-вот должен был настичь нас. Зажмурив глаза, я глубоко вдохнул.

— Вы что здесь делаете, молодые люди? — внезапно кусты заговорили. Неужели это… рояль?

Глава 7

— Вы что здесь делаете, молодые люди?

Я почувствовал облегчение, осознав, что услышал простую человеческую речь. Не знаю, чего я ожидал. Логика подсказывала, что рядом с лесом вполне могут водиться животные, а по кустам могла бегать банальная лиса. Однако только сейчас я понял, что за всю нашу походку мы не увидели никакой живности. Ни пения птиц, ни хруста веток, ни шарканья каких-нибудь мелких зверьков — до этого момента нас окружала полная тишина. Поэтому возня в листве воспринималась как нечто совершенно аномальное, и мозг начал генерировать ужасные сценарии, один безумнее другого.

В любом случае, встретить здесь людей хоть и было не столь страшно, нежели какую-нибудь паранормальную чертовщину, но не менее странно.

Стремительно расталкивая перед собой ветки руками, из-за кустов вышли две фигуры.

Я лишь удивленно смотрел на происходящее, размышляя о возможных личностях кустарников. А вот коротышка нервно глядел то на меня, то на них, активно вертя головой. С каждой секундой выражение его лица становилось всё более боевым. Он сжал кулаки и уперся левой ногой в землю, создавая себе опору. Парень напоминал цепного пса, которого от того, чтобы рвать глотки отделяла одна лишь одна команда — «Фас».

И, к сожалению, он её получил.

В момент, когда из кустов рядом с богом забытой башней в мертвом городе начали показываться люди в темных одеждах, когда я замер в попытках осознать происходящее, а Коротышка, и без того с видоизмененным сознанием, был доведен до предела… мой телефон разразился мелодией — кто-то мне позвонил. Догадываюсь, кто. Милая мелодия сработала для Никиты, как красная тряпка для быка.

Следующим, что я увидел — был с разбегу летящий в кусты Никита с вполне себе лаконичным криком «У-УБЬЮ!». Это произошло так быстро, что я еще несколько секунд стоял на месте и пытался въехать в ситуацию, и лишь потом побежал, чтоб вытащить Коротышку обратно.

Он повалил за собой все кусты и фигуру в темной одежде на землю, пытаясь забить внезапного гостя кулаками, в то время как путник жертвы что-то кричал в попытках столкнуть Никиту со своего друга. Тот факт, что он не пытался навредить в ответ убедил меня в том, что они не враги.

Я попытался схватить Коротышку за плечи, тем самым свалив на землю, но он оказался шустрее, чем я ожидал. Локоть парня пронесся прямо перед моей бровью — я едва смог отклониться.

Перехватив его руку я с удивлением понял, что парень был не так слаб, как могло показаться со стороны. С тем, чтобы усмирить его одним возникли проблемы, еще секунда и он в своем порыве безумия переключился бы на меня.

Я резко дернул его по направлению к себе и выставил ногу вперед, тем самым заставляя упасть. Оказавшись внизу, он попытался встать, но я навалился на его спину коленом и окунул мордой в землю.

Еще некоторое время он брыкался, на что я сильнее заламывал руку.

— Все, Все! Хватит! — наконец прокричал он, сдавшись.

Когда я его отпустил, Никита приподнялся на локти и растерянно оглянулся по сторонам, словно не понимая где находится. Я устало выдохнул.

Второй раз за день мне приходится воевать с этим парнем. Он напрочь без тормозов — ладно еще в первый раз, когда мы с ним поцапались. А сейчас-то вышло совсем глупо. Он мог подставить нас обоих.

— ВЫ О**ЕЛИ?! — завопил лежащий на земле мужчина с разбитым лицом. Второй незнакомец бросился помогать тому подняться.

Я окинул их взглядом. Черные одежды оказались темно-синими формами персонала поезда. Они немного отличались друг от друга и я решил, что передо мной, должно быть, проводник и машинист. Почти все белые пуговицы с пиджака валяющегося внизу человека были оторваны и разбросаны по округе, а на золотом значке в виде поезда, которого окружают крылья, красовалась аккуратная полоска крови. Это машинист.

Я подал Коротышке руку и помог встать. Он поднялся и несколько растерянно принялся приводить свою помятую одежду в порядок. Избитый Никитой машинист тоже уже стоял на ногах и стирал кровоподтеки со своего лица рукавом пиджака, в то время как проводник помогал ему отряхнуться и периодически с некой смесью презрения и недоразумения поглядывал на нас.

Закончив прихорашиваться, машинист поправил пластиковый бейдж с фотографией под которой красовалась надпись «Начальник поезда Шмидт Д.», сложил руки у груди и посмотрел на нас. Так, значит он и не машинист, как я подумал вначале.

— Вы кто, нахер, такие? — доброжелательностью его тон не отличался, но это можно было понять.

— Мы… пассажиры. — устало выдохнул я.

— Отморозки вы, а не пассажиры! — Шмидт Д. все никак не унимался.

Мне очень хотелось извиниться перед ними как следует, доходчиво объяснить, что мы здесь забыли, выслушать историю о том, как сами мужчины здесь оказались, но… в конечном итоге на все эти нежности не было времени.

Я понял, что Шмидт Д. сейчас слишком занят возмущениями и причитанием, так что посмотрел в глаза проводнику. Тот был худощавым мужчиной лет за тридцать, под носом у него красовались небольшие коричневые усы, а форма, хоть и старая, выглядела ухоженной, даже несмотря на то, что ему сюда судя по всему пришлось пробираться через лес.

Видимо, он осознал, что мы больше не представляем никакой опасности после того, как увидел прояснение в глазах коротышки, и стоял рядом с начальником поезда по стойке смирно, словно мы до сих пор сидели в вагоне, а он пришел спросить, не хотим ли мы чашечку чаю.

— А кто вообще в таком месте орет что-то из-за кустов?! Головой думать не вариант? — Коротышка начал оправдываться с помощью тактики перевода стрелок.

— Ах, так это я виноват, что ты, придурок напрыгнул на меня!? Мы сюда пришли пункт связи искать, а вы-то что забыли здесь?

Я посмотрел на проводника и решил сказать как есть.

— В моем вагоне труп.

Все повернулись ко мне, я выдохнул и продолжил:

— Поезд остановился потому, что старик, который сидел со мной в вагоне, дернул за стоп-кран. А перед этим, насколько я могу судить, убил проводника. — я глянул на коротышку глаза которого стали чуть ли не квадратными, — Я никому об этом не рассказывал, чтобы не посеять панику. Хотел сообщить обо всем персоналу поезда. Но когда добрался до кабины… вас и след простыл.

— Так вот почему ты так рвался наружу… — тихо пробубнил Никита.

А вот мужчин мои объяснения сбили с толку.

— Не найдя вас, мы с Никитой, — я указал на коротышку, — Отправились искать телефон, который я выронил, пытаясь сфотографировать город. Он у меня спутниковый. Я уже вызвал сюда спасателей, но…

— Боюсь… нам тем более нужно добраться до пункта связи, — проводник перебил меня глядя на машиниста.

Тот же побледнел второй раз за минуту.

— Т-ты же не хочешь сказать… — он звучал напряженно.

— Да, поезд остановился в зоне влияния. Если труп все еще в поезде, значит, он уже блуждающий. Нужно вызвать помощь… сам знаешь какую.

Первое, о чем я попытался вспомнить в этот момент — закрыл ли я двери в комнату с телом так, чтоб щелкнул замок. Или просто прикрыл ее…?

— Труп, который вы оставили в вагоне, сейчас может быть и не трупом вовсе. Мы с вами, видимо, разминулись, когда вы пошли нас искать… Мы осматривали вагоны, а потом отправились с господином Шмидтом к пункту связи, коих много, специально оборудованных в таких местах, чтобы вызвать подмогу в случае чего. Вот, заметили вас, решили разобраться что к чему. Разобрались, как видите.

Проводник закончил своё объяснение так, словно оно было исчерпывающим и несколько холодно посмотрел на нас.

Однако в голове все же много чего не укладывалось.

— Но как мы с вами не пересеклись в поезде?

— Как же, надо полагать пересеклись. Это ведь вы тарабанили в закрытую дверь, где мы с господином Шмидтом осматривали сцепление между вагонами? — я вспомнил как блондинка требовала у железяки спасения, молотя её руками.

— Ха, я инструмент на пол уронил, а вы как заорете хором, пуганная детвора какая-то пошла. — Начальник поезда шмыгнул носом и включился в диалог.

— Но… почему вы нам ничего не ответили?

— Да щас, буду я в таком месте перед какими-то школярами распинаться! У нас работы и без вас хватало. — не нужно было быть семи прядей во лбу, чтобы понять насколько ворчливым мужичком был этот «господин Шмидт».

С другой стороны было заметно, что мужчина очень сильно переживает. Он постоянно сжимал и разжимал кулаки и то и дело смотрел на проводника, подгоняя его взглядом. Явно что-то недоговаривает.

Я было открыл рот, чтобы спросить почему вагоны вообще изначально были закрыты, но заметив это проводник меня перебил.

— Молодые люди, вы не совсем понимаете сложившуюся ситуацию. Сейчас мы теряем время.

Коротышка, что весь разговор глупо пялился на нас, почесал затылок.

— Так эм… я что-то не догоняю. Парням угрожает опасность? И… Мы ведь уже вызвались помощь! Ведь так? — он посмотрел на меня, я кивнул, — Нам нужно помочь им!

— Даже если вы уже вызвали СВОЮ помощь, что вы нам

предлагаете? Бросится всем вместе назад, к поезду, и не вызывать НАШУ помощь? Хотя в любом случае, это невозможно. Мы обязаны действовать по регламенту, рассчитанном на подобные случаи.

Коротышка захлопал глазами.

— И вам я предлагаю не геройствовать, а отправиться вместе с нами. Надо полагать, это куда безопаснее. — предложил Шмидт Д. из вежливости и глянул на проводника. Тот, нахмурившись, кивнул.

В этот момент шестеренки в голове Никиты начали сходиться воедино:

— Вы хотите, чтобы я пацанов там оставил? У нас так не принято, они бы меня не бросили..!

— Помолчи, — остановил я начавшего снова распыляться Коротышку, кое-что все еще не давало мне покоя, — Какой еще пункт связи? Даже у меня есть телефон, а у вас на весь поезд нет одной рации? Вы серьезно?

Проводник замялся. А вот Шмидт Д. ответил:

— По всему городу глушится связь. Отсюда вопрос. Что у тебя за телефон такой, что работает несмотря на глушилки? Нет, не так, откуда он у тебя?

Я хмуро посмотрел на него, не собираясь отвечать на это и после недолгой паузы, наконец произнес:

— Прожатый стоп кран — это не проблема, из-за которой невозможно продолжить движение и нужно идти к какому-то…

— Пацан, ты забываешься, — перебил меня Шмидт Д, — И тратишь время. Последний раз спрашиваю, вы пойдете с нами?

Я заскрежетал зубами. Какая-то чертовщина.

— Да что тут решать, — коротышка фыркнул и тут же быстрым шагом направился по обратной дороге, — Ясно же, что мы своих не кинем. Да, Марк?

Он обернулся и посмотрел на меня так, словно ждал однозначного ответа.

Глава 8

Мы на всех парах неслись по направлению к поезду. Спешка сделала своё дело и обратная дорога заняла куда меньше времени, чем должна была.

Я не мог ему отказать. Как и не мог позволить себе не звонить службам отца. Можете назвать меня глупцом, я и сам это понимаю. Но я просто не мог поступить иначе. Даже если все люди в поезде уже мертвы, Никита — нет. Согласиться на предложение Шмитда и оставить коротышку одного — это, считай, обречь его если уж не на смерть, то на долгое и сомнительное ожидание прихода спасателей.

У меня была мысль, отдать ему телефон, чтоб люди отца отправились спасать Никиту, рассчитывая встретить меня. Но в контексте глушилок связи, я не уверен, что GPS будет точно показывать мою геопозицию. Скорее всего, отряд прочешет весь железнодорожный путь. Так что это мне ничего не даст в конечном итоге.

Когда вдалеке показался состав: я подсознательно начал выискивать хоть какие-то признаки того, что здесь уже успело произойти что-то страшное. Если подумать, не совсем понятно, чего я ожидал увидеть, особенно на таком большом расстоянии. В любом случае, кровавой бани вокруг поезда не наблюдалось, но это не значило, что мы не застанем её внутри.

Переглянувшись, мы с Коротышкой поспешили к вагону. Состояние Никиты так себе: он истощен как физически, так и морально. Было видно, что парню сложно держать мой темп бега все это время, мне приходилось то и дело замедляться. К концу пути он бежал за мной уже чисто механически, не совсем осознавая, где он и что делает.

Однако, он все еще держался в сознании и, главное, молчал всю дорогу!

Не доходя до нужного вагона десяток метров, я жестом показал парню «Тихо». Никита тут же скрючился в тяжелой отдышке, а я принялся красться ко входу, продумывая различные варианты того, что может произойти дальше.

Если мы успели и люди еще живы — то мне нужно быстро и главное тихо вывести их из вагона… Что будет непростой задачей, учитывая наличие одной истеричной женщины, которая явно будет против покидать

В случае, если мы опоздали и от людей остались одни трупы — то я делаю разворот на 180, хватаю Никиту за шиворот и тащу обратно к силосной башне, ожидать спасателей.

Дверь в тамбур была по-прежнему открыта, я аккуратно заглянул внутрь и выдохнул, ничего там не обнаружив. Уже было собрался подняться, как услышал тяжелое сопение за спиной. Резко обернулся — а там коротышка, придурок, поплелся за мной!

— Сказал же, — прошипел ему я, — Стой там и не лезь! Я сам проверю!

Тот вроде бы понял, так что я, максимально тихо, насколько позволяла металлическая поверхность, поднялся по ступеням. Схватился рукой за дверную ручку и медленно её повернул. Она издала мерзкий скрип и я приоткрыл дверь, ведущую в пассажирское помещение, ожидая худшего…

Все пассажиры поезда, с которыми мы прощались уходя за телефоном, в полном составе уставились на меня, сидящего на карачках и корчащего из себя какого-то ниндзю. Главный правый по-прежнему сидел вместе с девушками, Трепло сидел чуть дальше и до того момента, как заметил моё вторжение, сосредоточенно смотрел в окно. Истеричка вернулась на своё место и бормотала что-то себе под нос, уставившись в пол. Одноногий старик всё так же ехидно улыбался, поглаживая свой костыль и смотря мне прямо в глаза. Благо, я сразу понял, что на него внимания лучше не обращать.

Мне было бы очень интересно узнать, как я выглядел в тот момент. Возможно, все предсказания истерички были верны и снаружи я действительно вернулся другим человеком. Только вот не демоном, и не монстром, а самым обычным идиотом.

Возникла неловкая пауза, на протяжении которой мы долго смотрели друг на друга. Пока я наконец-то не встал и не отряхнулся.

— Кхм-кхм… в общем. Мы нашли телефон, а заодно и машиниста с проводником…. — я прокашлялся и начал объяснять произошедшее пассажирам поезда, по очереди переводя взгляд то на одного, то на другого. Главное сейчас не посеять случайно панику и убедить всех покинуть помещение.

— Нас наконец-то вытащат из этой дыры? — с упреком перебила меня блондинка.

— Да, но сейчас нам всем лучше просто выйти из вагона. — мне показалось, что раз пока ничего страшного не произошло, деликатный подход будет вполне уместен.

— Это почему? — привстал со своего места главный «правый». — И где Никитос?

— Он внизу, сейч… — я хотел уверить всех в том, что сейчас спущусь и приведу его сюда, однако нужда в этом отпала, так как тяжело дышащий коротышка в тот же миг влетел внутрь вагона,

громко хлопнул дверью. И, отодвинув меня с середины прохода, начал вещать:

— М-мы с Марком… ходили… за… телефон! — парень театрально махнул руками и, всматриваясь в лица людей, продолжил своеобразно объяснять сложившуюся ситуацию, — И встретили… сразу обоих мудаков, которые рулили этой консервной банкой! — вот тебе и вся деликатность.

Макс нахмурил брови и недоверчиво посмотрел на Коротышку, который всем своим видом излучал грозную решительность. Мне все хотелось перебить его и нормально объяснить что к чему, однако парень все никак не унимался.

— И самое смешное… вы представляете… мы все время тусили рядом с трупом! А сейчас он даже не труп, а какая-то неведомая хе-р-ня! — я хлопнул по лицу ладонью.

Непонимание на лицах пассажиров сменилось удивлением, они подозрительно посмотрели на меня. Испуганный взгляд истерички буквально кричал: «Я так и знала!»

— Не-не-не! — тут же замахал я руками, — Он не обо мне…

Как говорил еще один великий человек: «когда в команде идиот, не строй планы, он их все равно разрушит».

— Ничего не понимаю, да что с твоим другом вообще такое? — блондинка странно глянула на меня с главным «правым». Не могу сказать, что коротышка приблизился к званию моего друга, но в его сознании реальность играла совершенно иными красками, возможно он уже воспринимал меня другом, с которым прошел огонь и воду.

— Вообще-то, — я глянул на размахивающего руками Никиту, — Он немного переневрничал, но в целом прав. Нам всем следует выйти и ждать подмоги снаружи.

— Ч-что? Ты ведь нашел телефон, так? — спросила блондинка, в то время как истеричная женщина позади нее уже привстала со своего места и приготовилась вступить в бой.

Чтобы убедить всех в том, что помощь действительно уже в пути и я говорю правду, я достал телефон из кармана. Разблокировал и поднял вверх, показывая экран.

— Вот, видите, сеть ловит. Я уже вызвал помощь..

— Ага! — подхватил коротышка, — Марк оказался важным хером и позвонил напрямую в органы! — я в очередной раз хлопнул себя по лбу, заметив заинтересованное лицо Макса, — А потом мы запилили стрим…

Увы, хитрая гримаса коротышки прошла мимо меня, и я не заметил, как он резко потянуться за сотовым. В результате парень выхватил мобильник из моих рук и быстрым шагом направился вглубь вагона, чем на секунду ошарашил меня.

— Эй! Стопэ! Отдай трубу! — прокричал я Никите, последовав за ним.

— Спокуха, Марк! Мне пришла в голову ГЕНИАЛЬНАЯ идея! — восторженно ответил мне он. За эту гениальную идею, я был готов ему второй глаз разукрасить.

Макс, все это время молча наблюдавший за мной, поднялся со своего места и тоже направился за Никитой. Тот все отдалялся.

— Никита, б*ять! Что за херню ты творишь?! Сядь! — бритоголовый почти что кричал.

— Ха! Да подожди ты! Мы с Марком тут одну тему придумали… Ты знаешь, сколько сейчас блогеры зарабатывают? А сейчас у меня есть шанс хайпануть, который выпадает раз в жизни! Я буду блогером!

— Ты долб**б, а не блогер! — сквозь зубы ответил ему Макс, — Долбо*бу блогером не стать!

Я выругался, зачем он его еще больше провоцирует?

— Никита, это не шутки! Стой! — я побежал за ним, уже догадываясь, ЧТО он хочет сделать. Но этот придурок тоже ускорился, параллельно тыкая пальцами по экрану моего смартфона.

Истеричка как раз находилась в конце вагона. Я с надеждой посмотрел на нее.

— Остановите его! — крикнул я женщине, но та лишь схватилась за свой кулон и нервно забубнила себе под нос. Бл*дь. Как мне войти не давать — так это легко, а когда надо коротышку остановить — так извольте.

— Просто доверься мне, окей? — Никита стоял на своем, — Ты сам меня потом благодарить будешь!

Произнеся это, он уже дошел до двери в конце вагона, пару раз нажал на экран и поднял телефон чуть выше себя, очевидно включив камеру.

— Привет! Это снова я… и снова из мертвого города! Думаю, вам было бы слабо сюда сунуться, ха! — я с ужасом смотрел на то, как коротышка потянулся к ручке двери, повернул ее, открыл дверь и ступил за порог тамбура, — Поверите ли вы мне, если я скажу, что за этой дверью сейчас сидит самая настоящая нежить? Ну или за следующей?

Мы с Максом переглянулись и без единого слова поняли друг друга — через весь вагон неслись уже мы вдвоем. Впрочем, девушки тоже аккуратно поспешили за нами.

Коротышка уже находился в тамбуре и открывал дверь, соединяющую вагоны. Секунда — и он уже там.

— ДА СТОЙ ТЫ! — орал я.

Мне до него оставались сущие метры, всего немного —

перейти в тамбур соседнего вагона. Сейчас я внутренне проклинал себя за то, что в свое время не выломал нахер все рукояти дверей. Ведь чувствовал же, подозревал, что какой идиот сунется туда.

Еще пара секунд и я оказываюсь в тамбуре соседнего вагона. А коротышка уже открывает дверь, ведущую в пассажирское помещение. В режиме селфи поворачивается так, чтоб заснять себя, пассажирское помещение и, кто бы сомневался, ТО, что находилось там. За открытой дверью стоял блуждающий, освещенный желтым светом ламп экономок.

В этом существе угадывался мертвый проводник. Его тело в нескольких местах было вывернуто под странными углами, кости прорывались сквозь плоть и синюю униформу и, казалось, двигались независимо от тела. Острые костяные наросты разбросаны по всему телу монстра. Голова чудовища висела мертво и неподвижно, теперь больше напоминая какую-то чужеродную опухоль, чем хранилище для критически важного органа.

С каждым движением это создание хрустело и издавало горловые, сопящие звуки. Создавалось впечатление что каждая секунда жизни была нестерпимой болью для него и если бы не тот факт, что монстр хочет выпустить нам всем кишки, наверное его бы даже можно было пожалеть.

Все это видели мы, со стороны. Это же видел и Никита, только через экран телефона и у себя за спиной. Он побледнел, с ужасом перевел взгляд на меня.

— М-мать… — последнее что он успел произнести.

Раздался громкий хруст и Коротышка захлебнулся собственной кровью. Широко распахнул глаза от боли и опустил взгляд вниз. Где-то чуть ниже сердца торчал острый костяной отросток измазанный кровью. Острие выступало сантиметров на десять из тела, кровь вырвалась из тела багровым потоком, словно воздух из шарика, надутого гелием. Бросив последний, до жути осознанный, взгляд на нас, Никита обмяк. Мобильный телефон выпал из его рук, ударился об землю и упал посреди тамбура камерой вверх.

Время словно застыло на месте, и я молча смотрел на труп коротышки, в очередной раз не осознавая того, что произошло у меня на глазах. Благо ступор длился недолго — секунду или две — меня привел в себя истошный крик блондинки.

Я обернулся — Макс и девушки столпились прямо в открытом проходе за моей спиной.

— Назад! — прокричал я им, отступая назад. В моей голове было совсем пусто — ни единой мысли о том, что сейчас делать.

Но, кто б знал, что ситуация станет еще хуже. Макс захлопнул металлическую дверь вагона прямо у меня перед носом. Я остался один в полутемном тамбуре и тварью, пытающейся стряхнуть тело коротышки с кости.

Глава 9

Я растерянно посмотрел на ошарашенное лицо Макса за стеклом, который, казалось, сам не до конца понял, что сейчас сделал. В другой ситуации я бы заорал на него и потребовал впустить меня внутрь, но сейчас у меня не было времени.

Я резко развернулся лицом к твари, спиной вжавшись в закрытую дверь. Я находился в закрытом резиновом шлюзе-гармошке между вагонами. Блуждающий пытался высвободить свой «клинок» из трупа Никиты в тамбуре в паре метров от меня. Тварь явно не блистала умом.

Руки задрожали. Меня пугали все те острые отростки — торчащие деформированные кости по всему телу твари. Сражаться с блуждающим у меня не было никакого желания. Да еще и узкое пространство тамбура — не лучшее место для драки с ЭТИМ.

Но какой у меня был выбор? Меня, так сказать, поставили в безвыходное положение. Так что, стиснув зубы, я активировал «Рвение». Это очень эффективная аура из арсенала как чистых магов поддержки, так и боевых. Она позволяла увеличить импульс удара, приходящийся по цели, и компенсировала «отдачу» от него. Применялась при стычках в ближнем бою и была частью тактики «бей первым, умирай последним».

На её активацию уходили добрые три секунды, а эффект ауры заканчивался вместе с первым нанесенным ударом. Боевые маги ре-активировали ауру по мере надобности прямо во время боя, а маги поддержки каждые — N секунд, чтоб на отряд постоянно накладывалось усиление.

Я не опытный боевой маг, что во время боя «чувствует», когда аура активна, так что придется считать секунды и ждать, когда свечение на руках угаснет.

Один…

Я краем глаза заметил желтое свечение в области своего запястья.

Два…

Тварь почти освободилась, извазюкав тело Коротышки по полу тамбура. На полу было разлито слишком много крови, я молился о том, чтоб случайно не подскользнуться.

Три…

Одновременно с тем, как желтое свечение у моих запястий угасло, а тело Никиты слетело с кости Блуждающего мне под ноги, тварь, громко взвыв, бросилась на меня.

Я сделал рывок ей на встречу, увернулся от колющего удара и

что было сил зарядил ногой в грудную клетку твари — где меньше всего торчало костей. Хотел бы я сказать, что этим ударом со звонким звуком «ЧПОНЬК» я отправил тварь в полет через весь вагон… Но, увы.

Несмотря на звук треснувших костей грудной клетки, инерции удара хватило лишь остановить блуждающего да заставить отступить на несколько шагов назад. А я-то понадеялся, что затолкну ее обратно в пассажирское помещение, из которого она вылезла и прикрою по тихому дверь.

Я потерял несколько мгновений, в ужасе наблюдая за тем, как быстро восстанавливается эта тварь, и затем активировал «Рвение» повторно. Увы, было поздно. Блуждающий снова несся на меня.

Три секунды — это непозволительно долгое время! У меня не оставалось вариантов кроме как снова пнуть монстра ногой, уже без всякой ауры. Чудо случилось, тварь отступила на шаг и споткнулась о тело Никиты. Блуждающий провалился через открытую дверь в соседний вагон.

Я удивился подобному везению. В одно движение перескочил труп Никиты к двери и захлопнул её, понимая, что это лишь временное спасение. В отличии от дебелых внешних железных дверей, эта выглядела довольно хлипенько и была сделана из переработанного дерева.

Блуждающий принялся ломиться в дверь, я отошел назад и задел что-то ступней. Это был мой телефон, на котором продолжалась та злополучная трансляция, ради которой Никита отдал свою жизнь. Я быстро схватил сотовый, посмотрел прямо на своё испуганное лицо в отражении камеры и дрожащими пальцами попытался выключить стрим. Спустя пару неудачных попаданий по поверхности экрана, просто засунул мобильник в карман.

Я быстро глянул на Никиту и заметил, что кровь выливающаяся из его груди была гораздо темнее, чем следовало бы. Логично допустить, что с ним скоро станет то же, что и с проводником. И вместо одного будет уже два Блуждающих на мою голову.

Остальные пассажиры всё это время наблюдали за происходящим через стекло. На лицах пассажиров читался испуг, а Макс и вовсе дрожал открыв рот от шока. Я злобно и многозначительно посмотрел прямо ему в глаза и до парня постепенно начало доходить на что он меня обрек. Он закачал головой и поспешил к двери, чтобы впустить меня. Когда его рука уже была готова повернуть замок, со спины на него налетела истеричка. Парня впечатало в дверь, он повернулся, явно не

понимая что происходит и снова попытался добраться до двери, но эта чокнутая никак не давала ему прохода. Ясно, что женщина была настойчиво против того, чтоб он впускал меня внутрь. Черт.

Времени ждать, когда ее утихомирят у меня нет. Деревянная дверь позади меня заметно трещала и с каждым ударом все больше норовила сорваться с петель.

Полагаю ждать, пока кто-то из этих ублюдков соизволит меня спасти — глупо. Значит придется самому обеспокоится о своей шкуре. И если уж сражаться, то точно не в условиях коробки три на два метра, а на открытом пространстве.

Я посмотрел на выход, через который ушли старики. Точно помню, что ее закрыли не плотно, я тогда еще подметил сквозняк из-за щели в двери. Скорее всего, засов не встал в паз, а просто уперся в раму. Возможно, мне удастся выбить ее, особенно под усилением.

Я перенес вес на сзади стоящую ногу, а ту, что впереди, приподнял для удара.

К этому моменту моё «Рвение» уже было активно, я ударил ногой в область замка. Резко, сильно, всей стопой. Если тварь я бил как попало, то в этот удар вложил всю энергию тела и его вес.

Ход защелки стал свободнее. Металл двери прогнулся в области удара. Снова «Рвение». Я продолжаю без остановки бить по двери, хоть оно пока и не активировалось. Проходит три секунды и очередной удар влетает гораздо более звонко, чем предыдущие. Раздается гул металла. Дверь прогибается еще больше, кажется, что еще один мощный удар — и она окончательно падет.

Одновременно с тем, как Рвение перезарядилось в третий раз, блуждающий, наконец, снес преграду. Я отчаянно навалился на дверь плечом, молясь о том, чтобы не сломать себе кость.

Дверь все-таки поддалась и я кубарем полетел вниз, приземлившись на краю железнодорожной насыпи. Массивное бревно с множеством веток остановило мой полет — я вписался в него мордой, ободрав всю левую сторону лица.

В глазах резко потемнело и я чуть было не отключился, однако рев за спиной немного привел меня в чувство, заставив механически перекатиться в сторону.

Спустя мгновение, на бревно, где красовалась моя кровь, приземлился Блуждающий. Один из костяных отростков, что служили ему своеобразными клинками, сломался от жесткой посадки об дерево.

Существо выглядело разъяренным. На какое-то мгновение я даже задался вопросом: кричит ли оно сейчас от боли, или от того, что я в очередной раз увернулся от смерти, заставляя его

продолжать погоню? Однако, все мои размышления прервало воткнувшееся в землю лезвие.

Все происходило очень быстро, не было времени встать на ноги, а потому я-то перекатывался, то отползал назад, увиливая от атак монстра. Видимо, падение не прошло для блуждающего бесследно, так как лезвие свистело в воздухе не так быстро как раньше, да и точностью удары похвастаться не могли.

Я ползал наперегонки со смертью не больше минуты; в какой-то момент мне начало казаться, что я сдаю позиции. Удары приходились все ближе и ближе, несколько раз блуждающему даже удалось меня зацепить и на синих джинсах проступила кровь.

Паника всё нарастала, тело словно двигалось автономно от меня, а все что оставалось сознанию — это наблюдать за происходящим, всматриваясь в обезображенное нечто.

В какой-то момент руки, которыми я перебирал землю сзади меня, таким образом отползая все дальше от монстра, не смогли найти опоры. Я полетел спиной вперед.

Это падение было таким же резким и пугающим, как те моменты во время сна, в которых разум решает представить тело в свободном полете и ты, резко дернувшись, на мгновение просыпаешься, пережив некое подобие микроинсульта. Однако сейчас мое падение было вполне реальным. Несмотря на многократно повторяемую про себя мантру, «Лишь бы это был сон», пролетающие мимо деревья, кусты и, иногда, мои собственные ноги выглядели и ощущались слишком настоящими.

Слетев вниз и заработав десятки синяков я наконец-то остановился. В глазах по-прежнему было темно… боль по всему телу разрывала мою нервную систему на куски. Я быстро оглянулся и не заметив поблизости блуждающего, принялся ощупывать своё тело, чтоб удостовериться, что со мной все в порядке.

Удивительно, но вроде бы мне удалось пережить спуск без переломов. Нельзя сказать, что от этого каждый сантиметр моего тела болел меньше, но как факт радовало.

Однако, не успел я как следует обрадоваться, как заметил, что темнота в глазах на самом деле была… темнотой в глазу. Одном. В голове пролетела страшная мысль и я дрожащими руками потянулся к лицу.

Каждое касание кожи на лице отдавалось жгучей болью. Похоже, я счесал добрую половину своей физиономии, когда приземлился о бревно после прыжка из поезда. Но тревожило меня не это. Когда пальцы добрались до глазниц, я с ужасом нащупал нечто, что торчало из моего левого глаза. Или из того,

что от него оставалось. Пальцы схватили чужеродный объект и я, не особо осознавая, что вообще делаю, начал вытаскивать его из своей головы. Небольшая ветка, видимо все с того же бревна, будь оно неладно.

Из глаза тут же полилась жидкость, кровь вперемешку со слизью стекала по моим расцарапанным щекам.

Мне захотелось орать, что было силы. И… черт подери! В этот момент на склоне показалось богомерзкое существо, полное желания выпустить мне кишки. И, в отличии от меня, у него не было никаких проблем со спуском! Похоже, Блуждающий даже наоборот разогнался и теперь сокращал расстояние между нами с пугающей эффективностью.

Когда на кону стоит вопрос жизни и смерти — ты не думаешь. Ты действуешь по воле инстинктов. А сейчас они посылали мне один невероятно простой, но важный сигнал — нужно бежать.

И я побежал, бежал быстрее, чем когда-либо в своей жизни. Я прорывался сквозь многочисленные заросли и кусты, ветки кромсали и царапали меня, в который раз за этот вечер.

В голове не было четкого плана, я не понимал, что делать дальше, даже если мне удастся сбежать от блуждающего. Честно говоря, мне кажется, что в тот момент я не думал вообще ни о чем, кроме того, чтобы бежать вперед и уворачиваясь от особо крупных веток. В одни моменты мне чудилось, что тварь буквально дышит мне в спину, в другие, что она безнадежно отстала от меня и я в безопасности.

Месиво темнозеленого цвета, которое находилось перед моим лицом на протяжении нескольких километров, в моем воображении складывалось в причудливый коридор, неизменно готовый вывести меня к спасению.

И когда легкие горели пламенем, а ноги понемногу начали путаться, так и произошло. «Коридор» начал редеть, мне в глаза начало попадать все больше и больше света и даже сам воздух словно изменился. Прошла минута и зелень по бокам от меня сменилась пустырем. Я выбежал на окраину мертвого города.

Передо мной показалась длинная улица, с одной стороны которой стоял ржавый забор с парой тройкой отсутствующих секций, а с другой — расставленные примерно на одинаковом расстоянии жилые дома. В большинстве своем здания были пятиэтажными и стояли довольно плотно друг к другу, возле каждого из домов вились теперь уже почти заросшие всяким бурьяном тропинки, мощенные плиткой, создавая собой единую сеть дорожек, ведущую куда-то за дома, вглубь дворов.

Внезапная смена обстановки каким-то невероятным образом

повлияла на мои физические показатели: выбравшись из лесопосадки я ощутил себя пробкой, которая вылетает из бутылки с шампанским после сильного удара об стол.

Я проносился через серые улицы, мимо жилых домов, бездыханных и угрюмых. Разбитый асфальт под ногами в большинстве своем зарос блеклой травой и вел куда-то вдаль, прокладывая мне маршрут между многоэтажных домов, которые наслаивались один на другой, создавая сюрреалистическую иллюзию единства всех строений.

Смена локации настолько поразила мой истерзанный разум, что на какое-то мгновение я забыл о угрозе у себя за спиной, как и о своих травмах, вроде почти вытекшего до основания глаза. Однако один громкий рык позади заставил меня вернуться в реальность.

Вечно бежать от этого существа я не смогу. Рано или поздно я просто отключусь, упаду или споткнусь и ни одна аура меня от этого не спасет. Только умру уставшим. Остается только сразиться с тварью, однако это тоже форменное самоубийство в моем состоянии.

Я начал судорожно искать в округе хоть что-нибудь, что могло бы помочь мне в схватке с монстром, сам не понимая, чего именно ожидаю увидеть. Я бежал по тому, что некогда было дорогой в центр и вглядывался в стройные ряда домов по бокам.

Спустя несколько десятков метров, мой глаз зацепился за аккуратный переулок между двумя домами, что вел к какому-то скверу с детской площадкой. Однако аллейка заинтересовала меня не свой миловидностью, а серым мусорным баком и пожарной лестницей над ним.

Скрывшись за углом здания, я поплелся к мусорному баку. Схватился за край давно не использовавшегося по назначению металлического ящика, подтянулся и закинул на него ногу, после чего подтянул остальное тело и оказался сверху. До пожарной лестницы я мог дотянуться только в прыжке.

Оглянувшись по сторонам и не увидев вышедшего из-за угла блуждающего, я напрягся и, вытянув руки вверх, подпрыгнул. Пальце ощутили холодный метал. Тело резко дернулось в воздухе, но, сумев удержаться, я быстро начал перебирать руками и забрался на небольшой балкончик коричневого цвета.

Мне выпала роскошь минутной передышки — я слышал, как блуждающий растерянно сопит внизу, в переулке, где потерял мой след. Он не видит меня. Но и не уходит. Просто стоит, будто ждет чего-то.

Только сейчас я ощутил всю тяжесть своих ранений. Вся левая сторона лица горела от боли, одежда на руках и коленях

была разорванной и грязной, пропитанной кровью. Ноги ныли от усталости и едва справлялись с тем, чтобы поддерживать корпус. Я ощущал себя, как карточный домик за секунду до того, как на него подует ветер. Адреналин сменяла боль и мне быстро стало понятно, что так я долго не протяну.

«Пренебрежение болью.» — я посмотрел на свои руки, задрав рукава грязного худи. По запястьям начали бегать белые линии, оставляющие за собой узоры напоминающие швы. Тело словно онемело и боль, хоть и не исчезла полностью, ощущалась так, словно ушла на задний план, лишь фоном напоминая мне о плачевном состоянии тела.

Перемена в самочувствии оказалась столь резкой, что я не сразу понял, что вообще со мной произошло и чуть было не потерял равновесие, вовремя опершись о стену.

Встряхнув головой, я обнаружил окно, которое ранее не заметил. Пыльное до непрозрачности стекло в деревянной, вертикально поднимающейся, раме выглядело так, будто было готово развалиться от одного лишь касания. Но мой взгляд зацепило не его аварийное состояние, а тот факт, что защелка снизу была сломана, оставляя некоторое пространство между подоконником и самим окном.

Я запустил руку вниз и поднял эту древнюю конструкцию до упора, молясь о том, чтоб тварь не посмотрела вверх. Этого, к счастью не произошло, и я забрался внутрь настолько быстро, насколько мог, и сел у окна, только теперь уже внутри.

Судя по всему, я находился в коридоре жилого дома.

Пыли внутри было так много, что любой луч света, который попадал в это помещение был отчетливо различим и казался почти что осязаемым. На полу коридора был расстелен зеленый ковер, кончающийся у такого же окна, как и то, возле которого сидел я, только с противоположной стороны дома. Каждые несколько метров по бокам от прохода располагались одинаковые двери с приклеенными к ним золотыми номерками, многие из которых, впрочем, давно отвалились, напоминая о себе лишь узором из засохшего клея. Многие были заколочены досками.

Я выдохнул и посмотрел в потолок.

— Бл*ть, да как так угораздило…

Произошедшее за последние полчаса не укладывалось в голове. Я выдохся настолько, что не мог даже как следует осознать всю тяжесть полученых увечий. Ровно так же я не мог сконцентрироваться и начать прислушиваться к звукам снаружи, чтобы примерно понимать где находится мой враг. Все это не имело для меня ни малейшего смысла.

Конечности казались свинцовыми, ступни в измазанных

землей кедах «фонили» от беготни, даже несмотря на действие ауры. Казалось, я был готов просидеть в этом коридоре целую вечность… если бы не внезапная вибрация в кармане джинс.

Правой рукой я достал из штанов телефон и разблокировал экран. Кто-то мог бы сказать, что соотношение лайков и подписок в его социальных сетях — последнее, что должно волновать полумертвого человека в богом забытом городе, где за ним по пятам идет не поддающееся логике чудовище. И этот «кто-то» был бы прав, однако моё мышление в тот момент никак нельзя было назвать хоть сколько-нибудь трезвым.

Мобильник щелкнул, давая понять, что экран разблокирован успешно и на экране появилось моё лицо. Вернее то, что от него осталось.

— Какого…?

Всё это время, начиная с того самого момента, когда Коротышка перед своей смертью отобрал у меня телефон, мой профиль в «Постере» вел прямую трансляцию. И судя по всему, я сам того не зная оказался довольно успешным «Постер-блоггером».

Меня в прямом эфире смотрело двести человек. Четыре сотни глаз сейчас наблюдали мою искореженную одноглазую физиономию, которую им доносила фронтальная камера.

Почему-то мне это показалось невероятно забавным. Я всегда недолюбливал эту конкретную социальную сеть за ложь, на которой строился образ её пользователей. Каждый уважающий себя блогер в «Постере» был красивее, умнее и разностороннее, чем на самом деле. Это было негласным правилом среди всех его пользователей — заставляй других поверить, что твои мечты о идеальной жизни уже сбылись, а каждое утро ты встречаешь с мыслями о саморазвитии, успешном бизнесе и здоровой еде. Тем более иронично выглядела моя трансляция, которая началась с задорной речи коротышки, продолжилась его довольно нелицеприятной кончиной, а заканчивалась моим уставшим, окровавленным лицом без глаза.

Я ухмыльнулся. По крайней мере все это ДЕЙСТВИТЕЛЬНО произошло со мной.

Скромное число моих подписчиков за полчаса трансляции увеличилось на несколько сотен, каждые несколько секунд в мою личку прилетали сообщения от совершенно незнакомых мне людей, а количество оповещений о лайках представляло собой четырехзначное число.

Комментарии под трансляцией летели бешеной лентой, смысл большинства из них сводился к недоумению или предположениям, что же там происходило, пока мой находился в

кармане. Но последнее, чего я сейчас хотел — это налаживать связи с общественностью.

Еще раз глянув на свое обезображенное лицо, я стиснул зубы и потянулся к кнопке выключения стрима. Как вдруг, среди потока комментариев от незнакомцев, словно кофейным пятном на белой рубашке, выделилось одно единственное сообщение от пользователя с лаконичным никнеймом el1za.

«Боже, Марк, что происходит???»

Это настоящий профиль моей суженной. Сам факт того, что эта девушка осмеливалась со мной связаться был бельмом на глазу, напоминающем мне о собственной ничтожности, из-за которой я и решился на всю эту глупую поездку. За считанные секунды её комментарий вырвал меня из апатии. Меня окутала злость и жалость к самому себе, вследствие чего телефон чуть не отправился в стену. Однако сумев сдержать вспышку гнева, я просто опустил занесенную руку с телефоном вниз и начал думать.

Люди отца должны быть уже на подходе… на подходе к поезду. Они ведь понятия не имеют где я нахожусь, а значит и не смогут помочь мне выбраться из этой передряги и разобраться с блуждающим. Скорее всего администрация постера не отрубила прямую трансляцию из-за них, потому что так они получают хоть какую-то информацию о происходящем со мной.

А раз они смотрят прямой эфир, то мне нужно сообщить им о своем местоположении, передать геолокацию или…

Снизу раздался знакомый шаркающий звук, напомнивший мне, что блуждающий находится совсем рядом. Звонить начальнику охраны, когда в нескольких метрах от меня разгуливает это чудовище, не вариант.

Так тихо, как было возможно, я поднялся на ноги.

Я всего лишь несколько часов назад выбрасывал телефон, чтоб меня не нашли. А сейчас веду прямой эфир как раз таки в обратных целях. Это было достаточно иронично для того, чтобы я выдавил из себя ухмылку.

Глава 10

Я волочился мимо одинаковых дверей до лестничного пролета, что находился аккурат посередине этажа. Схватившись за перила зашагал вниз.

На лестнице пахло сыростью и плесенью, ступеньки нехотя поддавались моим ногам. Приложив некоторую долю усилий, я смог спуститься на первый этаж, где собирался провести инспекцию всех ходов и выходов.

Фойе было небольшим и довольно темным, так что мне пришлось включить фонарик на телефоне.

От фойе вел небольшой коридор, точно такой же, как и на втором этаже с несколькими заколоченными дверьми, ведущими, по всей видимости, в квартиры. Возможно, двери заколотили бывшие жильцы, когда покидали это место, надеясь сюда еще вернуться. Похоже, делали они это в спешке, так как на полу около одной из дверей валялся измазанный мазутом коробок со всяческими гвоздями и шурупами, поперек которого был небрежно брошен старенький молоток.

В противоположной части коридора было видно окно, как назло, тоже заколоченное. Значит, помимо пожарной лестницы на втором этаже, из здания есть всего один выход — через главные двери. Это плохо, ведь он находится с лицевой стороны здания, в тройке метров от которого — переулок с блуждающим. И попробуй я выйти любым из двух доступных способов — я в итоге все равно привлеку внимание той твари.

Можно попробовать заманить ее в здание через один вход, а выйти через другой… Но я не уверен, что у меня получится. Да и… ни к чему это.

Я заковылял по коридору к лестнице, не забыв по пути схватить молоток, наверное больше для того, чтобы себя немного успокоить. Умостившись на лестнице, я в очередной раз разблокировал телефон и зашел в список контактов, где нашел контакт «Фридрих». Чуть было не нажал кнопку вызова, но чудом остановился в последний момент. Нет, сейчас явно не время для телефонных разговоров. Вместо этого я отправил ему сообщение:

«Я в пригороде. Меня преследует оживший труп проводника. Скрылся в здании, выход перекрыт, но я пока в безопасности.»

Надеюсь, этого сообщения хватит.

На секунду задумавшись, я отправил следом второе сообщение, примерно описывающее пройденный мною маршрут. Теперь точно все. Осталось только ждать.

Сжав зубы, я отключил ауру «пренебрежения болью», заменив

ее на регенерацию. Пока ничего не происходит, есть время хоть немного восстановиться. Конечно, в таком состоянии регенерация — мало что сделает, это тебе не панацея, но по крайней мере остановит кровотечение и чуть восстановит силы.

Господи! Я чуть было сознание не потерял от накатившей боли. Про ноги говорить нечего — сначала бег до поезда с коротышкой, потом выбивание двери и игра в догонялки с той тварью. Пробитый глаз, прожигающий черепушку до основания и… острая боль в грудной клетке при попытке вдохнуть. Возможно, ребра сломаны. Не знаю, как в таком состоянии я вообще добежал сюда. Хотелось просто лечь и сдохнуть, чтоб не мучаться.

Я буквально растекся на ступенях, сознание то и дело пыталось уйти в сон — таким сильным было истощение. И, на минуту, а может и две, три или четыре — черт знает на сколько, но я отключился.

Вырвала из забвения меня мелодия звонка, сначала показавшаяся мне сиреной. Как последний идиот я забыл поставить телефон в беззвучный режим и теперь испуганно хлопал себя по карманам, в попытках его найти. Но мобилки в них не оказалось. Я оглянулся и обнаружил его в паре ступенек снизу от себя, после чего настолько резво, насколько мог, сполз к мобильнику и сбросил звонок.

Мне оставалось лишь проклинать себя. Я допустил слишком много ошибок из-за своей непредусмотрительности, и каждая из них очень дорого мне стоила. Не закрыл дверь в вагон с трупом, не обезвредил Коротышку, хотя мог… да даже позволил Максу оставить себя один на один с этой тварью. Если ты выберешься отсюда не по кускам, Марк, тебе придется сильно поумнеть.

Я не стал смотреть кто мне звонит и быстро засунул телефон в карман. В тот же миг дверь в здание задрожала от удара. Блуждающий, скотина, услышал звонок.

Похоже, конечная. Мне хотелось применить «Пренебрежение», чтобы хотя бы немного смягчить то, что произойдет дальше, но… а толку?

В таком состоянии я не смогу даже сбежать. Я начал перебирать в голове все, чему меня обучали, и с глубоким сожалением осознал, что нет выбора, кроме как использовать «Сдвиг предела».

Я прикусил губу и с опаской активировал ауру.

«Сдвиг» был очень неприятным навыком, который по-хорошему применялся только в комбинации с регенерацией или парой-тройкой укрепляющих организм аур. Он позволял расширить границы возможностей человеческого тела. Однако,

бесплатной энергии не бывает, потому она выжимается из всех возможных резервов организма. Неаккуратное или длительное использование этого навыка может истощить тело, а в худшем случае и вовсе убить — сердце может не выдержать.

«Сдвиг» ускоряет реакцию, повышает тонус мышц и действительно позволяет «преодолеть физиологический предел»… на время. Уже сейчас мое сердце стучало, как отбойный молоток, и с каждой секундой все больше набирало обороты.

Это усиление не используют в чистом виде. Обычно, оно применяется вместе с другими аурами — укрепления и/или регенерации, чем немного перекрываются недостатки. Стоит ли напоминать, что мой запас маны не позволял сделать этого?

Однако, других вариантов всё равно пока не предвидится. Мерзкая ноющая боль пробежала от ног до головы вместе с мурашками, а руки засветились багрово красным. Иногда, после длительных мучительных тренировок, мне даже снились эти узоры изображающие что-то наподобие разорванных нитей.

Впрочем, сейчас точно не время жалеть себя. Красное свечение угасло и во мне словно открылось второе дыхание. Боль, конечно, никуда не пропала, но отошла на задний план. И в целом, тело перестало ощущаться мешком картошки, что уже было неплохо.

Сначала я хотел побежать наверх и свалить через пожарный выход, но понял, что в таком состоянии я не пробегу и пяти минут, остановится сердце.

Увы, на этом выделенное мне судьбой время на размышления закончилось и тварь прорвалась внутрь, знакомо рыча и мерзко размахивая по сторонам тем, что раньше было руками.

На долю секунды я растерялся. Ведь оно изменилось.

В богомерзком месиве, что представляло из себя её тело, теперь еще меньше угадывались черты проводника. Он скорее был больше оболочкой, которую нелепо натянули на каркас из выпирающих отовсюду костей, изгибающихся под самыми странными углами. Безо всякой очевидной логики конечности блуждающего были вывернуты и выкручены в разные стороны, остатки формы проводника были разорваны сразу в десятке мест, а костяные отростки быстро росли, иногда пронзая само чудовище.

Перекинув молоток из левой руки в правую, я бросился на монстра и как в поезде пнул его ногой в грудь, пока тот еще не успел заметить меня. В этот раз у меня получилось вытолкнуть его на улицу с первой попытки — я хорошо помнил, как печальны были мои потуги драться с ним в закрытом пространстве и я

совсем не хотел повторять тот опыт.

Когда мне показалось, что Блуждающий упал, я быстро попытался прошмыгнуть мимо него и тут же пожалел об этом. Он резко дернулся и я ощутил как на моем плече начинает кровоточить порез, сам же монстр во время падения оперся на один из своих отростков и с громким ревом вернулся в вертикальное положение.

Я обернулся, и посмотрев на него, замахнулся молотком. Я понимал, что мне вряд ли удастся убить его, однако пусть попробует догнать меня с переломанными ногами. Относительно всего остального тела они выглядели более менее похожими на человеческие, если не считать провалившихся в обратную сторону колен.

Я не успел ударить первым, в слепой ярости тварь понеслась прямо на меня. Всё, что мне оставалось это увернуться, и когда чудовище сократило дистанцию до предельно нарушающей мою зону комфорта, я отскочил в сторону, увидел как в считанных сантиметрах от моего глаза проносится острая кость, и вмазал ему прямо по колену. Раздался хруст.

После чего я отскочил и подготовился к следующему выпаду.

Увы, с одним глазом было сложно правильно оценить расстояние и когда блуждающий в очередной раз побежал в мою сторону, я допустил секундную осечку и отпрыгнул назад несколько позднее, чем должен был. В результате кость разрезала мою толстовку, а вместе с ней и кожу на груди.

Я наотмашь ударил мотолком и… в этот момент глазу слегка потемнело. Слева в груди начало колоть. Мне нужно закончить все это быстрее, или я умру, если не от твари, так от разрыва сердца.

Увы, чудовище не давало передышки, без остановки размахивая передо мной своими костяными клинками и в какой-то момент, после очередного отскока назад, я обнаружил себя у стены дома в том самом переулке с мусорным ящиком и пожарной лестницей.

Каким-то чудом отбив первую пару ударов молотком, я разозлил его и монстр, громко взревев, влетел в меня плечом. Я полетел спиной прямо в кирпичную стену и не сумев удержаться на ногах, упал вниз.

В глазах опять потемнело, сердце колотилось как бешеное, отзываясь колящей болью.

Я успел только заметить, как это мерзкое существо подняло кость над моей головой и зажмурил глаз.

Не успел я даже задаться вопросом, почему оно меня до сих пор не убило, как что-то громко хрустнуло. Я открыл веко и

увидел, как чья-то рука схватила блуждающего и приложила о стену, отчего из тела монстра брызнула густая кровь, пачкая мою и без того уже грязную одежду.

Еще несколько ударов о стену — и чудовище бездыханно упало на пол рядом со мной. Его голова была разбита всмятку. Я несколько секунд таращился на труп монстра, не понимая, что произошло, и уже затем поднял голову.

Посреди темной улицы вытирал руки о рубашку тот самый старик, с которым я ехал в одном вагоне.

— Ну, чего разлегся? — старик угрюмо хмыкнул и глазами указал на труп твари, что истекала темно-красной жижей рядом со мной. — Еще поживешь.

Из огня да в полымя, так? У меня не было сил даже на то, чтобы ответить ему.

Я поставил левую руку на пол, чтобы подняться, но все мои потуги на смену положения в вертикальное прервал сгусток крови вырвавшийся изо рта. Несколько секунд обреченно протаращившись на лужицу крови, что с неприятным звуком разлилась перед моим лицом, я все же решил предпринять еще одну попытку подняться. Я кое как оперся на руку и тут же понял, что мой замысел обречен на провал. Вся конечность дрожала только от того, что я переместил на неё вес, а о том чтобы поднять меня на ноги и речи идти не могло. Когда рука в очередной раз пошатнулась и я был готов упасть, меня ловко подхватили и как тряпичную куклу подняли вверх.

— А тебя здорово потрепало… но это ничего, — старик держал меня под плечо и нахмурив брови смотрел на обезображенное лицо, — Дай-ка вытащу тебя на свет.

Полумертвый кусок мяса, который представлял из себя моё тело, несли к выходу из темной аллеи чуть ли не на руках. Меня удивило то, с какой легкостью пожилой мужчина тащил мою тушу на себе. Словно я был не взрослым парнем, а совсем мелким ребенком, повисшим на руке у отца ради забавы.

Мы вышли на главную улицу и нас встретил лунный свет. Я попытался указать пальцем на ближайшую скамейку. И хотя со стороны мои телодвижения, наверное, больше напоминали припадок, старик понял чего я от него хочу и усадил меня на скамейку.

В моей голове пролетела сотня вопросов, однако в таком состоянии я не был способен задать ему ни один из них. Я посмотрел на свои руки и применил ауру регенерации. Знакомое зеленое свечение поползло вверх по запястьям. Забавно. Учитывая урон, который претерпело моё тело, аура послужила мне скорее как плацебо. Я понимал, что она мне сейчас почти никак не

поможет, но почему-то мне хотелось верить, что дела обстоят совершенно наоборот.

Увидев доказательство того, что я пробужденный, старик улыбнулся и несколько раз едва заметно качнул головой. Почему-то он напомнил мне мудрого тренера или счастливого родителя из какого-нибудь фильма, наблюдающего за победами своего ребенка на спортивном соревновании. Я поспешил спустить рукава своей толстовки, хотя, впрочем, в этом уже не было смысла.

— Да понял я, что ты пробужденный. — он ухмыльнулся.

Я в очередной раз сплюнул кровь и поднял голову.

— Восхитительно…

— Не переживай по этому поводу.

Старик подошел ко мне и опустился на колено. Я с недоумением посмотрел на него и отодвинул голову назад. Он поднял свою морщинистую руку и крепко схватил меня за плечо. Спустя мгновение предплечье мужчины загорелось красным светом, таким ярким, что даже темно-синяя рубашка, в которую он был одет, не могла его скрыть. Свет переместился с предплечья к запястью, а еще через несколько секунд к ладони старика… Движение этой красной точки было столь плавным, что напомнило мне аппараты показывающие диаграмму сердцебиения в больницах. Я на секунду представил как бы выглядела сейчас моя диаграмма, и заключив, что она, наверное, напоминала бы музыкальный эквалайзер во время проигрывания драм эн бейса. Лучше об этом даже не думать.

Тем временем красное пятно, покинувшее рукав мужчины и открывшее свой узор в котором явно угадывались шприцы, перешло в моё плечо и… тут же погасло. Старик раскрыл глаза от удивления.

— Это еще… что такое? — он действительно не мог поверить, что на меня не сработал его… навык лечения?

Когда этот старик сидел напротив меня в купе поезда, а ему под ухо кудахтала бабуля божий одуванчик, я и представить не мог, что передо мной находится пробужденный. Однако в этот конкретный момент времени открытие его способностей меня почти не удивило. Честно говоря, я понятия не имею, что еще должно было за сегодня произойти, чтобы я удивился. Словно сама эта эмоция притупилась и обросла твердым слоем, как мозоль, после всего пережитого за этот долгий день.

Дедуля хотел меня подлечить, ха. Если бы со мной все было так просто, я бы сейчас здесь не сидел. Мне всегда было до боли обидно видеть, как даже самый обычный кухарь в моем клане мог получить помощь в виде лечебного навыка от кого-нибудь из

пробужденных, в случае какого-нибудь неудачного происшествия и уже на следующий день выйти на работу, как ни в чем не бывало. А я — сын наследника, был вынужден неделями лежать в больнице с банальным гриппом. Так что насколько бы не был этот старик могуществен, скольких бы он не вылечил и не усилил, против такого самородка как я, с этим проклятым «Уроборосом» ничего не мог противопоставить. Хотя, за саму попытку я был ему благодарен.

— Спасибо, но боюсь, в моем случае это не поможет. — я выдохнул.

— Странный ты парень, — хмыкнул старик, — Это еще в поезде было видно.

— Наверное.

Может быть, дело было в свежем воздухе, быть может, я падок на плацебо не хуже, чем дамочки заказывающие в интернете чаи для похудения в немыслимым количествах, а может, регенерация действительно работала всё же быстрее, чем я привык о ней думать. Я стал чувствовать себя немного лучше. Конечно начали снова слушаться меня, головная боль подутихла, а раненый глаз, похоже, перестал кровоточить. Я поднял голову.

— Идти сможешь?

— Скорее да, чем нет. — в отличии от всего остального тела, мои ноги хотя бы не были сломаны.

— Ну так пойдем, ты мне в одном деле поможешь.

Он подал мне руку и я поднялся со скамейки. Голова закружилась, но ноги все же смогли удержать меня в вертикальном положении, что показалось мне достаточно хорошим знаком, учитывая обстоятельства. Старик указал мне рукой туда, где по моему предположению находился центр города. Оставив за пустую улицу с остывающим трупом блуждающего, мы медленно зашагали по заросшему бурьяном асфальту.

— Так откуда вы…

— Родион. — он перебил меня и улыбнулся словно кассир в каком-нибудь бутике.

— Марк. — хотел было представиться я.

— Приятно, Марк.

Мы медленно заковыляли в сторону города.

— Ты уже должен был догадаться, что мы с женой не простая пара ворчливых стариков. — Родион уверенно шагал по дороге.

— Это я понял. — я схватился рукой за бок.

Он пробужденный. Зовут Родион, да еще и в поезде я заметил как консервативно он смотрит на эту жизнь. Не нужно быть семи пядей во лбу, дабы понять, что передо мной представитель

какого-то рода из старых аристократов. Еще из тех, что жили на этой земле, когда мы были частью восточной империи, что распалась и сейчас уже была республикой.

Новая аристократия, в числе которой находился и мой род, появилась уже после распада. Вернее будет сказать, образовались новые рода. Как легко отличить старых от новых? Легко. По именам. Новая аристократия под покровительством запада называла своих детей соответствующими западу именами. Старая же аристократия до сих пор использовала чисто русские имена, что были не очень в почете, хочу я сказать.

Конечно, не без исключений. Например род Вульфрика, несмотря на то, что был одним из старейших на этой территории, быстро смог адаптироваться под новые правила и пошел на поклон к западу еще во время войны, приняв их традиции и с тех пор называя детей на западный манер. Небольшая цена за то, чтобы в итоге стать одним из сильнейших кланов в целой стране, надо полагать.

— Мне очень жаль, что тебе пришлось пройти через весь этот кошмар. Я не хотел создавать проблем. — Родион виновато глянул в пол, а затем цокнул языком. — Однако, пойми, в городе у меня есть одно неотложное дело… а другими путями сюда добраться довольно проблематично.

Я нахмурился.

— Что-то не верится… — если вспомнить, через что им пришлось пройти просто чтобы выйти из поезда, в отсутствие других вариантов верилось слабо.

— Имперские контролируют все въезды и выезды сюда, и даже несмотря на мои связи… я хотел встретиться с сыном безо всякого лишнего надсмотра.

— Вы сюда приехали повидать сына? — звучало его объяснение довольно бредово.

— Да, он здесь работает. Мы к нему сейчас и идем. — Родион улыбнулся, а у меня по спине прошли мурашки.

Мы оставили окраину города. Вскоре нас со всех сторон окружили пустые серые здания, и если я то и дело с удивлением смотрел по сторонам на безжизненные многоэтажки, то старик отвлекался лишь на разговор со мной.

— Я знаю о чем ты хочешь спросить.

— Несложно догадаться. — я с опаской глянул на него, — Зачем вы так с проводником?

— Понимаешь, — старик сжал кулаки, — я приехал сюда с определенной целью. Очень важной лично для меня. И я никому не позволю мне мешать.

Старик помрачнел.

— Понимаешь, в том районе когда-то жил мой сын, — Родион тяжело вздохнул, — Он всегда был достаточно своевольным и желал всего добиться сам, с нуля. Такой уж характер.

Родион на секунду замолк, а потом резко добавил:

— В общем-то, я ходил туда за кое-чем из его вещей, а на обратном пути встретил тебя.

Это, конечно, все хорошо, но куда мы идем — я бы не отказался от больницы. Допустим, где-то тут работает сын, значит, какая никакая цивилизация есть.

Словно прочитав мои мысли Родион повернулся и добродушно улыбнулся.

— Мы уже рядом, не переживай.

Глава 11

Центр города был в другой стороне — понял я, когда мы вышли на холм, застроенный довольно зажиточными коттеджами. Дорогой район. Я оглянулся назад и увидел город во всей его тихой красе. Не горящие огнями постройки и пустые дороги. Я отсюда видел железную дорогу и, кажется, даже сам поезд. Он был в киллометрах десяти, возможно больше, в противоположной стороне от силосной башни. Я быстро сфотографировал этот вид и выложил в «постер». После чего направился догонять старика.

Мы за прошли мимо внушительного здания с множеством окон. В таких обычно располагаются административные структуры, подчистую забитые мелкими чиновниками. Видеть такое место опустошенным было довольно странно, и если от остального города веяло локальным апокалипсисом, то это здание больше походило на символ какой-нибудь победившей анархии.

Когда мы обогнули выпирающий угол этого монолитного строения, перед нами, словно небо из-за громовых туч, показалась довольно большая площадь. Выложенная брусчаткой, площадь была пустой. И только в центре стоял памятник императору, неизменно смотрящему в светлое будущее, подняв обе руки ладонями вверх к небесам. Забавно. Наша страна не состоит в империи, а памятники ему — есть, причем по всей стране. Никогда этого не понимал.

Родион уверенно взял курс на памятник. Сначала я не понял этот порыв к осмотру местных достопримечательностей, а затем заметил у подножия статуи человеческий силуэт. По мере приближения я понял, кто это.

— Божечки, где же тебя черти носили? — старушка, которая ехала вместе с Родионом в поезде, раздраженно сложила руки в боки.

— Спасал вот этого вот, — он махнул головой в мою сторону.

Женщина посмотрела так, словно увидела меня только сейчас и скорчила гримасу отвращения смешанного с удивлением.

— И кто ж тебя так? Неужто с нечистью не совладал? — её взгляд то и дело останавливался на какой-нибудь части моей ободранной шкуры.

— Ну, технически… — я впервые за все время подумал о том, что сам монстр, не считая рваных ран на плече и груди, ну и одного толчка об стену, меня-то особо и не зацепил. Мой ободранный вид был вызван в большей мере моей собственной неуклюжестью при побеге от него. Однако, вряд ли я кому-нибудь

расскажу историю происхождения всех своих будущих шрамов в таком ключе, так что…

— Да, это всё блуждающий, созданный по вашей с Родионом милости.

— Правда, что ли? — она смущенно посмотрела на мой выколотый глаз.

Я кивнул.

— Блуждающий, да еще и свежий… это же самый жалкий из нежити, голубок. Какой такой пробужденный вот так после него одноглазым останется?

Ну вот, я дожил до того, что над моей неполноценностью смеются даже незнакомые старухи. Что дальше? Я встречу младенца, жонглирующего 9-ю аурами одновременно?

— Я просто встал не с той ноги сегодня. — я пожал плечами и оглянулся, чтобы спрятаться от её взгляда.

Родион заметил мое замешательство и решил встрять в разговор.

— Рита, кончай его донимать. — он посмотрел ей прямо в глаза, — Марк нам еще может помочь, — последнее старик добавил уже тише.

Спутница Родиона переменилась в лице и тут же умолкла. Мне показалось, что ей вдруг стало очень стыдно за свои слова и произошло это так резко, что я даже немного напрягся.

Отчитав жену, старик повернулся ко мне и снова натянул на себя улыбку.

— А мы, между прочим, почти пришли! Здесь минут пять ходу осталось.

— Это здорово, но мне бы по-хорошему к поезду вернуться, меня там уже должны ждать и…

— Марк, я этого говорить не хотел, но… за спасение твоё, можешь мне эту услугу-то одну оказать, просто с нами пройти, а? — Он сказал это так, словно у меня был выбор, но между строк явно читалось его отсутствие.

— Да, конечно… без проблем, — я внутренне скривился.

— Вот и славно. Сын-то рядом совсем, я же говорю, пять минут! — старик враз повеселел и хлопнув меня по плечу принялся шагать вперед мимо памятника.

Рита грустно вздохнула и посмотрев на здание, что высилось над прочими домами за площадью, пошла за ним. Я поспешил следом.

Где-то с минуту мы шли молча, но в какой-то момент Родион посмотрел на меня и решил снова завести беседу.

— Ты все допытывался про мертвый город в поезде. Понял теперь, почему сюда лучше не соваться вообще?

— Понял… не сомневайтесь. — по иронии именно в этот момент обезображенная глазница начала печь пуще обычного.

— Совсем ничего про такие места не знаешь, значит?

Я покачал головой.

— Что вообще должно было произойти, чтобы целый город вот так взял и вымер?

— Ну, Марк… Ты ведь пробужденный, полагаю, из знатной семьи. Значит о силе не меньше моего должен знать. Вот только есть один вопрос щепетильный, который все стороной обходят. Особенно в этой стране. Тело… когда умирает, оно разлагается, так?

Я было открыл рот, но старик не стал дожидаться моего ответа и продолжил:

— Плоть гниет, кости стираются и ничего кроме пыли от тебя не остается. А сила… особенно великая, значит просто так без следа исчезает? — я нахмурился, — Черта с два, она тоже гниет, разлагается. Но по-своему. Она извращается.

— Что хорошее было, лечило и помогало другим, начинает всех калечить и уродовать, а что плохое… оно вообще иным становится. И чем сильнее ты был, тем дальше расползается эта скверна по всем уголкам, до которых дотянуться может. Не сразу, конечно, это происходит, но чем больше времени проходит, тем «злее» становится эта скверна. Нужны годы, а то и десятилетия.

— Значит… здесь захоронен кто-то могущественный? — не удержался я от вопроса.

Старик хмыкнул.

— Если бы кто-то один. Давай я начну с самого начала, откуда все пошло.

Я кивнул.

— Думаю, ты сам знаешь, какие сражения проходили на территории нашей страны сто лет назад. Когда мы еще были частью совсем другой империи, ныне ставшей республикой.

Я снова кивнул. Когда-то мы действительно входили в состав империи с востока, затем случилась мировая война — где восток воевал против запада. «Старая» империя против «новой» и ее «Первого пробужденного императора».

Старик продолжил:

— Если до войны пробужденные были чем-то вроде сказки, редкой экзотикой… Но ведь недаром появился первый император, да? — старик хитро хмыкнул, — Во время войны с каждым годом становилось все больше и больше пробужденных среди обычных солдат. Они-то и стали главным оружием того времени.

— Под стенами этого города, как и у многих других в этой стране, полегло слишком много народу. Причем с обеих сторон.

Никто их в земле гнить, конечно, не бросил. Но и развозить по разным городам не стал. Хоронили как придется. В братских могилах клали друзей вместе с врагами, — старик свернул за угол и вывел нас на небольшую аллею, — Тогда еще никто до конца не знал о последствиях. Но было уже известно, что на полях сражений пробуждаются люди. Сейчас об этом активно умалчивают, но как гнилые листья дают удобрения почве, так и скверна… — старик на секунду осекся, — Что-то меня унесло не туда.

В метрах трех ста от нас показался парк, из-за крон деревьев в нем торчали высокие черные монолиты, подобные башням.

— Так, вот, замечал же, что не хоронят пробужденных в обычных могилах? Все в склепах покоятся, да и священники на таких похоронах никак не из обычной церкви приходят.

Честно говоря, не замечал, так как мой отец никогда не считал нужным знакомить своего сына с нелицеприятной стороной жизни и не брал меня на похороны даже тех людей, которых я знал лично.

— Ну так вот, в этих склепах и запечатывают покойных с силой, чтобы такое как здесь, — он широко развел руки, — Не происходило. Сила остается запертой в их телах даже после смерти.

— Но остается вопрос. Что делать с теми, кто был до них? Как в тех могильниках, что уже как полвека назад сгнили? Как ее запечатать? Ту непокорную силу, что уже начала влиять на мир?

Я не знал, что ответить.

— Это самое паршивое во всей ситуации, Марк. Ту энергию уже ничего не удержит. Джина не вернуть в бутылку, из которой он вырвался. — печально ответил мне Родион, — Нужен другой сосуд.

— В смысле?

— В смысле… нужен живой человек, который принимает в себя ту энергию. После чего, этого человека запечатывают в склеп со всей той энергией. Там он живет и мучается, до самой смерти. Тогда нужен будет уже другой человек, что займет его место. Если вовремя не успеть, то случится Прорыв.

— Здесь и до этого было жутко. Но теперь… живой человек годами страдает наедине со скверной? Я бы никому не пожелал такой участи, всё равно что быть похороненным заживо и не умирать. — произнес я.

Старик почему-то резко замолчал и уставившись вперед зашагал чуть быстрее. Мы с Ритой поспешили за ним, хотя женщина тоже заметно поникла и теперь волочила ногами уставившись куда-то в плитку под ногами.

Старик не соврал, прошло минут пять и вышли к небольшому парку, окруженному каменным забором с черными прутьями, на кончиках которых торчали небольшие черные пики. Мы молча прошли через то место, где обычно должны были бы располагаться широкие ворота, и зашагали по дорожке. Внутри парк был усеян массивными монументами, что торчали из земли, словно башни. Их я и видел на подходе.

Мне стало немного не по себе, аккуратно посаженные деревья выглядели так, словно навсегда застряли в середине осени, листья на них пожухли и утратили всякий цвет, но по какой-то причине не спешили падать вниз, трава тоже не могла похвастаться красками и ландшафт больше напоминал болотную ряску, чем лужайку. Мы прошли еще метров сто, и за поворотом показалось большое серое здание. Оно напоминало церковь, с которой сняли всё, что могло бы напоминать о её принадлежности к какой-нибудь из религий. Мою догадку также подтвердила высившаяся над ней башня с пустой колокольней. Все строение снизу окружал еще один забор, только уже не такой симпатичный, как предыдущий. Грубо и наскоро сколоченный из досок, его угловыми опорами служили даже не окрашенные стальные балки, все указывало на то, что он появился здесь относительно недавно. Родион остановился прямо перед ним и мы с Ритой наконец-то смогли его догнать.

— Вот мы и на месте. — он развернулся и посмотрел на меня.

— И что это такое?

— Тот самый… — голос старика дрогнул и ему пришлось сглонуть ком в горле, чтобы договорить фразу, — Склеп.

— И зачем мы здесь? — я оглянулся по сторонам в поисках сына старика, хотя в этот момент до меня уже начало доходить что к чему.

Родион же словно не услышал мой вопрос и посмотрев на жену, принялся отдирать доски с забора голыми руками, что засветились оранжевым цветом. Вместе с этим он продолжил говорить со мной, хотя кажется, разговор больше походил на монолог.

— Не помню их здесь. Видно императорские постарались… вот холера. — верхняя доска полетела в сторону, — Тяжкая участь говоришь, запечатанным быть, да, Марк?

Я не успел ответить.

— А запечатывать тоже нелегко, — вторая доска с громким треском отлетела нам за спины, — а когда единственный доброволец… — я услышал всхлип Риты за своей спиной, — Твой сын… так и подавно. — последнее он злобно прошипел себе под нос.

— Родион, не надо… прошу… — жена старика рыдала, — давай как сначала хотели, прошу… я…

Старик яростным ударом разломал еще одну доску и гневно посмотрел на женщину.

Я не понимал, что происходит, но вскоре стало понятно, что мне здесь не место. Я оглянулся и медленно попятился назад.

— Ну уж нет, Рита. В прошлый раз у меня выбора не было, а в этот я не откажусь от такой роскоши!

— И ты… — слезы мешали ей говорить, — И ты хочешь взять на себя еще и это? Что, тогда не хватило, да!? — женщина сорвалась на крик.

— Готов! И не тебе меня судить, ты понятия не имеешь, что я чувствовал все эти годы! — в этот момент я уже заметно отдалился от парочки, но они были слишком озадачены ссорой, чтобы это заметить.

— Я не представляю? Я не представляю!? Да он мне каждую ночь снится! Прошу… не надо… — она быстро перестала кричать и перешла на обреченные всхлипывания.

Интуиция кричала, что дело пахнет керосином. Сначала я попятился назад, но затем и вовсе развернулся и зашагал прочь. Что бы старики не задумали, я уверен, что не смогу помочь им, да и не желаю. Особенно после историй, услышанных мной от старика.

Отойдя на пару метров, я полез в карман за телефоном, чтобы еще раз связаться с Фридрихом и тут мне в спину на огромной скорости что-то прилетело. Я упал лицом вниз и увидел как доска отскакивает от мощеной дорожки и вгрызается в пожелтевший газон в нескольких метрах от меня. Мне чудом удалось удержать мобильник в руке, из разбитой о плитку брови хлынула кровь и вскоре перед моим лицом появилась пара коричневых туфель.

— Не глупи. — угрожающе произнес старик.

Он два раза дернул носком туфли вверх, тем самым приказывая мне подниматься. Я напряг руки и медленно начал вставать.

— Понимаешь, Марк. Не считай меня садистом. Но мой сын…

Я поднялся достаточно, чтобы опереться коленом об землю.

— … мой сын достаточно настрадался. — Родион начал нервно расхаживать передо мной. — Сосуд можно заменить и я… я клянусь, что запечатал бы себя вместо него. Если бы я мог, если бы был хотя бы один способ сделать это… то я бы ни за что не оставил его внутри этой коробки, я бы вошел внутрь сам, что тогда… — он выдохнул, — что сейчас.

Я неловким движением засунул телефон в карман, чтобы

освободить руку.

— Рита не выдерживала. Даже спустя столько лет, она словно… умирала каждый день. И она была готова занять его место. Я много с ней спорил, говорил, что не переживу этого снова, однако, в итоге… мне пришлось согласиться. Она любит сына больше всего на свете и если я не смог уберечь его в прошлый раз, то хотя бы на это я должен быть способен, понимаешь? Обречь свою жену на муки, как когда-то сына, а затем самому страдать всю жизнь… хотя не уверен, что я бы смог жить после такого…

— Но здесь появился ты… и прости меня.

Я наконец-то поднялся и отсутствующим взглядом посмотрел на него. Старик стоял напротив, в его взгляде читалась твердая уверенность в том, что он делает. Переубеждать его в чем-либо казалось бессмысленным.

Этот ублюдок хочет запереть меня внутри вместо своей жены. А я-то думал, что хуже моего неудачного брака по расчету быть ничего не может, ха-ха.

Со спины раздался топот, к нам подбежала Рита и крича что-то нечленораздельное принялась лупить старика кулаками по груди. Родион на мгновение отвлекся на неё. За долю секунды я возненавидел эту парочку. Мои кулаки сжались сами по себе, я крепко стиснул зубы и словно на автопилоте врезал этому полоумному прямо в челюсть. Он отшатнулся, а я со всех сил рванул к выходу.

Однако, мне не суждено было даже пересечь черту парка. Меня крепко схватили за шиворот. Воротник впился в шею, ударив по горлу и сбив мне дыхание. Я чуть было не упал, но меня подхватили и резким движением вернули в вертикальное положение.

Передо мной показалось злое лицо старика с разбитой губой.

— Я сказал тебе не глупить, Марк.

Глава 12

— Я сказал тебе не глупить, Марк.

После этой фразы он поднял свою ногу и… резко ударил мне в голень. Я услышал громкий хруст, за которым последовала чудовищная боль, подобной которой я никогда еще не испытывал. Я тут же упал и с открытым ртом уставился на свою правую ногу из которой где-то под коленом торчала разорвавшая джинсы кость.

Я заорал, что было мочи и тут же получил удар ногой в лицо. Тело охватил озноб, я задрожал и сам даже не знаю зачем попытался рукой схватить старика. Он отмахнулся от неё, как от назойливой мухи и раздался еще один мерзкий хруст. Левая нога изогнулась под омерзительным углом, как если бы внутри была наполнена желе. Мой единственный глаз заслонила слеза боли, я без раздумий активировал «Пренебрежение», но, видимо, даже аура не могла совладать с таким.

Старик молча зашел мне за спину и схватил за всё тот же воротник. Он громко выдохнул и принялся тащить меня обратно к склепу. Над моей головой проносились бесконечные ветки полуживых, как и я сам, деревьев. Родион бормотал себе под нос что-то о прощении и выборе, но мне было не до его рассуждений.

Я понимал, что если не сделаю хоть что-нибудь, то буду обречен даже не на смерть, а на кое-что похуже. Люди отца должны быть рядом… я вспомнил о единственном быстром способе передать информацию и нащупал телефон в кармане. Кое-как выудив его из штанов, я щелкнул задвижку, отвечающую за бесшумный режим и направил камеру на свои ноги, уволакиваемые куда-то назад.

Спорное решение, но что мне остается… я включил стрим.

Тут же набежало приличное количество людей. Увидев происходящее я боковым зрением заметил, что чат под стримом заметно оживился, разумеется, читать его сейчас было не лучшей идеей.

Ноги мерзко волочились по плитке подскакивая на неровностях почвы, мне начало казаться, что я теряю сознание, но этого так и не произошло. Я снимал как попало, то свои ноги, то местность, то просто землю. Выглядело это, должно быть, крипово.

Вся оставшаяся сила воли уходила на то, чтобы держать телефон хоть сколько-нибудь ровно и не выронить его случайно. По понятным причинам путь к склепу мне показался куда более долгим, чем на самом деле. Однако вскоре дорожка сделала

поворот и через считанные секунды меня проволокли мимо Риты, прикрывшей рот рукой, но уже не спорящей с мужем. Что же, чудесного спасения не произошло. Стрим тоже не помог. Не могу сказать, что я смирился с вечными муками, скорее просто осознал неизбежность грядущего и всю нелепость тех мер, которые я пытался ему противопоставить. Одним движением пальца я выключил прямую трансляцию и отпустил телефон. Тот упал мне на бедро, скатился по нему и стукнулся о землю.

Меня протащили через дыру в заборе, которую выламывал Родион и вскоре серое небо над головой сменил каменный потолок бывшей церкви. Внутри было совершенно пусто, там где по идее должны располагаться скамьи и исповедальни, но остался лишь холодный серый пол. Родион дотащил меня до стенки и, облокотив об неё, бросил мой воротник.

Он наклонился ко мне, виновато посмотрел прямо в лицо и похлопал по плечу. После чего отошел к тому месту, где в церквях обычно располагается алтарь.

Теперь же вместо него на пьедестале, немного под углом, вертикально стоял широкий каменный саркофаг. В таком легко уместилось бы двое. Я изобразил некое подобие ухмылки. Ну конечно.

Старик встал над саркофагом и, положив на него свою руку, о чем-то задумался. Он покачал головой и замешкавшись, опустил вторую руку на крышку.

Руки Родиона загорелись фиолетовым свечением, которое стремительно перекинулось на весь саркофаг. Он отошел на пару шагов назад и окинул каменный ящик взглядом. Медленно кивнув, старик развернулся и зашагал ко мне.

Я попытался поднять руки, но он словно не заметил этого и уже привычным движением потащил меня по полу.

Спустя мгновение меня бросили у подножья саркофага, как мешок с картошкой, а еще через секунду на землю с жутким грохотом упала дебелая каменная плита — крышка саркофага.

Внутри было два тела окутанных белой ткань с ног до шеи. Честно говоря было сложно сразу сказать где мертвец, а где сын Родиона, запечатанный, чтобы сдерживать силу первого. Оба выглядели как не до конца высохшие мумии, однако во лбу одного из них, иссохшего длинноволосого блондина, виднелось четкое круглое отверстие словно от пули, которое видимо и стало причиной смерти.

Родион коснулся голов обоих мужчин и знакомое фиолетовое свечение потекло по его рукам. Вскоре глаза у обитателей склепа загорелись таким же фиолетовым огнем. Родион скривил болезненную гримасу и упал на колено, но вскоре с трудом

поднялся и надавил на их черепа еще сильнее.

Внезапно что-то изменилось в самой атмосфере вокруг этого места. Я ощутил это еще до того, как произошли какие-то значительные изменения. Однако и они не заставили себя ждать. Искаженная энергия была распечатана и в тот же миг вырвалась на волю, сотрясая церковь и, должны быть, другие здания в округе. Сначала все выглядело как простое землетрясение, с потолка церкви посыпались обильные тучи пыли, тела в склепе начали дрожать, а стоящему на одном колене Родиону приходилось удерживать равновесие, вдобавок к работе по высвобождению энергии из своего сына.

Однако на дрожи в земле энергия не успокоилась. Серое небо, что просвечивалось через церковные ставни вдруг сменилось тьмой, но не такой, как та, что повисает ночью. Небо окрасилось в куда более темный, даже черный цвет. Смерть в такой обстановке была практически осязаемым понятием. Я стиснул зубы и снова глянул на алтарь.

Правое из тел начало шевелиться и свечение пропало из его глаз. Парень очнулся и в дрожи начал хватать воздух ртом. Старик аккуратно взял его на руки, поднял и осторожно положил на крышку склепа.

— Подожди-подожди, еще немного осталось… ну-ну… — он принялся успокаивать не осознающего реальность парня. Тот никак не реагировал на отца и лишь резко дергался, словно кукла.

Родион встал и резко подошел ко мне. Он поднял меня на руки и уложил туда, где бог знает сколько лет мучался его сын. Я с ужасом наблюдал, как фиолетовый цвет поднимается от его предплечий к ладоням, одна из которых теперь держала меня за голову. Когда же искаженная энергия, передатчиком которой между мной и трупом этого пробужденного служил Родион, добралась до моего лба, каждую клеточку моего тела словно ударило током.

Во мне циркулировала сила, однако я твердо ощущал, что она не принадлежала мне в полной мере. Словно крыса в горящем подвале, она пыталась выбраться из меня, рвалась на волю, пробивая себе дорогу через тюремные стены, которыми служило моё тело.

Мучения, которые испытывает запечатанный, нельзя сравнить ни с каким иным видом боли ровно в той же мере, в которой нельзя сравнить теплое с мягким. Безусловно, ощущения от поломанных костей, ссадин и порезов нельзя отнести к хоть сколько-нибудь приятным, однако искаженная энергия… она выворачивает наизнанку, крошит и терзает не тело. Она

беснуется внутри тебя, оскверняя душу и искажая всё то живое, что в ней осталось.

Искаженная энергия, которая сейчас пыталась разорвать меня, столкнулась с определенными сложностями. Вначале я чувствовал, как она постепенно вливается и овладевает моим искореженным телом, словно по какой-то мерке, одним непрерывным потоком. Однако в какой-то момент что-то изменилось.

Родион вновь упал на колено, но в этот раз не смог подняться так быстро. Весь процесс приносил ему заметные страдания, лицо старика скривилось в жуткой гримасе, руки дрожали, а из ушей потекла кровь.

Здание принялось дрожать еще пуще прежнего, и вкупе с полнейшей тьмой опустившейся на все вокруг, происходящее можно было принять за конец света, развернувшийся прямо у нас под ногами.

Стабильный поток скверны вгрызающейся в новый сосуд в виде меня, теперь стал резким и несколько дерганым. Новые порции энергии словно не могли ужиться с теми, что уже успели влиться и теперь безумно сталкивались друг с другом.

Энергия словно… пожирала саму себя? Мои руки начали переливаться всеми возможными цветами, все известные мне ауры активировались и деактивировались практически одновременно, узоры накладывались друг на друга, но… самое важное — боль ушла.

Здание перестало дрожать, а тьма, что секунду назад так плотно затянула церковные окна вмиг сменилась привычным серым небом.

Я ощутил себя так, словно во мне открылось второе дыхание, однако вместе с тем, дыхание это было словно чужим и каким-то неправильным. Многочисленные цвета от примененных аур сменились одним — фиолетовым. Но если энергия в руках старика была скорее сиреневой, мой оттенок был куда темнее, практически вельветовым.

— Так не должно быть… — на лице старика читалось смятение. Он оглянулся по сторонам и убедился в том, что выброс искаженной энергии прекратился. — Ты…

Он хотел что-то сказать мне, но в эту секунды за спиной Родиона засопел его лежащий на каменной плите сын, к которому тот сразу и поспешил. Парень был явно не в себе, он тяжело дышал, его костлявые конечности стучали по полу, а гортань издавала животные звуки.

Старик склонился над ним и всхлипывая принялся лечить.

Примерно в этот момент в здание вбежала ранее оставшаяся

снаружи Рита. Она прошла через высокий главный вход и оглянулась по сторонам. Женщина выглядела так, будто постарела лет на десять, а покрасневшие глаза давали понять, что все произошедшее далось ей очень непросто.

Спустя мгновение она заметила Родиона со своим сыном и поспешила подняться вверх к алтарю. Окинув меня виноватым взглядом, Рита обошла своего мужа и и бросилась на колени к своему дитю. Она начала целовать и гладить того по голове, говорить о том, что все позади и мама рядом… однако парню было все равно.

Родион начал заметно злиться, лечение не действовало. Он смотрел на своего сына и, видимо, понимал, что как сильно он бы того не любил, сейчас перед ним лишь блеклая полуживая копия того парня, которого он когда-то запечатал в этот самый склеп своими руками.

Бывший сосуд начал дергаться еще больше, мешая попыткам Родиона себя восстановить. Рита принялась наивно успокаивать его, а её муж применил ту самую силу оранжевого цвета с помощью которой сломал доски на заборе и ноги на мне. Он крепко, почти с ненавистью вжал сына в пол, похоже, сам не зная, что собирается сделать.

Сын принялся выть, как собака, которой наступили на хвост, что только сильнее взбесило его отца.

Рита с ужасом посмотрела на старика и начала бить его по плечам. Осознав, что хватка Родиона от этого никак не ослабевает, она принялась умолять его отпустить сына и попыталась закрыть его своим телом.

Мужчина посмотрел на неё и в порыве гнева наотмашь ударил левой рукой. Усиленный удар откинул Риту на несколько метров, словно она была не тяжелее какого-нибудь небольшого кофейного столика.

Старуха упала на ступеньки, ведущие к алтарю и больше не поднималась.

Полумертвый сын все никак не прекращал выть, но по мере того как отец вдавливал его в пол, вой стал больше походить на хрип.

Я посмотрел на свои руки, темно-фиолетовые узоры с них почти сошли. Возможно, терзания души и прекратились, однако вместе с тем ко мне вернулась старая добрая боль от переломанных конечностей, выколотого глаза и бог знает чего еще.

Голова начала разрываться как от самой страшной мигрени, все тело ощущалось ватным и слабым, однако я все же попытался опереться о край склепа, чтобы выбраться наружу.

Мерзкий хрип сына Родиона резко прекратился, после чего мужчина отпустил уже окончательно мертвое тело своего ребенка и какое-то время еще сидел над ним.

В конце-концов он медленно и быстро оглянулся назад, сначала он посмотрел на меня, медленно выкарабкивающегося из каменного гроба и, возможно даже хотел бы что-то с этим сделать, однако через мгновение его взгляд упал на тело своей жены, что лежала на лестнице с лужей крови, стекающей из разбитой головы.

Вместо того, чтобы броситься к своей супруге и начать оказывать ей первую помощь, Родион лишь обречено подошел к её телу, словно уже понимал, что она мертва. С тяжелым взглядом он водрузил её на себя. После чего развернулся, и посмотрел на меня.

Я в панике начал смотреть то на крышку склепа, где лежит его сын, и которой он сейчас вполне себе может закрыть меня, то на самого старика, однако Родион по какой-то причине решил этого не делать.

Скорее всего, ему уже было просто всё равно.

— Уроборос? — спросил он меня, и так зная ответ.

Я ничего не ответил.

Мы еще какое-то время смотрели друг на друга, а затем он поправил тело жены у себя на плече и водрузил сына на другое плечо. После чего зашагал прочь из церкви. Не представляю, о чем он думал и что чувствовал.

Уверен только в одном — мне его не жаль. Насколько бы не был печален тот факт, что ему пришлось запечатать внутри этого гроба своего сына, я здесь ни при чем. Я несколько раз за день смирился со своей смертью, в самых разных ситуациях, и все они — вина этого полоумного ублюдка, который решил, что раз у него есть слезливая история о сыне, он может играться с энергией, да и с людьми тоже.

Я смотрел ему в спину со злобой и презрением. Я напряг руки и, несмотря на боль в ногах, смог перекинуть себя через край склепа.

Первым делом, оказавшись на полу, я попытался активировать ауру «Пренебрежения болью», однако энергетический коктейль в моем теле и каша в голове свели все попытки обезболиться на нет.

Следующей мыслью было достать телефон и позвонить хотя бы кому-нибудь, ведь если я не погиб от запечатывания в склепе, это совершенно не значит, что меня не добьет обычное кровотечение.

Моё сознание не справлялось, в моем восприятии всё

происходило куда медленнее, чем на самом деле. Я дрожащей рукой ощупал карманы джинс и в памяти, звуком разбитого стекла, раздался удар телефона о пол возле входа в церковь. Там я его уронил. Я попытался ползти, очень медленно, и мне это удавалось.

Люди склонны врать самим себе, особенно в стрессовых ситуациях, это всем известно. Вот и я как-то смог поверить, что если буду достаточно активно двигать своими переломанными ногами, то обязательно доползу куда-нибудь, где мне окажут помощь.

Один метр в моем состоянии был за десять, каждое движение отдавалось жуткой болью, в ране на груди забилась грязь, а на моем лице вздулись вены. Но я продолжал отчаянно продвигаться к уличному свету за этим огромным входом в церковь.

Я смотрел на него и разговаривал сам с собой, в бреду пытаясь убедить себя, что всё будет в порядке, осталось еще немного, только добраться до телефона, который лежит так близко.

Когда я приблизился к распахнутым дверям в глазу начало темнеть. Медленные движение стали практическим черепашьими и если раньше мне было очень тяжело двигаться, то теперь просто невозможно.

Преодолев порог, мне в глаза ударил небесный свет и свежий воздух, который я даже не мог вдохнуть всеми легкими из-за жуткой боли в груди. Я добрался до ступенек, по которым меня совсем недавно сюда тащили и нелепо скатился вниз, как пьяница, которого выбросили из бара.

Я упал на спину в метре от телефона и уставился в небо.

Глаз закрылся как будто сам по себе.

Последнее, что я услышал перед тем, как потерять сознание — это шум переносной рации где-то неподалеку, из которого донеслось простое:

— Шеф, кажется, мы на месте.

Глава 13

«Верхушка» клана Ротт редко когда собиралась в полном составе. Глава, семья старейшины, родственники рангом поменьше, «влившиеся» в клан родственники покойной жены, советники каждого из перечисленных, высокие чины… Короче, всего — больше двадцати человек, и, разумеется, хоть у кого-нибудь из такой толпы случались неотложные дела в другом городе или находилась еще какая уважительная причина не появиться на очередном совещании.

Но не в этот раз. Повод для собрания был слишком важен, а потому Алекс, глава клана Ротт, убедился в том, чтобы увидит перед собой каждое из этих лиц. И на каждом из них так хорошо знакомые ему холод, деловитость и отстраненность.

Люди такого уровня не собираются абы где. Собрание проходило в «Черной Башне», на 79-м этаже — в одном из самых дорогих конференц-залов в стране. Обитые дорогой кожей кресла отражались в вымытом до блеска панорамном окне, с которого открывался вид на центр города.

Дорогое помещение, дорогие костюмы. У каждого места — бутылка минералки самой дорогой марки; не просто «водичка с газиками», а натуральный продукт с кучей целебных свойств.

И люди здесь вели себя соответственно. Это не семейное торжество, не общий праздничный ужин, где можно позволить себе эмоции. Это собрание, и здесь говорят о делах.

— Я рад видеть вас всех здесь сегодня, — медленно начал Алекс, когда за последним из прибывших закрылась дверь. Традиционные слова… был ли он рад? Уж точно нет.

— Как вы знаете, мой сын Марк…

Он замолчал, подбирая нужные слова.

— Алекс, — Говард, его младший брат, счёл, что пятисекундная пауза — это слишком долго.

— Давай без долгих прелюдий. Мы все прекрасно знаем, что случилось с твоим сыном; все кому надо и не надо знают о случившемся, благодаря его стриму! Не надо говорить, что с ним было — скажи, что с ним будет.

— Два месяца, — спокойным тоном, удержавшись даже от вздоха, заговорил Алекс, — Восстановления. Я не говорю о полном восстановлении — разумеется, это невозможно в такой короткий срок без лечебной магии. Я говорю о состоянии, в котором он не будет прикованным к постели инвалидом и сможет покинуть больницу.

В его голосе, как и полагалось, не было ни капли эмоций, как

будто он говорил не о своём сыне, который, когда его нашли, больше напоминал кровавый ошмёток, а о каких-то формальностях.

— Как понимают все собравшиеся, мы можем использовать лишь традиционные методы лечения, без капли магии, что и сделало этот период таким долгим.

К этому Алекс тоже привык. Марк, неделями валяющийся с гриппом, Марк, щёку которого раздуло от флюса, Марк, хромающий из-за вывихнутой на тренировке лодыжки… то, о чём большинство людей — уж во всяком случае, людей его статуса — давно забыло. Нормальное, магическое лечение было недоступно тому, на кого невозможно наложить никакой эффект, так что прибегать приходилось к «традиционным», а по мнению многих — попросту доисторическим методам. Лекарства, бинты, гипс, операции…

— Свадьба с Элизой должна была состояться через три месяца, — заметил Николай, глава отдела связей, и от Алекса не укрылось это «была». — Однако, большинство собравшихся сходятся во мнении, что Вульфрик, разумеется, отменит свадьбу.

Ого! А он уже успел опросить «большинство собравшихся»? Подготовились, однако!

— Вульфрик не сделал этого раньше, когда Марк Пробудился, — ровным тоном ответил Алекс. — И, я уверен, не сделает этого и сейчас. Суть не в личности моего сына, его силе или слабости. Суть в интересах кланов и создании «родства».

— Да, — вновь заговорил Говард. — Но они могут породниться и другим образом.

Все взгляды были устремлены на говорящих. Каждый из сидящих тут понимал, что это борьба, и каждый поддерживал кого-то конкретного. Кроме того, каждый из них имел свои интересы и готов был легко сменить сторону, если это будет выгодно ему самому.

— Если ты об одном из своих сыновей, Говард, — покачал головой Алекс, — То, насколько помню, все они уже помолвлены? Разрыв помолвки любого из них будет нам неприятен.

Да, Говард несколько лет добивался того, чтобы один из его трёх сыновей стал женихом Элизы, но затем, отчаявшись, помолвил их всех с невестами из других родов — разумеется, тоже знатных, но уж точно не такого уровня, как род Вульфрика. Сейчас он, должно быть, кусал локти.

— Да, конечно, — мягко и по-деловому улыбнулся Говард. — Все трое моих сыновей станут мужьями тех, с кем планировалось. Но почему мы не обращаем внимания на другого кандидата?

Он указал рукой вперёд, туда, где сидели выходцы из клана

жены Алекса.

— Рэм? — удивился Алекс, и тут же подавил своё удивление. Нельзя, чтобы кто-то его заметил. Но всё же… его брат заодно с родственниками его жены?

Указанный Рэм наклонил голову и вежливо заговорил:

— Я… конечно, не являюсь кровью от крови клана Ротт, но я тоже его член, и, если решение большинства будет таково, я приму это с честью.

— Тихо, — Алекс поглядел на него суровым взглядом. — У нас тут не демократия, и такие вещи определяются не решением большинства. На данный момент я — глава клана.

— Разумеется, дядя Алекс, — почтительно согласился Рэм.

Дядя… какой он ему дядя. Племянник жены, старший сын её братца. Алекс ещё сразу удивился — почему этого юнца тоже притащили на совет? Хотя, теперь всё ясно.

Он не мог назвать себя образцовым отцом. Точно не мог. Если бы Ленора, его жена… не погибла, когда Марк был еще совсем маленьким, всё могло бы сложиться иначе. Да и последующие несколько лет после её смерти Алекс, как ему казалось, делал все возможное, чтобы сын рос счастливым ребенком. Однако нельзя сказать, что ему это всегда удавалось. Погруженный с головой в работу, Алекс иногда предпочитал не замечать маленького наследника, лишь спихивая его на бесконечных сиделок и оправдываясь тем, что он занимается делами кланами в том числе и для блага Марка в будущем.

Но что уж говорить, когда Марк Пробудился с этим проклятым атрибутом Уроборос — для него это было потрясение. Любимый сын и единственный наследник, тот, на кого возлагались все надежды, вокруг кого строилось столько планов — обречён быть… никем.

Теперь ему нужно было не только воспитывать его, но и оберегать от цепких лап тех, кто хотел этим воспользоваться. В частности родственников Леноры. Марк и раньше был для них лишь фигурой на политической доске, а теперь… он из ферзя стал разменной пешкой. И каждый из них спал и видел, как бы выгоднее ей пожертвовать.

Не просто же так род жены славился чернокнижниками. Скользкие типы и интриганы, «гнилая кровь» в венах клана, которую Алекс сам же когда-то и впустил, не разглядев — о чём потом много раз жалел.

— Вот именно, — кивнул он. — Рэм — Не кровь от крови клана, и такое родство может быть оспорено. Вы все знаете такие случаи. Лет двадцать-тридцать всё будет хорошо, а потом отцы умирают, сыновья и дочери ссорятся, права и привилегии

оспариваются. Никто не желает согласиться и начинается война!

— Вопрос хорошо составленного договора, — снова учтиво заговорил Говард. — Ты не находишь, что вы в состоянии нанять себе хороших юристов?

— Хочу заметить, — заметил Рональд, брат Леноры, с такой же вежливой улыбкой, как и у его сына, — Что случившееся с Марком — не просто трагедия. До сих пор он был пускай и никаким Пробужденным, но всё же… все было плохо не до такой степени. Теперь он позорен, просто позорен. Он точно не пара дочери Вульфрика. Да ему в будущем все в лицо плевать будут, покажись среди уважаемых людей.

Алексу захотелось вскочить, но он силой воли удержал себя на месте и лишь сильнее сжал дорогую ручку.

— Выбирай выражения, Рон, — сурово отрезал он. — Ты говоришь о моём сыне и наследнике клана.

Последние два слова — подчеркнуть особенно. Алекс прекрасно сознавал, что в браке с Элизой его сына не ждёт ничего хорошего — роль молчаливого подкаблучника, марионетки, безвольной и удобной для всех. Но, во всяком случае, так он будет жив. Если свадьбы не состоится, если Марк не станет наследником — его тут же устранят, как человека, имеющего основания оспорить место главы клана. Кто защитит его тогда?

Партия с Элизой была бы для сына гарантией безопасности. Жаль, что сам Марк так и не понял этого… предпринял этот глупый побег из дома… зачем? Куда?

— Наследником клана не может быть тот, кто не способен защитить даже себя, — Рональд поднял бровь.

— Ты забыл своё место, — Алекс слегка приподнялся над креслом. — Не стоит тебе продолжать.

— Отчего же? — хмыкнул Рональд. — Я продолжу. Именно из-за таких, как ты, Алекс, мы до сих пор и является колонией Империи. Вместо сильных лидеров, вместо тех, кто мог бы нас действительно возглавить — только марионетки, вроде той, какую ты стремишься сделать из своего сына.

Алекс хотел оборвать наглеца, но тот продолжал говорить, не давая ему такого шанса.

— Да. Потому мы и остаёмся «банановой республикой», известной только мёртвыми городами, которых с каждым годом становится всё больше и больше. Почему бы это, интересно? Может, потому, что это выгодно имперским псам — иметь место, куда можно отправить тренироваться своих щенков, высасывать из нашей нации последние соки, превращая её в страну руин? Мы все понимаем, что они появляются явно не из-за «халатности» тех, кто создавал печати.

Он хлопнул по столу ладонью.

— СМИ трубят, как мы стремимся войти в Империю, как мы близки к этому… а что на деле?

Алекс оставался спокоен, подавив в себе желание ответить в том же тоне.

— Да, может, и так, — кивнул он. — Но знаешь, Рон, почему в своё время наша страна стала колонией? Из-за таких, как ты.

Рон дернул щекой. Он явно не ожидал такой реакции. Наори на него Алекс — он бы нашёл что сказать, но сейчас образовалась заминка, и он сел обратно, чтобы не выглядеть клоуном.

А вот Алекс зато встал и оглядел всех собравшихся.

— Никто ничего не будет отменять, — произнёс он твёрдым голосом. — Никто ничего не будет менять. Через два месяца мой сын выйдет из больницы и вернётся сюда, а ещё через месяц состоится его свадьба. И если вам нечего прибавить к этой теме, то давайте перейдём к следующим вопросам.

Все молчали — хотя, разумеется, всем было что прибавить. Они ведь из-за этого и собрались здесь всей толпой. Что ж; во всяком случае, он проявил свою позицию. Конечно, теперь придётся ходить с оглядкой, но служба безопасности безоговорочно верна ему, сына охраняют лучше, чем дочь Императора, а сам глава за себя постоять сможет.

Через три месяца всё будет решено — к лучшему для Марка. По крайней мере так, каким это «лучшее» видел его отец.

Глава 14

Я открыл глаза в пустом поезде. Тьма затянула вид за окном настолько, что было невозможно понять, двигаемся мы вообще или нет. Я опустил закатанные рукава чистой, как только из стирки, толстовки, и осмотрелся по сторонам. Давно не ощущал такого спокойствия, в последний раз, наверное, еще перед десятым днем рождения. Я глупо улыбнулся и прислонился лбом к стеклу, вглядываясь в темноту. Казалось, я так сидел уже не один час и просидел бы еще, если бы не знакомая мелодия телефонного звонка, что нарушила блаженную тишину. Похлопал себя по карманам, но телефона нигде не было, а злополучная мелодия все никак не утихала, мечась по моему черепу из стороны в сторону.

Встав, я медленно зашагал в следующий вагон. Больше всего на свете мне хотелось сбросить этот звонок и вернуться к уютной тишине, окутывающей меня как теплый плед еще несколько мгновений назад.

Без проблем открыв дверь, я вошел внутрь и с удивлением обнаружил, что все сидения в этом куске состава были неестественно согнуты или разломаны, некоторые просто валялись на земле с пробившими обшивку пружинами навыворот. Я закачал головой, сетуя на вандалов, и зашагал дальше, к телефону, что и не думал прекращать звонить.

Судя по всему, звук доносился из кабинки проводника. Я нахмурился, неужели он так крепко спит, что не слышит мелодию? Разозлившись и гневно подлетев к его месту, я без стука ворвался внутрь. Снова никого. Только мой телефон в оранжевом чехле, разрывающий себе динамики темой из старенького сериала, который я в детстве смотрел с отцом. Он лежал на столе у вычищенного до блеска окна, в котором хорошо отражалось моё слегка уставшее лицо. Я схватил сотовый и посмотрел на его экран.

Абонент «Элиза».

Ну уж нет. Я не хочу с тобой разговаривать. О чем нам вообще с тобой говорить? А?

Мой большой палец нажал на красную кнопку «Сброс», но ничего не произошло. Еще раз. И еще. Телефон звонил все громче и громче. Каждая нота вгрызалась в меня как мелкая пиранья, причиняя дискомфорт, я долбил пальцем по кнопке отмены, и, когда звонок стал кричать настолько, что звуки слились в шипящую какофонию, не выдержал и бросил его прямо в окно. Телефон замолчал, а по окну разошлись трещины.

Я раздраженно выдохнул и почти развернулся, чтобы снова окунуться в блаженство тишины, но резко остановился.

Взгляд зацепился за отражение. Я посмотрел на себя еще раз, стекло треснуло на уровне моего левого глаза и медленно, но верно продолжало покрываться кривыми линиями, аккуратно воспроизводя силуэт моего тела. Я подошел поближе и наклонился, не совсем понимая, что происходит.

В этот момент грудь разорвала жгучая боль. Мои ребра проткнуло что-то невероятно острое, из-за шока я не мог даже взвыть от боли и просто наблюдал за тем, как лезвие прорывается сквозь мои внутренности и выходит где-то в области сердца. Я быстро заморгал и, открыв рот, посмотрел на отражение в стекле. За моей спиной стоял Коротышка с мертвецки белым лицом, и пустым взглядом смотрел мне в глаза.

Мне хватило сил на то, чтобы подумать о «Пренебрежении болью» и по рукам полился знакомый белый свет. Однако, спустя пару секунд мои руки начали светиться темно-фиолетовым, что словно слоем сверху покрывал белое свечение, не оставляя от него и следа. Я еще раз посмотрел на себя через окно. Моё лицо покрывали ужасные шрамы, а глаза, как и руки, горели фиолетовым огнем. Боль от разорванной грудной клетки достигла своего пика и меня охватил животный ужас.

В глаза ударил солнечный свет, и я проснулся под писк аппарата для мониторинга биения сердца.

Не без усилий приоткрыв веко, я еще какое-то время пытался сфокусироваться на картинке перед собой, и спустя несколько секунд размытые формы начали принимать очертания больничной палаты. Довольно просторное помещение было залито солнечным светом, что пробивался внутрь через широкие окна — справа от моей кровати. Лучи попадали на только-только вымытый мокрый пол, отчего тот приятно поблескивал. В дальнем конце комнаты, с левой стороны, стоял небольшой белый столик с парой стульев, за которым по всей видимости могли разместиться посетители и оставить на нем какую-нибудь открытку с пожелания о выздоровлении и неизменные апельсины. Он был пуст.

Палата выглядела дорогой. На противоположной стороне от меня находилась огромная плазма. Под ней — бежевая тумба, с левого и правого конца которой стояли симпатичные, но довольно блеклые цветки в больших светлых горшках, высотой где-то под колено. На стенке позади кровати были приделана разнообразная медицинская аппаратура, удобно выдвигающаяся и компактно складывающаяся с помощью длинных кронштейнов. Все здесь было сделано для того, чтобы пациент не испытывал

ничего кроме спокойствия и умиротворения, а мне, видит бог, как раз это и нужно.

У подножья кровати стояла полная медсестра в розовой униформе и что-то напевала себе под нос. Она запустила руку мне под одеяло, и покопошившись, убрала из-под него утку.

Я попытался пошевелить своей мокрой от холодного пота головой, чтобы дать ей знать о том, что ко мне вернулось сознание, однако все мои потуги остались незамеченными. Женщина, одним движением развернувшись на месте, словно какой-то солдат, унеслась вместе с продуктами моей жизнедеятельности восвояси. Я закрыл глаза и физически ощутил, как ко мне возвращаются чувства. А вместе с ними и боль, с которой я засыпал в прошлый раз. Правда, теперь она была не такой острой и беспощадно навязчивой. После массы больничных процедур, которым я, без сомнения, подвергся, пока был в отключке, её можно было стерпеть.

Значит, люди Фридриха все-таки успели меня найти. Впрочем, после целой полосы неудач в тот день мне по праву полагалась хотя бы щепотка везения. Интересно, схватили ли они Родиона, и что скажет отец, когда узнает, что я проснулся? Плевать. Вряд ли со мной произойдет что-то более ужасное, чем то, через что я уже прошел. А что до старика, наверняка карающая рука отца уже на всех парах несется к его голове.

Кстати, о конечностях. Я пошевелил онемевшей рукой и спустя пару минут активных микродвижений она начала слушаться меня, как и прежде. С левым глазом по-прежнему были какие-то проблемы, однако, если раньше я словно просто потерял способность видеть им, что довольно сложно объяснить словами, то теперь перед ним стояла привычная темнота. И я, честно говоря, не знал хорошо это или плохо.

Ощупав лицо, я подтвердил то, что и так знал — весь мой ангельский лик после приключений в мертвом городе был перемотан бинтами. На месте левого глаза находилась толстая ватная повязка, что выделялось на общем фоне. Я кое-как умудрился глянуть вниз и увидел, что грудь тоже была крепко зафиксирована на месте.

Видимо Блуждающий все таки переломал мне ребра тем броском. Или я это сделал сам, когда кубарем несся по склону? Отвратно.

Страшнее всего было набраться храбрости посмотреть на ноги, хоть я, без сомнения, чувствовал, как они ноют от бедер до ступней, я также был наслышан о таком понятии как «фантомные боли», когда люди с ампутированными конечностями периодически испытывают боль там, где конечности уже давно

нет.

В голове всплыла торчащая измазанная кровью кость, и я дрожащими руками потянулся к одеялу.

Никогда не думал, что буду так рад видеть гипс на своем теле. Переломы выглядели ужасно, надеюсь, я смогу ходить на своих двоих после реабилитации и не стану хромым. Стоило мне об этом подумать, как к боли от многочисленных переломов добавилась еще и мигрень.

К этому моменту я конкретно так пожалел о том, что меня никогда не привлекала тема мазохизма и решил активировать всё то же «Пренебрежение болью», и наконец-то отдохнуть.

— АААААААААА!

Все пошло немного не по плану, и я заорал от усилившейся в разы боли, раскинувшейся по всему телу.

Та попискивающая штука, что меряла мой пульс, по всей видимости, в свободное от больницы время подрабатывала барабаном на фестивалях электронной музыки, и вместо размеренных писков теперь быстро долбила у меня над ухом, давая врачам знать, что с пациентом произошла какая-то беда. Хотя в ней, впрочем, не было никакой надобности, так как своим ором я, должно быть, разбудил половину больничного крыла.

И действительно, не прошло и минуты, как в коридоре раздался топот. В палату влетели уже знакомая мне медсестра и тучный лысеющий врач в очках, на лбу которого довольно мерзко собрались несколько капель пота, никак не желающих двигаться с места.

Они испуганно уставились на моё перекошенное лицо. Я быстро деактивировал ауру — боль ушла так же внезапно, как и пришла. Аппарат тоже постепенно вернулся в свое изначально состояние.

Медперсонал, тем не менее, засуетился и врач что-то сказал медсестре, что бросилась проверять показатели на приборах, после чего подошел ко мне.

— Что произошло? Вам больно? — он словно несколько переигрывал с обеспокоенностью моим состоянием, особенно когда аккуратно положил руку мне на грудь и с очень уж сочувствующим взглядом посмотрел мне прямо в глаза.

— В-все прошло… занимался самолечением… — пошутить лучше мне мешали те самые злополучные капельки пота на его лбу, что привлекали все моё внимание на себя.

— Не пугайте нас так! Вы поступили сюда в очень тяжелом состоянии! Впредь, перед тем как что-либо предпринять — советуйтесь с врачом. Это, кстати, буду я, — он подал мне руку и широко улыбнулся, — Меня зовут Ибрагим.

Я, толком не понимая, что происходит, неуклюже пожал руку Ибрагиму. Похоже, желание выслужиться перед моим кланом стоит у него выше врачебной этики. Но я совру, если скажу, что он мне хоть сколько-нибудь понравился изначально.

— Марк Ротт, — сухо бросил я.

— Знаем-знаем! — скользко улыбнулся доктор, — Это большая честь… ой, ну, то есть, соболезнуем, конечно, что вы оказались в такой ситуации. Главное, не переживайте. Нам сообщили о вашей уникальной особенности, очень интересно, знаете. Поэтому пришлось лечить вас без применения магии, что, конечно, не радует, однако, вы довольно быстро пришли в себя, как я могу поглядеть. Всего за три дня вы уже пришли в сознание.

— Где я вообще? — стоит ли говорить, что личная больница нашего клана выглядела иначе. Её бы я узнал в мгновение ока, так как провел в застенках тамошних палат не одну неделю.

— О, вы в лучшей столичной клинике! Хочу вас заверить, работают у нас только профессионалы с родословной! Всякий трущебный сброд мы бы к вам и на километр не подпустили! — так значит, я все-таки добрался до столицы. Не уверен, правда, что это теперь для меня значит.

— Сколько мне здесь еще торчать?

— Видите ли, из-за ваших особенностей, выписать мы вас сможем не раньше, чем через месяц. Методы у нас инновационные, даже если обходиться без магии, однако, большое беспокойство вызывает состояние вашего глаза.

— Я думал, он остался где-то на ветке, — хмыкнул я.

— Так… да не так. Ваш клан смог обеспечить пересадку, однако, без магической поддержки — сами понимаете, нужно уповать на удачу, приживется ли он.

Я нахмурился. Зная себя, лучше уповать на что угодно, окромя удачи.

— Марк, мне, кстати, сообщили, что вы можете ускорить собственную регенерацию?

— Да… но…

— Никаких но! Нам любая помощь в борьбе за здоровье нашего дорогого пациента пригодится, так что делайте это поскорее!

Доктор Ибрагим мерзко растягивал слова, делая ударение на каждый слог, что меня невероятно бесило. К тому же, пренебрежение болью довольно странно повело себя.

Однако, слова врача имели смысл, организму явно не помешает небольшой допинг.

— Хорошо, доктор, — я кивнул.

— Попрошу вас, Ибрагим! — он снова улыбнулся, как торгаш

на рынке.

Зажмурив глаз я активировал навык регенерации, опасаясь, что он принесет мне нерадостные последствия, однако, ничего не произошло. Я выдохнул.

Может, это просто паранойя, в конце-концов, кто знает, насколько сильно я пострадал той ночью. «Спасибо» тому старику — я даже не понимаю, что со мной стало. Хотя… догадываюсь, но не хочу даже думать об этом. Не могу сказать, что сейчас нахожусь в самом трезвом состоянии рассудка.

Ибрагим заметил узоры на моих руках и довольно кивнул.

— Вот видите, всё в порядке, а теперь отдыхать! Обещаю, вы даже не заметите… как все будет кончено.

После этой фразы врач резко развернулся и зашагал к выходу, где его уже ждала медсестра. Я смотрел ему в спину, и когда тот уже почти закрыл дверь, окликнул его.

— Докт… Ибрагим!

— Да-да? — Он встрепенулся и аккуратно развернулся ко мне со своей фирменной улыбкой.

— Меня кто-нибудь навещал?

— Боюсь, что, кроме господина Фридриха, никто не приходил.

— А, хорошо… — я отвернулся и посмотрел в окно, что находилось по левую сторону от моей кровати. Не знаю, на что я надеялся.

Я решил отвлечься и проверить, что творится у меня в телефоне. Он лежал на тумбе рядом с кроватью, как раз на таком расстоянии, что я без проблем мог дотянуться до него рукой. Кое-как вытащив из него зарядку, я взял мобильник в руку. Кровь с экрана телефона старательно оттерли и помимо разбитого стекла о событиях той ночи ничего в его внешнем виде не напоминало. Оранжевый чехол, кстати, куда-то пропал, и теперь смартфон непривычно лежал в руке, то и дело намереваясь выскользнуть из неё.

— А?

Дурное предчувствие отозвалось холодком в животе еще в тот момент, когда я на еще заблокированном экране телефона увидел стену оповещений из различных соц. сетей и мессенджеров. И хотя я еще не видел их содержимое, так как отключил краткое отображение содержимого оповещений при поднятии телефона, сама интенсивность взаимодействий с моим профилем не на шутку подогрела моё любопытство. Я свайпнул изображение замочка в сторону и услышал знакомый щелчок, свидетельствующий о том, что экран разблокирован.

Перед моими глазами расстелились ряды с иконками

приложений. Я не держал на телефоне много хлама, но тем не менее пытался следить за трендами и устанавливал все, что было в какой-то мере актуально. Социальных сетей это тоже касалось, даже не смотря на то, что на этом поле новые игроки появляются довольно редко, иногда такое все же происходило и я каждый раз регистрировал в них свой профиль, который как правило так и оставался полупустым и никому не нужным. Все таки я предпочитал больше серфить по интернету, чем делать контент самому. Вернее, я его вообще не делал. От того сильнее было моё удивление, когда увидел, какие числа светятся в углах иконок приложений.

Оповещений с «Постера», самой популярной на данный момент соцсети, было столько, что их количество не влезало в красный квадрат в углу иконки, потому там красовалось лаконичное «999+». В других же приложениях, масштабом поменьше, количество оповещений тоже зачастую исчислялось сотнями.

Я какое-то время просто переключался между рабочими столами моего телефона, пытаясь осознать какую шумиху навел и боясь выбрать какое-нибудь из приложений и просмотреть посты с упоминанием меня. Что уже говорить о личных сообщениях. Там должно быть вообще много всего интересного.

Я отложил телефон и посмотрел в потолок, пытаясь успокоиться.

Хорошо. Теперь ты, своего рода, звезда. Господи, и почему я вообще согласился на этот стрим. Чем я вообще думал?

Ладно, начнем с простого.

Помимо приложений, красный квадратик так же светился на зеленой иконке отвечающей за звонки, пропущенных было, конечно, не так много как прочих оповещений, тем не менее я никогда еще не видел, чтобы ко мне пытались дозвониться 49 раз. Я снова поднял телефон к лицу и нажал на Пропущенные.

Практически все они пришлись на тот самый день, когда я почти не погиб. Большинство принадлежало службе безопасности, все многочисленные номера которой определяются у меня автоматически. Видимо звонили те, кто искал меня, после того как я выключил стрим. Увы, — я опустил глаз вниз на ноги, — абонент не смог подойти к телефону.

Из общей массы выделялся звонок от Фридриха, что записан у меня отдельно от безликой «Службы безопасности», и два вызова от «скрытого» абонента.

Допускаю, что это была Элиза, она пыталась дозвониться до меня несколько раз. Первый раз, именно её звонок спровоцировал Коротышку наброситься на проводника с машинистом. Затем она

позвонила мне уже после того, как вся сеть увидела, что со мной сделал старик. Неужели беспокоилась? Я нахмурился, не зная, что думать по этому поводу. Скорее всего её одолело простое любопытство, наверняка решила, что я просто заделался в пранкеры или еще что.

Уж перезванивать и узнавать я точно не собираюсь. Вообще не следовало писать ей ничего изначально. Чем я только думал? Кому что пытался доказать? Теперь просто включу дурачка и сделаю вид, что и не общался с ней вовсе. В конце-концов, из-за нее меня чуть заживо не замуровали в каменной коробке с трупом наедине.

Не думаю, что теперь когда-нибудь смогу думать обо всей этой поездке без стыда. Детская, наивная глупость стоила мне последствий которые предстоит разгребать еще очень долго. Возможно поделом меня никто в клане не воспринимал всерьез, возможно… я в какой-то мере даже заслужил то, что со мной произошло.

В горле собрался ком и чтобы отвлечься от самокопаний, я все таки решился на то, чтобы проверить социальные сети.

Первым делом — «Постер». Палец потянулся к салатовой пиктограмме, на которой в минималистическом стиле был изображен пленочный фотоаппарат из белых линий.

Я открыл вкладку с оповещениями и приподнял бровь от удивления. Комментарии, лайки и сообщения водопадом затопили мой профиль. Больше всего меня удивило количество подписчиков, что красовалось под аватаркой. Теперь за моими обновлениями следило чуть больше ста тысяч человек. Вполне реально получить такое количество подписчиков за три дня… если есть на то веская причина.

Само собой моя трансляция разительно отличалась от прочих, в основном прямые эфиры включались, чтобы по-отвечать на однообразные вопросы от друзей и подписчиков, параллельно потягивая кальян. Вряд ли кто-то ожидал увидеть в разделе популярных стримов сцену из второсортного фильма ужасов, однако, чтобы это привлекло ко мне столько людей? Мне не верилось в происходящее.

Однако когда я переключился на фотографиии, где меня отмечали, все встало на свои места.

Интернет странное место, когда дело касается морали. Одни и те же люди могут травить слабых и оступившихся в одной вкладке, а затем идти помогать в сборе вещей для детских домов в другой, однако в этом и есть его магия. Здесь сложно быть однозначно плохим или хорошим, а даже если кому-то и удается, то трафик из просмотров монетизируется вне зависимости от

твоего кармического состояния.

Поэтому не могу сказать, что сильно удивился, когда выяснил, что из моего жутковатого стрима умудрились сделать целую серию мемов.

Меня отмечали на всевозможных «смешных» картинках, большая часть которых не блистала оригинальностью.

Скриншот с моими переломанными ногами и надпись «Когда мама пришла с родительского собрания»? Уморительно.

Коротышка с подписью «Я», за его спиной — мертвый проводник с надписью «Сессия»? Обхохочешься.

Я закатил глаз. Мало того, что я чуть не умер, так еще и попутно стал посмешищем. Отлично, что дальше? На мои предсмертные стоны сделают смешной ремикс?

Этого бы не произошло, если бы соцсеть заблокировала мою трансляцию согласно правилам, как бы они поступили с любым другим пользователем, кто решил бы показать в ней такой контент, да еще и в прямом эфире. Но надо полагать, что служба безопасности вовремя успела связаться с администрацией и урегулировали этот вопрос. Трансляцию не отключили, чтобы меня было легче отследить. Непонятно, конечно, почему они не смогли сделать трансляцию хотя бы закрытой, возможно виной какие-нибудь технические ограничения? Я не могу сказать наверняка. Знаю только, что в вопросе, что хуже: всенародный позор или переломанные ноги, я, как теперь переживший оба состояния, могу смело заявить о том, что позор — это хотя бы не больно.

В общем и целом, благодаря мемам я и набрал такое внушительное количество подписчиков за столь маленький срок. Восхитительно. Осталось проверить только личные сообщения. Помимо сотен не имеющих особого смысла реакций на мой стрим, вроде обвинений в постановке, требований обьяснить, что произошло в ту ночь, от совершенно неизвестных мне людей, а также пары троллей с Тручана, что был довольно специфичным форумом, мне также пришло несколько достойных внимания сообщений. Одно из них, и я к этому уже начинаю привыкать, принадлежало Элизе, когда остальные пришли от незнакомых мне аккаунтов.

Я разрывался между желанием и нежеланием прочитать сообщение Элизы, а потому отложил его в дальний ящик, и нажал на сообщение пользователя с никнеймом «Max_0n». Оно было небольшим и указывало на то, что концепт пунктуации автору был незнаком:

«это макс из поезда нужно встретиться»

Я удивленно нахмурился и нажал на аватарку парня. Меня

перекинуло на его профиль, который выглядел так, как я себе примерно и представлял.

Однообразные, сделанные на плохую камеру фотографии Макса и его друзей, что то с голым торсом жарят какое-то мясо на природе, то стоят у чужих дорогих машин, нелепо обняв друг друга за плечи, чередовались с идеологическими постами его движения, по которым невозможно было до конца понять кто же конкретно был виноват в проблемах бедного населения. То ли Империя, то ли знатные кланы, то ли сам институт правительства в целом.

У него было немногим больше подписчиков, чем у меня, до того, как я стал интернет-сенсацией, что, впрочем, было неудивительно. Такие люди как Макс гораздо комфортнее чувствуют себя на улице, чем в сети. Я хотел было закрыть его профиль, как глаз зацепился за закрепленную в «избранных» пользователя, фотографию. Там он стоит в центре города на фоне какой-то высокой многоэтажки вместе с Коротышкой. Подпись к фото гласила «Высокий дом… в отличии от Никитоса ахаха». Я грустно вздохнул и несколько секунд посмотрев на лицо Коротышки, вышел с профиля бритоголового.

Вторым неизвестным аккаунтом оказалась какая-то журналистка, что хотела провести со мной интервью и разузнать больше о случившемся. Мне, конечно, польстило внимание СМИ, но последнее, чего мне сейчас хочется это раздувать свою популярность.

В итоге я ничего не ответил ни ей, ни Максу. Осталось только посмотреть чего от меня хотела Элиза. Она же просто написала мне:

«Выздоравливай!»

Наши отцы тесно сотрудничают уже много лет, поэтому неудивительно, что у неё была информация о моем состоянии, вполне вероятно девушка даже знает, где именно я лежу, наверное написала мне чисто из формальности, чтобы не портить репутацию Вульфрика.

Я ничего ей не ответил, но не смог удержаться и зашел на её профиль. Не знаю сколько раз за последние пару лет я смотрел на фотографии этой девушки, на её небольшой, аккуратный нос и тонкие бледные губы, которыми она довольно мило улыбалась почти на всех своих постах. Но больше всего моё внимание привлекали её серые глаза, которые вкупе со светло-пепельными, почти белыми волосами, создавали неосязаемую магию, что иногда вводила меня в транс, заставляя смотреть на одно и тоже фото не одну минуту. Если бы не всё то, что нас связывает, я бы решил, что она очень даже симпатичная, но в моем положении

вредно, даже опасно, думать в этом направлении. Правда заключается в том, что тот день, когда я посчитаю Элизу красивой — для меня станет началом конца.

Что же касается самого ее аккаунта в Постере, то по сравнению с примитивным профилем «правого» в глаза сразу бросался объем труда, который ушел на эту страницу. Даже самые простые фото со страницы Элизы можно было легко представить на обложках модных журналов, что уже говорить о тех, над которыми она явно попотела. Идеально выставленный свет, недоступные большинству простых смертных локации и брендовая одежда, по цене небольшой квартиры, недвусмысленно намекали на социальный статус девушки. Под каждой из выверенных фотографий можно было найти стену текста, в котором Элиза делилась своими мыслями на тот или иной счет, советами по самоорганизации, или рассказами с путешествий. Что же до последних — в отличии от меня, комнатного цветка, у неё их было немало. Вульфрик постоянно брал дочь с собой в бизнес-поездки, явно готовя её к тому, чтобы она стала преемницей его дела. Она побывала в таких местах, о которых я даже не слышал и хорошим слогом расписывала то, что её зацепило в том или ином уголке мира.

Похоже, она хорошо ладит с отцом, он занимал заметную долю её «Постера». То они с ним на встрече с его коллегами, то на какой-нибудь конференции, то на открытии очередной школы или больницы, строительство которой он проспонсировал, чтобы завоевать любовь народа. Одним словом у неё было всё, чего не было у меня.

Разве что число подписчиков Элизы по какой-то причине было довольно скромным. Понимая, какими ресурсами она обладает здесь должен был бы быть не один миллион человек, но почему-то их количество исчислялось не особо внушительными тридцатью тысячами. Возможно она воспринимает страницу в постере как лично свой проект и отказывается от вливаний денег отца в рекламу, однако… это само по себе довольно лицемерно, учитывая, что без денег отца весь её «личный» контент был бы невозможен изначально.

Я хмыкнул и вернулся к шапке её профиля, где вдруг наткнулся на кое-что новенькое. Целый ряд фотографий закрепленных в избранном с каким-то парнем, что выглядел на пару-тройку лет старше неё. Он был спортивного телосложения, ослепительно улыбался, носил дорогие костюмы и совершенно не стеснялся хватать Элизу за талию практически на всех их совместных фото.

«Я и мой новый друг Август @officialaugust, да-да, тот самый

наследник корпорации „Локк“, но вы и так это знаете, ха-ха»

Почему-то для меня это стало последней каплей. Злобно уставившись на этого «идеального» хмыря, я ощутил странное жжение в груди и стиснул зубы. Телефон отправился обратно на тумбу, а я в мир снов, где еще долго думал над тем, что я в этой жизни сделал не так.

Глава 15

Я проснулся с мокрыми от пота волосами и пульсирующей болью в голове. В палате царил полумрак и лишь свет из больничного коридора, который пробивался через полупрозрачную стеклянную вставку в двери, позволял мне хоть что-нибудь рассмотреть в темноте.

Меня бросило в жар, все тело ощущалось ватным, а внутри, казалось, попеременно болит все подряд. Ощущение было до того странным, что подгоняемое температурой воображение тут же вырисовало образ копошащихся во мне червей, медленно забивающих собой все мои внутренности, отчего мне сразу стало дурно. Я попытался глубоко вдохнуть, чтобы хотя бы немного привести себя в чувство, однако меня остановила острая боль в груди, не дающая вобрать воздух в легкие до конца.

Онемевшей рукой я потянулся к своему лицу, чтобы поправить пропотевшие бинты и повязку. Пройдясь рукой по щеке, я удивился тому, что на ней осталась какая-то влага. Неужели мне настолько жарко? Я посмотрел на ладонь и замер. Она вся была измазана кровью. Мой пересаженный глаз кровоточил.

Что за…? Что со мной?

Глаз не прижился и поэтому моя иммунная система сходит с ума? Сомневаюсь, что меня бы оставили вот так на ночь без присмотра, если бы моё состояние не было стабильным и существовал риск столь скорого отторжения.

Проклятие какое-то… вот только единственный, кто сможет меня проклясть — это я сам.

Испытывать удачу и снова использовать «Пренебрежение болью» я точно не рискну, а регенерация должна работать еще со вчерашнего дня.

Хотя, если подумать… один навык уже сработал в точности до наоборот. Что мешает перестать нормально функционировать и другому? И если Пренебрежение болью заставило меня прочувствовать боль в её пиковом состоянии, то обратным эффектом навыка регенерации, который медленно излечивал все мои раны, должно стать их медленное усугубление, вплоть до некроза. Я деактивировал ауру — и за считанные секунды узоры сошли с рук. Возможно, я слишком тороплю события, но в остальном ничего не изменилось.

Я потянулся пальцем к красной кнопке вызова медсестры около тумбочки, где лежал телефон. Кнопка клацнула при нажатии и засветилась красным, мне оставалось только

уставиться в потолок и ждать.

Шли минуты. Стены пустой, темной палаты стали давить на меня. Врачи, видимо, не спешили.

Что вообще происходит с моими аурами? Да, я, конечно, не был хоть сколько-нибудь сильным пробужденным, но что теперь? После того, что произошло в склепе я не могу использовать даже то немногое, что мне раньше было доступно?

Меня затрясло.

Всю свою жизнь я задавался вопросом, что может быть хуже, чем атрибут Уроборос. Похоже, ответ лежал на поверхности — отсутствие силы, как таковой. Еще большая беспомощность и невозможность творить даже то малое — что я мог раньше.

Где врачи?

Дрожащей рукой я потянулся к телефону. Меня накрыла самая настоящая паника. Худшая из всех, что со мной случались. Мне стало казаться, что я снова в том пустом доме в мертвом городе. Один. И никто не мог мне помочь.

Я разблокировал телефон. Свет от экрана придал мне немного спокойствия.

Даже не глядя на список пропущенных звонков, я заранее знал, что он будет пуст. Однако я все же проверил его. Холодная белая цифра «0» на экране въелась мне комом в горло, который оставалось только проглотить. Хорошо. Если никто до сих пор не попытался со мной связаться, я могу сделать это сам. Уверенный жестом я свайпнул вправо и уставился на список контактов. Правда, как ей свойственно, была жестокой. Я глядел на экран телефона пустым взглядом, в руки пришла еще большая нервная дрожь, а с ней и осознание того, что звонить мне, собственно-то, и некому.

Я начал перебирать пальцами, чтобы успокоиться.

Однако как я мог успокоиться? Да это уже смешно! Я сейчас лежу в дорогущей больнице, а не в богом забытый заброшке с монстром за стеной, и тем не менее, даже здесь мне никто не спешит на помощь. Сколько времени уже прошло? Пять минут? Десять? Где черти носят врачей?

Раз за разом мне приходится ждать, пока кто-нибудь соизволит прийти и помочь мне, такой расклад начинает порядком надоедать. Да и толку от такой помощи…

Да и почему я вообще кого-то жду? Когда это мне помогало? Даже люди моего собственного отца шлялись непонятно где, когда смерти почти удалось устроить со мной рандэву. Если им так плевать на меня, то зачем было вообще спасать?

Я заскрипел зубами. Во мне появилось одно чувство, которое оказалось сильнее страха. Злость.

Я злился на отца, злился на врачей, злился на службу безопасности… но больше всего на самого себя. Потому что всё это время я был идиотом. Даже поехав в столицу, я надеялся на то, что после того как разрушу планы двух влиятельных кланов, которые они строили не один год, с последствиями кто-нибудь разберется за меня. Думал, что отец просто отошлет меня куда подальше, или выдаст за какую-нибудь невзрачную девицу, и не особо переживал по этому поводу. Да мои действия могли довести оба кланы до состояния войны, но, эй, это ведь сущий пустяк! Кто-нибудь разберется за меня! Пустой список пропущенных звонков был не заслужен, нет, он был закономерен.

Тебе ведь все всегда должны помогать, спасать и вытирать слюни, да, Марк?

Черт подери, пора было давно уже осознать, что я не маленький мальчик, которому волшебный камень не показал то, что ему хотелось. И свою кашу мне придется расхлебывать самому, а заварил я её три дня назад очень и очень густой. И вариантов у меня теперь довольно мало: либо стать послушной тряпкой, ждущей, пока за неё разберутся, отчего я изначально и бежал, либо наконец-то хоть немного повзрослеть и понять, что мне никто не поможет, кроме самого себя.

Мой кулак крепко сжался. Больше я не ждал врачей. Почему-то мне резко стало на это плевать.

Больница. Кабинет Врача. Немного ранее.

— Почему он до сих пор жив?!

Ибрагим Штейн уже более двадцати лет работал в кабинете с красивой табличкой «Главный Врач». За это время он много к чему привык: бюрократия, бессонные ночи и всякие абсурдные указы сверху давно стали для него естественной средой обитания, в которой тот чувствовал себя легко, как рыба в воде. Разумеется, за такой срок невозможно не выработать собственный свод правил, и у Ибрагима он был довольно длинным. Сотня неписаных хитростей, уловок и принципов теснилась в голове у врача, помогая ему оценивать каждую ситуацию, что не попадала под четкие рамки учебников и регламентов, и выносить из неё исключительно выгоду. Одно из таких правил и привело его к ситуации, в которой он сейчас оказался.

«Рискуй только при максимально выгодном предложении». Многие коллеги считали, что будучи главврачом, он тянет взятки из всех, кого только может. Безусловно, он не был чист на руку, однако… из «всех»? Да на что ему сдались бесконечные потоки конфет, шоколадок и «благодарностей», которыми его пытался засыпать каждый второй пациент или его родственник в

больнице? Или жалкие гроши, которые ему предлагали за то, чтобы какая-нибудь престарелая обладательница квартиры в центре не дожила до рассвета, неужели все эти проходимцы так низко оценивали его? Каждый раз выгоняя какого-нибудь незадачливого внучка из своего кабинета, Ибрагим ощущал, как страдает его гордость. Он знал, что если и подвергнет себя риску, то только при таких условиях, когда ему и в голову не придет мысль о том, что он продешевил.

Тем привлекательнее оказалось предложение, что поступило к нему несколько дней назад: убедиться, что травмы Марка Ротта ТОЧНО были несовместимы с жизнью.

— Объясни мне… почему он еще жив? — Ибрагим поправил очки и слегка успокоившись посмотрел на медсестру, что растерянно сидела в кресле напротив его стола сложив руки на колени.

— Я… я не знаю… Его сердце останавливалось трижды… да его привезли едва живым, я понятия не имею каким образом он вообще вышел из комы. — девушка уже несколько раз успела пожалеть, что ввязалась в дела Ибрагима, а учитывая, что пациент пришел в сознание, было вообще непонятно, как им теперь выполнять свои «обязательства».

— Четырежды. Сердце останавливалось четырежды. Да и сейчас его кардиограмма выглядит, как сущий бардак, он в таком состоянии не то, что проснуться… — Ибрагим вытер пот со лба и закусил губу.

Казалось, что все будет просто и безопасно. Конечно, семья Марка очень влиятельна, но учитывая состояние, в котором он сюда приехал… да ему скорее всего даже делать ничего бы не пришлось! Но сейчас…

Ибрагим грузно посмотрел на медсестру. Миловидная девушка азиатской внешности была гораздо младшего него, но уже понимала, что для того, чтобы существовать с комфортом, недостаточно идти по протоптанным тропам и просто хорошо выполнять свою работу. Поэтому последние пару лет, она то и дело помогала ему со всякими щепетильными вопросами, и с тем количеством информации, которым он обладал, в какой-то мере уже зависела от него. Взамен же Ибрагим закрывал глаза на некоторую не совсем легальную деятельность, которой она промышляла в больнице и помогал ей подняться по карьерной лестнице. Невысокая цена за возможность спихнуть на неё всю вину за врачебную халатность и выйти сухим из воды, в случае чего.

— Завтра к нему приедут важные люди. Сегодня наш последний шанс. Ты понимаешь, что я имею ввиду?

— Н-но… я на это не подписывалась… — одно дело химичить у бессознательного тела, которое вполне себе могло не выжить и само, а совершенно другое — собственными руками убить бодрствующего человека.

— Еще как подписывалась, Мия. Может ты не понимаешь, но люди, которые попросили об этом одолжении, очень доходчиво намекнули, что наша с тобой жизнь станет куда сложнее, если этот Марк выйдет отсюда не ногами вперед. — Ибрагим пытался звучать настолько внушительно, насколько мог.

Мия хотела ответить, что вообще-то никто её не спрашивал, когда договаривался об этом, но не успела, так как служебный пейджер, пристегнутый за пояс, противно запищал.

— Это его палата… он нажал на экстренную кнопку, — она выпучила глаза.

— Так иди и сделай, что должна!

Ибрагим наклонился и достал что-то из ящичка в своем лакированном столе. Выдохнув от злобы, что всё так скверно складывается, он положил перед девушкой шприц с какой-то прозрачной жидкостью внутри.

— Вколи ему это и тут уже никакая регенерация не поможет, — мужчина улыбнулся своей отточенной за года фирменной улыбкой.

Мия, стиснув зубы, схватила шприц со стола и вышла в коридор, не сказав ни слова. Она направилась в палату к Марку, проклиная старого козла, который больно хорошо устроился. Та сумма, которую он ей назвал, была огромной, а зная, что скорее всего он её занизил, дабы забрать себе побольше, невольно начинаешь задаваться вопросом кому так сильно насолил этот паренек. Увы, в такие детали девушку не посвящали, подумаешь, ей нужно всего лишь нарушить главную врачебную клятву, собственноручно убить человека… зачем с ней что-то согласовывать, действительно. Ибрагиму-то только и остается, что сидеть на заднице ровно, пока она делает всю грязную работу.

Она шла по больничному коридору. Он был залит холодным белым светом, на желтых стенах висели портреты выдающихся врачей, которым довелось поработать в этом месте, и в этот момент она могла поклясться, что каждое лицо укоризненно смотрело ей прямо в глаза. Больница была очень дорогой, а потому находиться здесь ей всегда было приятно. Никаких очередей из мерзких стариков и нищих жлобов, никаких возмущенных криков и давок у регистратуры, как в её прошлом месте работы. Да и пахло в разы лучше.

Возможно поэтому она сейчас и помогала Ибрагиму, ей всегда хотелось большего, чем у неё было и в этой гонке все

средства хороши. По крайней мере, так она говорила себе каждый день перед сном.

Преодолев длинный коридор, она на несколько минут застряла на подходе к палате — ее внимательно осмотрела охрана, которую сюда направил клан парнишки. Эти ребята за последнюю неделю обосновались на этаже, где лежал юный мажор, и создавали огромные проблемы для работы с другими пациентами. Охранников было довольно много и они имели право на досмотр любого, кто приблизится к палате наследника. В остальном же они просто занимали место в коридорах, мешая персоналу выполнять свои обязанности да ночевали в ординаторской, что вызывало особое недовольство коллег Мии. Однако, лично её всё это не беспокоило, парни не отличались особым умом и отчаянно нуждались в смене дезодоранта. Впрочем, на повседневную жизнь медсестры псы клана Ротт никак не влияли.

Благо, за содержимое шприца они не спросили ни слова, возможно, не посчитали странным, что у медсестры в руке есть шприц. В любом случае, она ответила бы, что это лекарство, назначенное доктором Ибрагимом. И пусть он тогда отдувается за последствия.

Конечно, в нормальной ситуации, экстренная кнопка значила бы, что врачебный персонал должен нестись к пациенту сломя голову, однако сейчас она специально растягивала путь к нему, в надежде, что когда зайдет в палату, ей придется всего лишь зафиксировать время смерти парня, без ненужного риска и груза на душе. Немного набравшись смелости перед дверью, она нацепила на своё лицо самый обеспокоенный вид и нажала на ручку, ожидая увидеть перед собой свежеиспеченного мертвеца.

Увы, ожидания не оправдались.

Перед ней на кровати лежал выглядящий вполне себе живым парень. По крайней мере, его грудь вздымалась. Он словно задумался о чем-то и активно перебирал пальцами, глядя в потолок. Если не считать окровавленные бинты, которыми была обмотана его голова, он выглядел совсем как днем, казалось, даже был немного раздражен тем, что она вообще вторглась сюда.

Мия подошла поближе.

— Что случилось? — бинты заметно промокли от крови.

— Стало плохо, но теперь уже лучше. — парня будто совсем не заботило его состояние.

— Хорошо, сейчас я вас осмотрю и перебинтую.

Она произносила это заученным доброжелательным тоном. Так пациентам спокойнее, проверено.

Сняв красную ткань с лица парня, Мия отвращенно

зажмурилась. Даже несмотря на богатый больничный опыт, некоторые ранения были чересчур свежими и мерзкими, чтобы смотреть на них с ровным лицом. Она не знала почему решила сначала перебинтовать его, а затем только вколоть «лекарство». Может, ей не хватало смелости сделать это вот так, сразу, быть может, таким образом она заранее извинилась перед ним за то, что последует дальше, а может профессия все таки брала своё. Как бы там ни было, когда с перевязкой было окончено, она нащупала шприц, который положила на тумбу около кровати и подняла его вверх в руке.

— Вот и все, сейчас пойдете спать, но… сначала нужно сделать этот укол. Чтобы стабилизировать состояние, — она старалась изо всех сил, чтобы её голос не дрожал.

Парень приподнял бровь и посмотрел на Мию, однако затем отвернулся и снова принялся думать о чем-то своем, повернув руку венами вверх.

Она решила не думать, а просто сделать то, что нужно было сделать и спустя мгновение игла вошла в вену Марка. Жидкость медленно побежала по венам.

Опустошив шприц, Медсестра отошла на пару шагов назад и стала наблюдать. Пальцы, которыми он стучал по кровати, замерли на месте, а грудная клетка парня перестала подниматься и опускаться. Мия схватила рукой его запястье и посчитала до тридцати. Пульса не стало. Он был мертв.

Крепко сжав пустой шприц в руке, она поспешила к выходу. Ее рука на секунду замерла, коснувшись дверной ручки. Всего на мгновение. После которого девушка подняла голову и с холодным выражением лица вышла из комнаты.

Задержись она чуть дольше, то возможно заметила бы то, что происходило далее. Мертвое в палате тело выгнулось дугой. Темно-фиолетовые столпы света, словно сквозь щели, изливались из глаз, распахнутого рта и ушей. Казалось, что эти сгустки света были настолько плотными, что их можно было потрогать. Тело исходило судорогами, суставы выкручивались.

Длилось это недолго. Секунды. А закончилось так же внезапно, как и началось. Темный свет, словно бойцовская собака, которую дернули за поводок, подчинился неведомому хозяину и утих.

Тело опало на кровать.

Пациент, громко втянув воздух ртом, широко распахнул глаза.

— Ну и какого черта это сейчас было? — пробормотал он полушепотом.

Глава 16

Я открыл глаза в пустом поезде. Тьма затянула вид за окном настолько, что было невозможно понять в какую сторону мы едем. Но тем не менее, я чувствовал, что поезд медленно постукивает колесами по рейсам, словно только-только начал движение. Я опустил закатанные рукава чистой, как только из стирки, толстовки, и осмотрелся по сторонам. Мне здесь не нравилось, постоянно не отпускало чувство, что что-то тут не так, но я никак не мог понять, что именно. Раздраженно фыркнув и прислонившись лбом к стеклу, я вглядывался в темноту, пытаясь разглядеть в ней… сам не знаю что. Казалось, я так сидел уже не один час и просидел бы еще дольше, пока бы не увидел хоть что-нибудь, если бы не странная мелодия телефонного звонка, больше напоминавшая монотонные попискивания, что нарушила раздражающую тишину. Я похлопал себя по карманам, но телефона нигде не было, а злополучная мелодия все никак не утихала, мечась по моему черепу из стороны в сторону.

Встав, я медленно зашагал в следующий вагон. Больше всего на свете мне хотелось сбросить этот звонок и вернуться к попыткам разглядеть это «что-то».

Без проблем открыв дверь, я вошел внутрь и с удивлением обнаружил, что все сидения в этом куске состава были неестественно далеко расставлены друг от друга, некоторые так и вообще стояли по одиночке. Я закачал головой, сетуя на глупость того, кто планировал этот вагон, и зашагал дальше, к телефону, что и не думал прекращать звонить.

Судя по всему, звук доносился из кабинки проводника. Я нахмурился, неужели он так крепко спит, что не слышит мелодию? Разозлившись и гневно подлетев к его месту, я без стука ворвался внутрь. Снова никого. Только мой телефон с потерявшимся где-то чехлом, разрывающий себе динамики то нарастающими, то утихающими «бипами». Он лежал на столе у вычищенного до блеска окна, в котором хорошо отражалось моё довольно свежо выглядящее лицо. Я схватил сотовый и посмотрел на его экран.

Абонент «Элиза».

Снизу фото, где она стоит с тем хмырем, что обнимает ее за талию.

Ну уж нет. Я не хочу с тобой разговаривать. О чем нам вообще с тобой говорить? А?

Мой большой палец нажал на красную кнопку «Сброс», но ничего не произошло. Еще раз. И еще. Телефон звонил все громче

и громче. Каждая нота вгрызалась в меня как мелкая пиранья, причиняя дискомфорт. Я долбил пальцем по кнопке отмены, и, когда звонок стал кричать настолько, что звуки слились в шипящую какофонию, не выдержал и бросил его прямо в окно. Телефон отлетел на пол и замолчал, а по окну разошлись трещины.

Я раздраженно выдохнул и почти развернулся, чтобы снова вернуться к попыткам что-либо разглядеть за окном, но резко остановился.

Взгляд зацепился за отражение. Стекло треснуло на уровне моего левого глаза и медленно, но верно продолжало покрываться кривыми линиями, аккуратно воспроизводя силуэт моего тела. Я подошел поближе и наклонился, не совсем понимая, что происходит.

В этот момент по всему телу разнеслась ноющая боль. Грудь начало страшно жечь, из-за шока я не мог даже взвыть и просто наблюдал за тем, как моё лицо стремительно бледнеет. Я быстро заморгал и, открыв рот, посмотрел на отражение в стекле. Моё тело стало походить на иссохшую тряпичную куклу, только чудом стоявшую на ногах.

Мне хватило сил на то, чтобы подумать о «Пренебрежении болью» и по запястьям полился знакомый белый свет. Однако, спустя пару секунд мои руки начали светиться темно-фиолетовым, что словно слоем сверху покрывал белое свечение, не оставляя от него и следа. Я еще раз посмотрел на себя. Моё лицо покрывала мертвецкая синева, а глаза, как и руки, горели фиолетовым огнем. Пылающая боль в груди достигла своего пика и меня охватил животный ужас.

Глаз широко распахнулся.

Я тяжело дышал, еще долгое время смотря в пустой потолок. Темно фиолетовое свечение, еще недавно застилавшее мне глаза, постепенно сходило на нет.

Спустя минуты я оперся локтем об матрас и сел, чтоб хоть немного прийти в себя.

Итак, что это было? Мне теперь каждую ночь будут сниться кошмары?

И, главное, что со мной теперь? Почему я чувствую себя даже… лучше? По крайней мере, я теперь могу вдохнуть полной грудью без боли. И, главное, сидеть.

Тот укол… Все началось с него — так дико захотелось спать. Не знаю, зачем она решила вколоть мне снотворное, вроде бы проблемы с бессонницей меня совсем не мучали. Однако сработало мгновенно — тогда я вырубился буквально через секунду. Если только это было снотворное, а кошмар — простым

сном, а не предсмертным трипом.

Я сглотнул ком в горле и решил отвлечься, глянув пару видео на телефоне, однако у меня так ничего и не вышло. Посмотрев на часы, я осознал, что недавний «сон» длился менее пяти минут. Это было никакое не снотворное.

Навязчивые мысли о том, что меня сейчас пытались убить, боролись у меня в голове с внутренним противником теорий заговора с попеременным успехом. Если это простое снотворное, то что это, черт подери, было со мной? С другой же стороны, кто теперь захочет меня убивать? Скорее всего после моей выходки, которую я застримил на весь «Постер» мои позиции в клане упадут просто до невозможного. Ни о какой свадьбе и наследии не может идти и речь. Я бесполезен, а следовательно убивать меня незачем. Надеюсь.

После долгих дебатов с самим собой, я пришел к простому компромиссу.

Возможно, медсестра вколола мне лекарство или успокоительное, ну, может с дозой не рассчитала. Кошмар — это просто проявления посттравматического синдрома, который наверняка у меня был. А сейчас я просто себя накручиваю.

Но… если существует вероятность того, что в том шприце было совсем никакое не лекарство — мне нельзя терять бдительность.

За этими размышлениями прошел весь остаток ночи, и я даже успел задремать на рассвете.

Примерно около полудня меня разбудили голоса у двери.

— Да, господа, я все понимаю, но к пациенту сейчас нельзя! Ночью у него ухудшилось состояние и его нельзя беспокоить! — кажется, я теперь узнаю подхалимский тон Ибрагима где угодно. — Поэтому может нам лучше пройти пообщаться в мой кабинет, я понимаю всю важность вашего дела, но жизнь пациента — для нас первее всего! Как врач, я не могу пустить вас к нему.

— Вы не совсем понимаете, что сейчас происходит, — раздался незнакомый мне женский голос.

— Поправка к законодательству, в случае угрозе прорыва скверны в жилых районах у бюро контрразведки повышаются полномочия, — отчеканил незнакомый мужской голос, — Мы в полном праве проигнорировать ваши распоряжения.

— Н-но сейчас действительно не лучшее время для… — я услышал голос вчерашней медсестры.

— Мы заходим внутрь. — он произнес это не оставляющим врачам выбора тоном.

— Да, эм, конечно…

Врачу ничего не оставалось, кроме как открыть дверь в мою палату и жестом руки показать гостям «проходите».

Я специально устроился поудобнее и стал наблюдать за тем, что произойдет далее. Ибрагим, который увидел меня сидящим на кровати, в добром здравии и с издевательской улыбкой на лице, на пару секунд замер, словно на фото, и тут же спрятал дрожащие руки в карманы своего халата.

— Доброе утро! — я все еще ухмылялся.

— Ты… Вы живы? — Ибрагим словно икнул от неожиданности.

— А не должен быть? — я приподнял бровь. Похоже мой внутренний параноик с шапочкой из фольги не так далек от истины, как казалось, — Хотя, не знаю, что вы мне ночью вкололи, но я после этого я действительно умер, — я выдержал паузу, чтобы заметить, как напрягся главврач, — И затем заново родился!

Ибрагим забегал глазами по комнате, взгляды всех собравшихся тут людей уперлись в него. Он прокашлялся в кулак и принялся орать на медсестру.

— Мия, ну и почему вы мне вчера доложили, что состояние пациента ухудшилось?! Что за халатность? Выговор!

— Д-да, конечно… извините…

Я окинул девушку взглядом. Она была старше меня лет на шесть и выглядела просто великолепно. Мия, как он её назвал, была азиаткой с не очень длинными, где-то до плечей волосами, правильной формой лица, и стройным телом. Она выглядела как с иголочки, я не смог высмотреть на её униформе ни единой вмятины или складки, черт, да даже бейдж на груди висел идеально ровно, как под линейку. Девушка не создавала впечатление халатного работника, который может вот так взять и наплести бреда главврачу касательно состояния здоровья одного из их «главных» пациентов. Мне стало уже все очевидно.

Рядом с медиками, полагаю, те самые уполномоченные…

Я наивно улыбнулся и посмотрел на красивую рыжеволосую девушку в деловом пиджаке, кремовой рубашке и узкой юбке-карандаш, что изящно подняв бровь разглядывала спектакль, который устроил Ибрагим. Её спутником был довольно усталого вида мужчина средних лет, на котором было надето потасканное серое пальто и несвежая рубашка. Мужчина сложил руки, и то и дело поправлял небрежно завязанный галстук, лениво поглядывая то на меня, то на врачей. Ему явно не было интересно, кто виноват во врачебных ошибках.

Рассмотрев незваных гостей, я перевел взгляд на Ибрагима, что перестал отчитывать медсестру и теперь всем видом

имитировал искреннее возмущение тем, что всё так сложилось.

Правой рукой я почесал затылок. Пока можно включить дурачка.

— Вы ко мне по делу, или просто навестить? Я тут просто запарился сидеть без дела, не думал что когда-нибудь мне надоест втычить в телефон, но надо же, ха-ха!

Глупая ухмылка на моем лице заставила доктора в очередной раз содрогнуться.

— Эти господа как раз пришли с вами… побеседовать.

— Да ну? Буду рад! Вас отец прислал? — разумеется никакой отец их не посылал, я довольно хорошо расслышал откуда они.

Ибрагим в тот момент уже находился на грани нервного срыва, он достал носовой платок и даже не пытаясь скрыть волнение принялся вытирать пот со своего лба. Люди в костюмах с большим любопытством, или можно сказать подозрением, рассматривали врача. Так что тот, не в силах выдержать их взгляды, схватил под руки медсестру и тихонько покинул нас, оставляя меня наедине с незнакомцами.

Первой заговорила девушка.

— Здравствуйте, господин Ротт, меня зовут агент Баркер, — она достала из сумочки удостоверение в кожаной обложке, на которой красовалось изображение Европы, обрамленное золотым щитом.

Прямо под рисунком красным цветом были оттеснены три буквы «УБИ». Управление Безопасности Империи, черт. Это очень серьезный государственный орган, что-то наподобие помеси внутренней разведки и правоохранительной структуры, имеющий в разы больше прав, чем обычная полиция и обладающий полномочиями влезать даже в дела имперских колоний.

Глядя на то, как представилась Баркер, напарник девушки скривил губу, и покопавшись в нагрудном кармане своего пальто, двумя пальцами достал такой же, как и у неё, разве-что куда более помятый, документ.

— Агент Рубан, — с прокуренной хрипотцой произнес УБ — шник и зашагал к столику рядом с телевизором. Баркер провела его взглядом и продолжила говорить.

— И мы хотим задать вам несколько вопросов, в рамках предварительного опроса касательно дела с поездом в мертвом городе, вы согласны? — я конечно могу сказать, «не имею никакого желания», но что-то мне подсказывало, что из этой встречи я могу вынести какую-нибудь полезную для себя информацию.

— Да, да, конечно. Как я и сказал, мне наскучило сидеть здесь без дела, — я несколько нервно улыбнулся.

— Отлично. — услышав это, девушка довольно улыбнулась и направилась к окну рядом рядом с кроватью.

Агент Рубан, отошедший от нас, схватил стоявший у столика стул и очень медленно поволок его к моей кровати. Ножки царапали пол и издавали до невозможного противный звук, похожий на скрип ножа по тарелке. Я пытался собраться с мыслями, а это сильно отвлекало меня. Хотя, возможно, он этого и добивался. Поставив стул спинкой ко мне, он уселся на него и неприятно улыбнулся, как будто нарочно хотел, чтобы я заметил всю неискренность этого жеста.

Я нахмурился.

Мужчина прочистил горло, посмотрел на старые, но довольно ухоженные, чего не скажешь об остальном внешнем виде агента, часы и уставился прямо на меня.

— Ну, рассказывай.

— Извините?

Я заметил, что девушка залезла на подоконник позади своего напарника и теперь сидела на нем, свесив ноги. Она выглядела довольно привлекательно, но я не мог рассмотреть её полностью — она была скрыта за фигурой Рубана.

— Что случилось той ночью? — отвлек меня мужчина.

— Я не совсем пони… — я перевел на него взгляд.

— Что ты помнишь из той ночи?

— Боль, — я еще не вполне определился со своим амплуа, потому выпалил первое, что пришло на ум.

— Что?

— Ну больно мне было, что-что… — я демонстративно сглотнул ком в горле и кивнул вниз, — Как видите, не случайно.

— Что еще? — он все никак не отцеплялся.

Мне стало неловко от пристального взгляда агента. Я зарылся лицом в свои руки, чтобы спрятать глаз от его взгляда, изобразив некое подобие головной боли.

— Поезд помню, монстров всяких… — быстро произнес я, — Слушайте, что вы от меня хотите?

Агент Рубан убрал руки со спинки стула и раздраженно выдохнул. Теперь говорила уже Баркер, до этого высматривающая что-то в окне.

— Марк… ты не против, что я тебя буду так звать? — разумеется, она даже не предоставила мне времени для ответа — Мы хотим тебе помочь и разобраться в том, что произошло… но сейчас ты в списке подозреваемых в убийстве троих человек.

— Извините? — я удивленно поднял взгляд.

— Мы понимаем, что скорее всего ты ни в чем не виноват, но если ты не будешь сотрудничать… ты молодой парень, Марк, я не

хочу, чтобы вся твоя жизнь пошла наперекосяк…

— Так, — я перебил её на полуслове. Девушка заметно удивилась такой наглости, она же мне тут жизнь спасает, как же. — Дайте угадаю, передо мной вы случайно никакую истеричную женщину средних лет «предварительно» не опрашивали?

Парочка удивленно переглянулась, на несколько секунд моя догадка даже сбила их с толку.

— Мы опросили всех свидетелей. — быстро бросила Баркер, сменив свой дружелюбный тон на более повседневный.

— Просто любопытно, — я улыбнулся.

По-хорошему, уже в этот момент я должен был позвать охрану, которая каким-то боком пропустила агентов сюда, и приказать вывести господ из моей палаты. Такие разговоры не ведутся без адвоката, а с несовершеннолетними так и подавно. Однако интерес всё же взял надо мной верх и я решил послушать, что им еще есть сказать.

— Аген…ты. Я не понимаю, что вы здесь делаете, и в чем пытаетесь меня обвинить, но..

— Не спеши, мы понимаем какой стресс ты пережил, постарайся успокоиться и все нам рассказать, — к девушке снова вернулся сладкий тон. Должен признать, что вкупе с её ванильными духами, это не могло не завораживать.

Она смотрела на меня с сочувствием, говорила тихо, словно делилась со мной какой-то сокровенной тайной. Специально она так себя вела, или нет, должный эффект это на меня всё же производило.

Я отвернулся и уставился в одну точку, в душе радуясь, что на мне сейчас уйма бинтов, которые помогают хоть немного скрыть мои настоящие эмоции. Главное только понять, что именно они не знают, и что хотят услышать от меня.

— Хорошо, — выдохнул я.

— Ну наконец-то. — мужчина развел руками.

— Агент Рубан… — она сделала ударение на его фамилии, — Не мешайте.

Раздраженно глянув на Рубана, я начал:

— Я давно хотел в столицу и наконец купил билеты. Хотел увидеться кое с кем…

— Нас это не волнует, — оборвал меня мужчина, — Нам нужно знать, что случилось во время самой поездки.

Я сжал губы.

— Сначала всё было нормально, но потом поезд остановился.

— Почему он остановился?

— Старик, со мной в вагоне ехал старик, — я старался давать

им минимум информации, — Он сорвал стоп кран.

— Что это был за старик? Как он выглядел? — спросил Рубан.

Хм. Значит Родион смог уйти незамеченным. Наверное ему было трудно это провернуть, особенно с парой трупов на плечах.

— Эм, ну… я плохо помню, обычный себе старик, одет просто, седой, плешивый.

Рубан достал из того же внутреннего кармана небольшой блокнотик, к которому была прикреплена короткая ручка и откинув его обложку назад, начал скрипеть по бумаге.

— Он был один?

— Нет.

— С кем он был?

— С женой, — этот вопрос немного сбил меня с толку, все же как много им известно?

— Как она выглядела? — каждый вопрос отдавался в моей голове звоном переноса строки на печатной машинке. Он задавал их очень быстро, не давая мне времени подумать, что говорить дальше.

— Грустно. Обычное телосложение, морщинистое лицо… волосы короткие… мне трудно сказать…

Агент Рубан закачал головой и умолк, осмотрелся по сторонам и заметив на тумбе мой телефон, потянулся к нему и стал вертеть его в руках.

— Какой пароль?

— А как вы думаете?

— Хорошо. Зачем ты убил проводника?

— Что? — этот неожиданный вопрос совсем меня сбил с толку, — Зачем мне это делать? Это был старик!

— Ты уверен?

— Да.

— А ему это зачем делать?

— Да я откуда знаю, чтобы поезд остановить!

— Но зачем ему это?

— Эм, ну… чтобы выйти, очевидно…

Агенты переглянулись, я успел обернуться и заметил, что девушка кивнула своему напарнику. Последний, впрочем, и не думал замедляться.

— Ты видел, чем был убит проводник?

— Нет.

— Ты делал что-то с телом?

— Нет, мне было страшно, я сразу же ушел, как увидел труп.

— Куда ты пошел?

— Искать персонал поезда, чтобы рассказать о том, что произошло!

— А что, собственно, произошло? — похоже, они делали всё возможное, чтобы сбить меня с толку. Вынужден признать, у них начинало получаться.

— Старик убил проводника и сошел с поезда! — но это они уже знают.

Этот поток вопросов не на шутку меня раздражал. Я ощутил, что несмотря на все попытки остаться хладнокровным, у Рубана получалось пробить меня.

Мужчина снова замолчал и отложил мой телефон обратно на тумбу, после чего принялся постукивать ручкой по верхней части своего блокнота.

— Ты убил Никиту Санчеса?

— Нет.

— Кто его убил?

— Его убил блуждающий… Тварь, что появилась из трупа проводника.

— Не было никакой твари, — хмыкнул УБешник.

— Но на видео…

— На видео его убили сзади, камера не засняла никакую тварь. Там было лишь его лицо. И то, как вы ругались. Никита умер, а ты затем просто сбежал.

Я хотел возразить, однако… Черт-подери, вы прокололись, мистер агент! Если бы той твари не было на видео, то не появились бы «мемы», что разошлись по интернету. Так что очевидно, что он просто блефует. Возможно, он делает это нарочно, зная, что я уже заходил в сеть.

— Но были и другие свидетели, — выпалил я, не став подавать виду, что заметил эту деталь.

Осознание того, что все их предъявы высосаны из пальца, успокоило меня и придало немного уверенности в себе.

— Они все дали показания против тебя, — с ехидной улыбкой произнес агент.

Я с трудом удержал себя от того, чтоб не выругаться. С чего бы кому-то давать показания против меня? Да это мне следовало бы дать показания против них, учитывая то, что Макс закрыл меня один на один с этим монстром. Они явно получили эту инфу от свидетелей из вагона. К тому же на видео есть запись твари. И да. Самое важное: что значит слова тех ОБЫЧНЫХ людей против МОЕГО?

Агент явно это все осознает и сейчас просто издевается надо мной.

Моему терпению пришел конец.

— Это бессмысленно, — я опустил голову вниз, а затем повернул её и посмотрел Рубану прямо в глаза. — Вы знаете кто я

и должны понимать, что это уже никакой не опрос. Это самый настоящий допрос. У вас есть распоряжение?

Мужчина сцепил зубы и посмотрел на свою напарницу.

— Мы-то понимаем, — задумчиво произнесла девушка. — А вот ты понимаешь, насколько губительный эффект может произвести то, что произошло?

— Ну да, убийство трех людей — это очень «губительный эффект», — фыркнул я.

Я глянул на Баркер и почему-то именно в этот момент подумал о том, что она была довольно симпатичной. Особенно когда сидела в лучах утреннего солнца на этом подоконнике. Всего на секунду она была ошеломлена моим ответом, после чего нахмурилась.

— Мы расследуем то, что случилось в самом городе, — холодно заключила девушка, — Что происходило перед тем, как тебя нашли?

Вот только как бы она не очаровывала, никакая женская красота не остановит меня от того, чтобы прекратить этот цирк.

— Послушайте, с меня хватит. Совсем недавно я чуть не двинул кони, по-хорошему, мне бы сейчас лежать в реанимации, а не доказывать черт знает кому, что я не верблюд. Вы понимаете, сколько законов уже нарушили? Я плохо себя чувствую и отказываюсь говорить. Уходите.

Агент Рубан молча посмотрел на меня холодным взглядом и шмыгнув носом поднялся со стула, не забыв еще раз противно скрипнуть им по полу. Он развернулся и не проронив ни слова зашагал к двери.

Баркер спустилась с подоконника и зацокала каблуками по полу, оставляя за собой аромат ванили. Перед самой дверью девушка остановилась и повернула голову в мою сторону. Она мило улыбнулась мне и вышла. Ну да, как же.

Глава 17

Стоило двери закрыться, как я облегченно выдохнул и растекся на кровати.

В голове стучался один вопрос — куда смотрела моя охрана? Если подумать, то я их ни разу даже не видел с того момента, как проснулся. Только иногда слышал конский хохот и сальные шуточки через стену. Ну нет, так не пойдет.

Я потянулся к телефону, который Рубан небрежно бросил на дальний край тумбочки, разблокировал его и найдя контакт «Фридрих» принялся гневно строчить сообщение.

«А тебе уже сообщили, что ко мне приходили следователи?»

Отправить. Пиктограмма бумажного самолетика унесла моё сообщение начальнику Службы Безопасности нашего клана.

Он не спешил отвечать. Я на секунду задумался, а затем накинул еще пару месседжей.

«Контрразведка Империи. Агент Баркер и Рубен. Проводили допрос.»

«И нет, это не опечатка.»

Вспомнив странное поведение врача и медсестры, добавил:

«Ты ведь вообще знаешь, что я пришел в сознание?»

Через пару минут облачка вокруг моих сообщений сменили цвет на серый, давая мне понять, что их прочитали. Фридрих начал что-то печатать в ответ. Я уставился на надпись «пользователь набирает сообщение». Прошли минуты, а глава службы безопасности все печатал.

Я гадал, что он сейчас такого мне скажет, раз он так долго отвечает. Но в ответ пришло короткое: «Выезжаю.» Впрочем, узнаю Фридриха. Скорее всего, он «приятно» удивился таким новостям и провел последние минуты расписывая полотно матов и оскорблений, которые затем просто подтер.

«Стой» — кинул я следующее сообщение. «Есть кое-что еще странное. Я до сих пор в глаза не видел свою охрану, только слышу, как они ржут весь день в коридоре».

Я задумчиво прищурился.

«Поэтому приходи без предупреждения. Узнаешь много интересного. Никому ничего не говори и заходи сразу ко мне в палату»

Сообщения были мгновенно прочитаны, а в ответ пришло короткое:

«Принято. Разберемся.»

«Вообще топовую больничку вы мне выбрали, потом нужно будет ей влепить пять звезд.»

«Марк, я ни черта не понял»

Я ухмыльнулся. Помню, как несколько лет назад случайно показал Фридриху профиль его дочери в «постере», где та не стеснялась светить фигурой в открытых купальниках. Он ничего не понял и решил, что это сайт с проститутками. Я катался по полу от смеха, слушая, как он гневно обвиняет её в недостойном поведении по телефону. Так что да, с молодежным веяними и сленгом он был в довольно натянутых отношениях, да как и большинство старой гвардии нашей службы безопасности. Это все издержки кумовства на котором строится клановая иерархия. На высоких должностях числятся либо родственники, либо люди, доказавшие свою верность годами. А потому круг общения у таких, как Фридрих, очень долго не претерпевает вливаний свежей крови.

Я хотел было уже разъяснить ему, что такое «топовый» и куда я хочу поставить звезды, но тут мой живот громко заурчал. Как давно я ел в последний раз? Наверное, пока я был в коме, то что-то питательное в меня все таки заливали через какую-нибудь трубку, но с момента пробуждения никто мне ничего не приносил.

«Пожрать привези. Меня за два дня еще ни разу не кормили» — кинул я напоследок. В ответ пришло: «К». Ну да, Фридрих всегда был краток.

Хорошо, с этим разобрались. Осталось только дождаться приезда главы службы безопасности. Если он сейчас находится в моем родном городе, то, думаю, сегодня уже не успеет приехать. И вряд ли явится ночью. Потому стоит ждать его уже утром.

Услышав, как открылась дверь, я приподнял голову. В проходе показалась медсестра. Я напрягся, но похоже в этом не было нужды. Она все время смотрела в пол и старалась не пересекаться со мной глазами. Девушка явно была напряжена. Возможно потому, что Ибрагим скинул на неё всю вину прямо на глазах УБешников. Но возможно и нет.

— Надеюсь, в этот раз уколов не будет? — я смотрел на нее, сузив глаза.

— Н-нет, — медсестра отвела взгляд, — Простая перевязка.

— О-кей, — я немного расслабился, но все же внимательно следил за всем, что она делала. Мой внутренний параноик в шапочке из фольги все никак не успокаивался.

Из-за волнения рутинные действия по проверке показаний аппаратуры и перевязке получались у неё крайне неловко, Мия то и дело что-то роняла, задевала или путала. За чем я с любопытством наблюдал, вертя головой вслед за ней, отчего ей становилось еще более неловко. В какой-то момент мне начало

казаться, что будь её воля, она бы уже бежала стометровку из моей палаты.

Окей, Марк, разглядывать миловидных азиаток — это хорошо, но можно параллельно подумать о том, во что вляпались.

«Вы подозреваетесь в убийстве трех человек».

Ну да, конечно, имперские спецслужбы пекутся о паре трупов в небольшой восточноевропейской стране, как же. И о каких трех людях идет речь? Про смерть Риты и сына Родиона знал только я, да и расспрашивали меня конкретно только в убийстве коротышки. Я чего-то не знаю.

Но если не в расследовании убийства, в чем тогда может быть их интерес?

Благо, Баркер уже жирно намекнула на это. Еще тогда в коридоре. «В случае угрозы прорыва скверны в жилых районах» и что-то там дальше — их интерес лежит в скверне. В самом городе. В том, что в нем находится. В том, кто заварил всю эту кашу.

Им нужен старик, что унес тело своего сына. В котором была запечатана скверна. Которая теперь… во мне? Бл*ть.

Бывают такие ситуации, когда правда висит у тебя прямо перед глазами, а ты подсознательно, или даже в какой-то мере осознанно, предпочитаешь её не замечать.

Гнилая натура друга, лицемерие родителей, сомнения касательно девушки… такого рода вещи, которые красными флагами размахивают у тебя под носом и кричат о себе настолько очевидно и громко, что со стороны ты легко можно показаться наивнейшим из идиотов, что топчат эту землю. Грустная ирония таких ситуаций заключается в том, что хоть флаги и красные, но ты-то — дальтоник. А когда цвет начинает прорезаться, ты никак не можешь взять в голову, как можно было в упор не видеть очевидного.

Вот и перед моим носом, еще с того самого момента, как Родион посмотрел на моё распластанное по саркофагу тело и произнес название атрибута, висел такой флаг. И наконец-то я его заметил.

Я снова посмотрел на свою бледноватую руку.

Если они все ожидали увидеть меня мертвым, почему я всё еще вполне себе жив?

Пренебрежение Болью показало обратный от желаемого эффект. Собственно, как и вторая аура, регенерация, что вместо того, чтобы излечить меня, принялась усугублять мои раны.

Я вспомнил прогулку с Родионом, когда он вывалил на меня поток информации касательно искаженной энергии.

Он говорил, что под воздействием искаженной энергии всё, что дарило жизнь становится губительным, а проклятия…

трансформируются в нечто иное. И моя аура регенерации, ранее помогавшая мне, а этой ночью чуть не угробившая, идеально подходит под это описание.

Уроборос не остановил перезапечатывание скверны, нет, она всё это время была во мне. Уроборос не дал скверне захватить надо мной контроль…и не дал ей исказить меня.

По спине пошли мурашки. Они ищут меня. Только пока еще не знают об этом.

Я начал лихорадочно анализировать всё, что мне известно.

Какие у них есть зацепки? Люди в поезде — бесполезны. Полезный свидетель — только я. А дело срочное, если судить по тому, что они пришли на следующий же день, после того, как я вышел из комы.

Вопросы задавали в основном про стариков. Агентам, как собственно и мне, было очень интересно, зачем убили проводника. Они очень акцентировали на этом внимание. Но, если честно, у меня складывалось ощущение, что старик прибил того проводника тупо, чтобы сломать мозги мне и всему следствию.

Зачем применяли агрессивные методы допроса и блеф? Скорее всего, проверяли мои ответы.

Возможно последние фразы девушки-агента и были брошены, чтобы расположить меня к ней на контрасте с хамоватым Рубаном, но на деле она дала то, чего мне так не хватало — толику информации.

Медсестра выдвинула какой-то из приборов над моей головой и начала записывать его показания, держа в руках планшет для бумаги, что немного отвлекло меня. Она иногда как будто с опаской на меня поглядывала и постоянно поправляла свои волосы.

Я вернулся в свои мысли.

Они от меня не отвяжутся и это понятно.

Как бы я не старался, Рубан выглядел как опытный агент, как и Беркер, они явно читали меня и делали свои выводы. Хотя мне и казалось, что держался я довольно неплохо, но они точно поняли, что здесь что-то нечисто.

Что же до начальника медсестры, что сейчас хлопотала надо мной… Его недавняя реакция была бесценна. Будь это кто-то другой, я бы сразу сделал однозначный вывод исходя из поведения врача. Однако с такими скользкими типами есть одна большая проблема — они всегда, каждый божий день, трясутся за свою шкуру, благодаря чему не всегда легко сказать, что именно вызвало у них панику. Я насмотрелся на таких еще в окружении отца. А если учитывать склонность Ибрагима к подхалимству,

сложно сказать однозначно — он так вспотел и потерялся просто потому, что дезинформировал влиятельных господ касательно моего состояния, тем самым показав свою некомпетентность, или потому, что снотворное все таки должно было заставить меня заснуть навсегда, и теперь у него на повестке дня больша-а-я такая проблема в виде одноглазого наследника известного клана. Медсестру он мог использовать в темную, но судя по ее поведению, все не так просто.

Впрочем, с такими вопросами лучше разбираться вместе с Фридрихом, он куда лучше разбирается в людях, чем я.

Мия закончила свою работу и устремилась к выходу, однако сделав шаг по направлению к двери, замерла на месте.

— Извините… — тихо произнесла она, опустив голову в пол и вышла из палаты, даже не дав мне ответить.

И что это было? Она про свою нервозность? Сомневаюсь…

Начало смеркаться, когда в коридоре послышались тяжелые шаги. Я притих, вслушиваясь в происходящее.

В какой-то момент шаги внезапно прекратились.

А затем двери распахнулись и в дверях показался мужской силуэт.

Фридрих был мощного вида мужчиной на шестом десятке лет, впрочем по его физической форме об этом и не скажешь, только морщинистое лицо и черные волосы с сединой то тут, то там, выдавали его реальный возраст. На квадратном лице выделялись пышные усы, которые меня почему-то всегда смешили.

Однако самому Фридриху сейчас было не до смеха. Несмотря на то, что он стоял с довольно дружелюбным видом, держа в одной руке пластиковый судочек с супом, а во второй пакет с апельсинами, было ясно, что не в добром расположении духа. Его глаза были сужены, ноздри гневно вздуты, а скулы постоянно играли. Фридрих зол. Однозначно.

— Что-то ты быстро, — хмыкнул я.

— Летел, — хмуро пробурчал Фридрих, его взгляд зацепился за небрежно брошенные стулья в центре комнаты, после чего он принюхался, — Что за херня?

Я развел руками.

— Как-то так, — и криво улыбнулся.

Фридрих оставил пакет на пустующем столике, на котором задержался тяжелым взглядом, после чего направился ко мне. Присел на стул рядом.

— Марк, честно, меня никто не проинформировал, что ты проснулся. Иначе я бы уже давно был здесь, развели тут понима…

Я поднял руку, прервав его на полуслове. Пора проверить

один момент, что не давал мне покоя.

— Думаю, ты уже сам заметил, как работает охрана, — Фридрих кивнул, — Давай я сначала еще кое-что покажу, а ты сам сделаешь выводы.

Я нажал на экстренную кнопку, и под удивленным взглядом главы службы безопасности начал загибать пальцы до десяти. Когда обе ладони свернулись в кулаки, я сорвал с себя датчик, что отслеживал моё сердцебиение, и тот показал остановку сердца.

— Смотри, куда вы меня положили.

Время шло, но ни один горящий желанием спасти меня врач не ворвался в палату.

С каждой секундой задержки лицо Фридриха становилось всё багровее и багровее.

И вот, спустя минут пять, в коридоре послышались медленные грузные шаги. Похоже, Ибрагим на этот раз лично решил убедиться в моей кончине.

Он влетел в комнату чуть ли не с радостной улыбкой.

Увы, порадовать его мне было нечем. Мелкие глазенки главврача уперлись в массивную фигуру Фридриха, сидящего на стуле с краснючим лицом. Ибрагим перевел взгляд на меня, а затем на приборы, со свисающими из них датчиками. От его радости не осталось и следа. Лицо врача побледнело.

— Ясно, — Фридрих глубоко вздохнул, дабы успокоить себя, и встал со стула. Казалось, вокруг него даже воздух стал тяжелым — Вот оно значит как.

Я уже пару раз слышал от него эту фразу и примерно понимал, что сейчас будет происходить.

Я даже не успел заметить как доктор резко переместился лицом в пол с заломленной за спиной рукой. Фридрих прижимал его коленом сверху. Одной рукой он придерживал Ибрагима, а второй прошелся по его карманам. Спустя секунду на пол возле них высыпался целый рой каких-то пилюль и бумажек. Там же оказался и телефон доктора. Достав из кармана самые обыкновенные стяжки, Фридрих заломил доктору вторую руку и стянул его руки вместе, только тогда убрал колено. Все это время доктор не издавал ни звука — видимо отключился от удара головой об пол.

Окинув взглядом комнату глава службы безопасности в охапку схватил, всё, что достал из кармана дока, встал с пола и подошел ко мне.

— Марк, ты сейчас лучше помолчи, но если «док» будет врать, то не стесняйся поправлять его слова, — положив принадлежности медика на тумбочку, он взял стул и перенес его

в центр палаты. Затем подхватил доктора одной рукой и усадил на стул. Лицо у того было неважное, будто на бегу встретило бетонную стенку.

— Если очнется раньше, чем я вернусь, то позови, сейчас буду, — после этих слов он вышел в коридор. О чем был разговор в коридоре я не слышал, но спустя две минуты в палату вошли четверо охранников, с пустыми кобурами, а за ними Фридрих, держа в руках столько же пистолетов.

Они на секунду замешкались, увидел дока с разбитым лицом. Начальник указал им рукой на стенку.

— Вон туда отойдите, — после чего положил все оружие у моих ног на кровати, а сам присел на ее край.

— Фридрих, — устало выдохнул я, — Ты серьезно? Сейчас? Прямо здесь?

Он озадаченно посмотрел на меня.

— А почему нет?

Я устало пожал плечами.

Фридрих же встал с кровати, подошел к тумбочке и выдернул шнур питания от аппаратуры — та наконец перестала тревожно пищать.

— Ну, по всей видимости, здесь собрались все, раз больше никто не спешит, — он повернулся ко мне, — Или может кого-то еще не хватает для полной картины?

— Есть еще медсестра, которая вчера ночью мне сделала укол, от которого мне, возможно, стало плохо, но я не уверен, — сухо добавил я.

— Ты ее сегодня видел?

— Да, — я кивнул, — Дважды. Первый раз, когда зашли агенты УБ, второй — когда они уже ушли. Она сняла показания аппаратуры и перевязала меня.

— Понятно, — он подошел к доктору, — Подъем, спящая красавица.

Фридрих потрепал его по волосам, но результата не было. В следующей миг по палате рознесся громкий звук пощечины.

— Ч-что… Что происходит? — доктор начал оглядываться и хмуриться от боли.

— Кто тебе заплатил?

— Что? А Вы кто такой? Что… Что вы себе позволяете! — он заерзал руками и затем попытался вскочить со стула, но ему на плечо легла тяжелая рука Фридриха, которой он усадил его обратно.

— Не дергайся, целее будешь, — судя по всему, Фридрих с силой сжал его плечо, потому что доктор закричал от боли.

А затем влепил еще одну смачную, тяжелую пощечину, чтоб

док окончательно заткнулся. И он заткнулся.

— Если мне еще раз придется повторить вопрос — я начну нервничать, а когда я нервничаю, — Фридрих показал врачу свою руку, которая горела красным цветом от включения навыка, — Мне хочется что-то сломать. Ты же доктор, тебе ведь нужны целые пальцы, правда? Потому спрашиваю в последний раз — кто тебе заплатил?

— Д-да, ладно. Г-господа… М-марк… — он озирался по сторонам в попытке найти хоть какой-нибудь выход из ситуации, но Фридрих не оставил ему вариантов, — К-ко мне пришел серьезный человек, имени не называл, дал понять, что работает на кого-то влиятельного… пригрозил ч-что если не помогу, то…

— Да ну? — Глава СБ сжал горящую красным цветом руку в кулак и громко хрустнул пальцами.

— Х-хорошо… сказал, что заплатит. Да он за одну возможность обсудить это перечислил мне мою годовую зарплату, поймите! А обещал… куда больше. М-мне сказали, что всё, нужно сделать, это…. убедиться, что пациент не выйдет из больницы… что помогут… в охране есть свой человек и…

В этот момент двое охранников, стоявших около стены рванули к выходу, но Фридрих был быстрее. В мгновение ока он оказался около одного из них, за телом мужчины последовал красный мираж навыка ускорения. Наверное решил активировать его перед врачом, потому что красный цвет выглядит угрожающе, старый выпендрежник.

Он нанес два удара. Первый охранник получил удар рукой по шее и улетел носом в стенку, оставив на ней кровавый след. Второй, не успев опомниться, согнулся от удара ноги в живот, следующий удар отправил его в нокдаун. Первый охранник неловко попытался встать, но его настиг очередной молниеносный удар, в этот раз уже кулаком в челюсть. Все длилось не больше пяти секунд, по истечению которых Фридрих остался стоять один около двери. Под ногами у него лежало два тела в отключке.

Вот об этом я говорил, когда сожалел о своих убогих навыках.

Глава службы безопасности повернулся к остальным охранниками, что глупо хлопали глазами, наблюдая за таким развитием событий и бросил им две стяжки со словами:

— Вяжите их.

Охранники переглянулись и бросились обездвиживать своих бывших напарников.

Брезгливо вытерев руки друг о друга, Фридрих выдохнул и вернулся к доброму доктору Ибрагиму.

— Как выглядел тот, кто приходил к тебе?

— А-а… ну он бы в темных очках… мужчина лет тридцать… обычный… эм…

— Ладно, составим фоторобот позже, кто еще с тобой в сговоре?

— Сестра! Медсестра Мия! Она все и делала! — видимо, Ибрагим нашел небольшой лучик радости в этой ситуации, теперь прилетит не только ему.

Фридрих подошел к вещам доктора, что лежали на тумбочке, и взял его телефон. После чего вернулся к врачу и ткнул экраном ему в лицо.

— Как разблокировать?

— 19… 1912…

— Как она записана у тебя в телефонной книжке?

— Мия. Мия работа, кажется!

— Она еще в больнице?

— Да.

— Тогда слушай внимательно, как мы сейчас сделаем: я наберу ее номер, ты скажешь чтобы она подошла сюда. Ляпнешь что-то лишнее — получишь и за себя и за нее, все ясно?

Фридрих нажимает вызов и подносит ему трубку к уху, идут гудки.

— А-алло, подойти в палату Ротта, как можно быстрее, — больше он сказать ничего не успел, так как Фридрих тут же сбросил вызов.

Ждать её пришлось недолго, может около минуты.

— Ух-ты, да ладно, так быстро! А когда «сердце остановилось» чего не примчалась?

Мия испуганно оглянулась и увидев связанного Ибрагима с разбитым лицом начала пятиться назад. Увы, она не успела даже развернуться, когда Фридрих схватил её за руку. Больше она не сопротивлялась. Девушка виновато уставилась в пол и принялась рыдать.

Фридрих закачал головой.

— Ой, вот только не надо сейчас всех этих женских штучек. Как парня убивать, так вот тебе укольчик, а как ответственность на себя брать, так сразу нюни распускаем?

Одним ловким движением Фридрих затащил её из дверного проема внутрь палаты и прижал лицом к стенке, затем свел ее руки за спиной и стянул стяжкой.

Мне показалось, что он ведет себя с ней как-то слишком жестко. Из головы никак не выходило её тихое «Извини», брошенное чуть ранее сегодняшним днем.

— Эй, Фридрих, может не надо с ней так?

Он грустно улыбнулся.

— Марк, не будь дураком, ты из-за нее мог умереть.

«Или… действительно умер» — что-то мне шептало об этом.

— Она сделала свой выбор, не надо ее жалеть, — сурово произнес Фридрих.

Я с сомнением кивнул.

— Так, Марк, это все?

— Вроде да, — ошарашенно кивнул я, — Я не знаю, я долго был без сознания, может еще кто приходил.

Глава СБ кивнул.

— Ты бери пока кушай, сейчас к тебе поднимутся двое ребят, что с аэропорта меня сюда везли, я им доверяю. Один будет постоянно в твоей палате дежурить, если хоть на шаг от тебя отойдет — сразу звони.

Фридрих обнадеживающе улыбнулся мне, после чего достал телефон и вызвал своих людей наверх.

Ждать их пришлось недолго. В комнату вошло двое охранников. Один из них был возрастом примерно с Фридриха и выглядел, как его более мелкая копия, если не считать отсутствия усов, второму же было от силы лет двадцать семь. Он был на одну лысую голову выше своего напарника.

— Марк, это Джонни Кравц, — он указал рукой на первого охранника, что тут же встал по стойке смирно. — Я его еще с армейских времен знаю, с ним ты будешь в безопасности.

— П-приятно познакомиться… — я еще не совсем отошел от того, насколько быстро накалилась ситуация в этой комнате.

Фридрих тем временем указал на второго охранника, лысого.

— А это Джонни Кравц-младший. Не удивляйся, они все в роду Джонни. Но работу свою делать умеют.

Джонни-младший улыбнулся и кивнул мне головой.

— Здрасте.

Закончив представлять мне новую охрану, Фридрих подошел к тумбочке, достал из пакета апельсины и собрал туда оружие, глянув на оставшихся двух охранников тяжело вздохнул.

— Так, бестолочь, за мной. Поможете погрузить этих крыс в машину. — он перевел взгляд на своего сослуживца. — Кравц, ты со мной, сын пусть у двери постоит.

Они синхронно кивнули.

Фридрих рассовал вещи доктора себе по карманам и подошел к незадачливым убийцам. Его рука вспыхнула белым цветом, затем он слегка пригнулся и схватив Мию за талию, повалил её к себе на плече. Девушка от такого бесцеремонного поведения вскрикнула и заныла пуще прежнего. Второй рукой он схватил за воротник быстро дергающего из стороны в сторону головой Ибрагима и проделал с ним тоже самое, после чего направился к

двери. Охрана потащила парочку своих, уже надо полагать бывших напарников, в коридор. Перед тем как уйти, Фридрих повернулся ко мне, вместе с двумя телами на плечах.

— Марк, мы во всем разберемся.

— Эм… — я окинул взглядом свою палату на стенах которой теперь красовалась кровь, — Спасибо.

Джонни-младший дождался, пока все выйдут из комнаты и посмотрел на меня.

— Когда отец вернется, тебе может взять чего-нибудь из автомата? Может хочешь пить?

— П***ец, как хочется. — Я наконец-то смог спокойно выдохнуть.

* * *

Пробило полночь, молодой охранник сидел на своем месте и прожигал своим взглядом каждый уголок в этой комнате. Я же залипал в мобильник. Листал ленту в постере, поглядывая, чем занимаются люди, и просто приходил в себя. Благодаря сытому желудку, настроение поднялось на три порядка.

Мне уже не так часто писали из-за мемов, можно сказать, я снова стал почти-что никому не интересен. Потому я включил обратно уведомления.

В 12.01 мне пришло сообщение от Элизы.

«С днем рождения, Марк:3»

Глава 18

«С днем рождения, Марк:З»

Когда сообщение появилось в уведомлениях я, признаюсь, не сразу осознал, к чему оно, да и кто его мне отправил. Поэтому по привычке ткнул на него пальцем и сразу перешел в чат, тем самым отметив сообщение, как прочитанное.

Лишь спустя минуту глупого разглядывания телефона до меня дошло, что сегодня действительно мой восемнадцатый день рождения, а затем и то, что первой, кто меня поздравил — была Элиза с реальной страницы. Она каждый год поздравляла меня так, ну как… она. СБшники с ее фейковой страницы.

Однако, так как сообщение уже прочитано, я уже не мог просто проигнорировать его. Потому спустя минуту или две, после неловких попыток выдавить из подходящие слова благодарности, я удалил весь вымученный текст и ответил коротким: «Спасибо». Девушка почти мгновенно прочитала сообщение и тут же начала что-то печатать. Очень долго печатать.

Ответ все никак не приходил, и вместо того, чтобы наблюдать за то появляющейся, то пропадающей надписью «Пользователь печатает…», я решил перейти в ее профиль. Там всё было по-прежнему, если не считать две новые фотографии, где она катается на квадроцикле где-то в горах.

В «избранном» больше не было фотографий с Августом, но и окончательно удалены они не были. Они оказались просто в общей ленте. Я открыл одну из них и перешел по ссылке на его профиль.

Не могу сказать, что я увидел там то, чего не ожидал увидеть. Что не снимок, то очередная тусовка на яхте с полусотней человек сразу, или вылизанный до блеска борт частного самолета, доставляющего парня каждый раз в новую страну. Последние он не забывал отмечать геотэгами. Ну разумеется, вдруг кто-то подумает, что Август не может себе позволить постоянные перелеты по континенту и за его пределы, за счет корпорации «Локк».

«Локк» была крупной корпорацией медиа-магнатом, одной из ведущих в нашей стране. Не смотря на то, что они никаким боком не связаны с кланами и аристократией, денег и власти у них имелось предостаточно. Об этом намекала серьезная сеть предприятий и дочерних компаний, охватывающая практически каждую отрасль рынка. Начиная с газет и телеканалов, и заканчивая сталелитейными заводами с сырьедобывающими фирмами — «Локк» везде умудрялись приложить свою руку. Так

что да, Августа Локка вполне можно считать не просто влиятельной фигурой, а даже местечковым принцем, пусть и без легального права так называться.

Тем не менее, почему-то даже внешний вид Августа вызывал у меня раздражение. Вечно надменное выражение лица, волосы с зачесом назад, на которые он не жалел геля, и вызывающая вопросы любовь к рубашкам поло создавали в моей голове очень мерзопакостный образ, который даже трудно описать словами.

Ну и конечно, у него есть фото с Элизой в избранном, кто бы сомневался. Я не стал их открывать и читать подписи, чтоб лишний раз не портить себе настроение. Чернобелая иконка профиля, на которой Август с прищуром смотрит в обьектив камеры, подсвечивалась синим, что говорило о наличии не просмотренных мною «историй» — временных фото или видео, что пропадают спустя сутки после публикации и не отсвечиваются в основной ленте профиля.

Я ткнул пальцем на аватарку. Первая история была типичным видео ни о чем, где он травит какие-то шутки. А вот все последующие истории заставили меня скрежетать зубами. Угадайте, кого я там увидел?

Видео снятое от первого лица где-то в горной местности, начиналось с рева квадроцикла и жуткой тряски камеры. Август выжимал ручку газа до предела, но даже так, в какой-то момент его обогнал второй ездок, в приталенном камуфляжном костюме. Несмотря на шлем, я узнал её серые волосы. Элиза помчалась далеко вперед, оставляя этого увальня буквально глотать пыль. Правда… не могу сказать, что меня как-то заботили её гоночные успехи.

Следующая история воспламенила меня еще сильнее. Это было фото, на котором Август стоит одной ногой на квадроцикле с шлемом в руке и с самодовольной улыбкой смотрит в камеру. Чуть позади него стоял квадроцикл Элизы. Девушка привстала над сиденьем и обеими руками схватилась за руль, ровно держа спину. Однако, разозлило меня не столько это, сколько подпись наложенная прямо на фотографию.

«Пока одни лентяи валяются на койке, другие берут от жизни все».

А нахер сходить не хочешь? Я сжал зубы.

Честно признаться, я не думал, что следующая история, выложенная считанные минуты назад, будет способна разозлить меня еще сильнее, однако, боги, как я ошибался.

Снова видео, снова природа. На заднем фоне припаркованы квадроциклы. Август, рядом стоит Элиза, что немного озадаченно смотрит по сторонам. Пять человек выталкивают ближе к камере

шестого, невзрачного парнишку в серой толстовке, простых джинсах и кедах. Толпа начинает петь песню «С Днем рождения». Август и Элиза поют вместе со всеми и хлопают в ладоши.

Видео заканчивается. И показывается сразу следующая история в формате фото с подписью.

В кадре находятся трое: тот парниша, а перед ним Август, что приобнимает отвлекшуюся на что-то в стороне Элизу.

Подпись: «я никогда не забываю поздравить своих слуг с днем рождения х)»

Я, наверное, минуты две сидел и просто пялился в одну точку. В груди клокотал гнев. Я разрывался между желанием разбить телефон о стену и тем, чтобы написать кому-нибудь что-нибудь крайне язвительное. Даже знаю кому — Августу.

В порыве гнева я закрыл истории и перешел в его личные сообщения. Написал короткое: «Тварь».

Ответа не пришлось долго ждать, уже спустя секунды три он отправил мне глумливый смайлик.

Я чуть было не начать что-то строчить, но внезапно замер, осознав, что кроме прямых оскорблений, мне толком в голову ничего не лезет. Так нельзя. Это не просто тупо, это жалко.

Я вышел из диалога с ним. Забанил его. Перешел в свой список диалогов. Увидел, что Элиза до сих пор еще что-то мне печатает. Забанил ее.

Вот, после этого можно и телефон об стенку разбить. Мощно, вдребезги, так, чтоб стену пробить.

Руки загорелись черным. Плевать. Я в тот момент уже замахнулся и что было силы всадил телефоном прямо в плазму. Вслед за громким звоном, черное зеркало экрана покрылось белой паутинкой из трещин почти до самых краев, прямо в центре телевизора торчало то, что осталось от моего телефона. Он прошел сквозь плазму как нож и застрял в стене за ней, что было заметно даже с моей кровати.

Злобно бормоча себе под нос ругательства, я покосился на подскочившего от неожиданности Джонни-младшего, что подозрительно покосился на меня.

— Что-то случилось, шеф? — он то и дело смотрел то на меня, то на плазму.

— Типа того, — я удивленно смотрел на свои запястья — их покрывали острые, рваные линии, накладывающиеся друг на друга в хаотическом порядке. Прямо как у мамы, когда она злилась.

Я еще некоторое время просто сидел, тяжело дыша. Пытался успокоиться. Получалось плохо. Я перевел взгляд на Джони младшего. Мне нужно было выговориться.

— Слушай, — он удивленно приподнял бровь, не ожидая, что после такой выходки я решу с ним о чем-то поговорить, — Хочу кое-что спросить.

Он оглянулся на разбитую плазму, а затем на меня, после чего присел обратно на свой стул.

— Спрашивайте. Но я сразу скажу, что в ваших клановских делах черт ногу сломит, так что я тут не большой советчик.

— Да я не об этом. — я сделал паузу, подбирая слова, — Что делать, когда ты столкнулся с проблемой и не знаешь, как ее решить? Даже не так, ты не можешь ее решить.

Охранник склонил голову влево, вспоминая что-то, а затем снова посмотрел на меня.

— Когда я был как Вы, может помладше, такой же потерянный ходил, — он снова глянул на телевизор, — Да это сразу видно, не серчайте. И отец мне тогда одну вещь сказал… да, бывают ситуации, в которых ты ничего не можешь изменить, но нет такой ситуации, в которой ты не можешь изменить себя. Я не сразу понял о чем он и пожалел… а тебе советую понять это поскорее, ага?

— Спасибо, — я кивнул и выдохнул. Ну хоть что-то.

Однако, Джонни на этом не остановился.

— А ему это, кстати, дед мой сказал. Джонни-старший, ну, то есть как, батяня тоже Джонни-старший, но… — за этим последовала десятиминутная тирада повествующая о весьма обширном семейном древе Джонни Кравцев, среди которых, кстати, все-таки втиснулся один Давид (надо полагать, в семье его недолюбливали).

Дальше я его не особо слушал. Хотя, болтливый настрой Джонни помог мне немного успокоиться.

Не смотря на глубокую ночь, сна не было ни в одном глазу. Да и физически я ощущал себя хорошо. Слишком хорошо, как для того, кто всего шесть дней назад чуть не умер, если подумать. Ноги слегка зудели, левый глаз тоже. Но в остальном — я ощущал себя прекрасно.

Изменить себя… Окей, Марк, что ты можешь сделать сейчас? Вот прямо сейчас. Для начала, наконец, разобраться с тем, что ты вообще можешь. Сколько ты уже тянул кота за яйца? Может хватит?

Во-первых. Скверна.

Если скверна всё таки во мне, то это объясняет произошедшее с моими навыками… возможно благодаря ей я не умер после того укола. Или… всё же умер?

Раз всё, что сдерживает энергию — это мой атрибут, логично, что после смерти его действие прекращает быть активным.

Правда в таком раскладе скверна должна была бы расползтись по всей округе и эта больница превратилась бы в филиал Ада на земле… вот только если бы рядом не было ничего, что притягивало бы её к себе. Чего-то вроде магической печати, создающей из человека сосуд, поглощающий в себя всю скверну, которая уже в свою очередь не может допустить того, чтобы сосуд погиб так просто.

И в тот самый момент, когда скверна начинает восстанавливать моё тело, воскрешать, если угодно, Уроборос снова становится активным и не позволяет ей взять меня полностью под контроль. Получается замкнутый круг, где я позволяю жить искаженной энергии, а она — мне. Черт подери, в каком-то смысле я превратился в ходячий научный экспонат инь-ян этого мира. Конечно, я не могу быть уверенным в этом до конца. Но если я прав… то во-первых, я сам не заметил, как умер, что уже звучит как хорошая история для вечеринок, а во-вторых, это объясняет поведение моих навыков. Они исказились, как и все, чего касается скверна.

Мне не казалось, что я здоров. После того, как скверна меня восстановила, я и был здоров. Рука нащупала повязку на глазу, я резко сорвал её и бросил в сторону, под ошеломленным взглядом Джонни-младшего. Даже к тусклому ночному свету в палате глазу пришлось еще какое-то время привыкать, однако он был совершенно целым… я даже почти решился на то, чтобы потыкать в него пальцем, но отбросил эту идею.

— Т-ты что делаешь? — Джонни заметил, что мой глаз был в полном порядке, но не мог понять, что ему делать в сложившейся ситуации.

— Меняю себя. — я улыбнулся.

Глава 19

Я присел на кровати и сорвал с ног одеяло. Те были запечатаны белым гипсом, который я начал было пытаться отодрать голыми руками. Гипс крошился, но не более того.

В этот момент Джонни подорвался с места, чтобы остановить меня, но я выдвинул руку перед собой.

— Стой.

— Н-но что вы творите?

— Фридрих тебе доверяет, а значит, и я тебе доверяю. Поэтому сейчас просто вернись на место и не мешай мне, тебе за это ничего не будет.

Он хотел воспротивиться мне, но я злобно вздохнул и посмотрел прямо ему в глаза.

— Это приказ.

Лысый охранник покачал головой, кивнул и попятился обратно на свой стул, пристально наблюдая за тем, что произойдет дальше.

Мой взгляд зацепился за продырявленный телевизор. Я посмотрел на причудливые линии у себя на руках — судя по всему, это был результат работы одного из тех проклятий, возможность использовать которые досталась мне от мамы.

Разумеется, я не тренировал их и никак не использовал ранее, так как довольно странно проклинать самого себя. Но теорию я в какой-то мере знаю.

Говорят, проклятия берут исток в темной стороне человеческой натуры.

Часто, чтобы молодой пробужденный научился владеть этим искусством, чтоб он впервые активировал проклятие, его доводят до эмоционального срыва и всячески заставляют испытать негативные эмоции. Обучение проклятиям означает бесконечный стресс и негатив для пробужденного. И если те, кто изучают себе лишь несколько проклятий в арсенал, всегда просто плюются, вспоминая бесконечные унижения на тренировках, то чернокнижники и прочие классы, у которых проклятия составляют львиную долю способностей, не могут в мастерстве овладеть этим искусством слегка не тронувшись головой.

Вся сложность заключалась в том, чтобы научить пробужденного быстро входить в состояние крайнего эмоционального накала, а затем, так же быстро выходить из него, возвращая себе контроль над рассудком, чтобы трезво принимать решения в разгаре боя.

Похоже скверна исказила какое-то из проклятий. Возможно

нечто, что должно работать на ослабление противника, теперь наоборот, усилило меня. Ну и отлично, сейчас я не особо заинтересован в познании премудростей контроля над своими эмоциями. Я все еще был чертовски зол.

Руки вспыхнули черным и я разорвал гипс в одно усилие. Ноги выглядели абсолютно здоровыми. Я ощупал их руками, а затем попытался подвигать. К моему удивлению, они довольно резво отозвались. После минутной разминки, я оперся рукой об основание кровати и аккуратно поставил ноги на пол. Прищурив глаза в ожидании падения, я встал и… ничего не произошло. Ноги держали меня, как и неделю назад. Я осмотрел их, словно какую-нибудь новую обувь и даже осмелился попрыгать на месте. После чего сделал пару шагов по комнате с дурацкой улыбкой на лице.

— Как? — Джонни ошарашенно глядел на меня.

Я безразлично пожал плечами. Однако внутри ликовал. С сердца словно скатился огромный валун. С того самого момента, как я вышел из комы, я старался даже не думать о том, что, возможно, всю оставшуюся жизнь я буду инвалидом. Даже если бы новый глаз прижился, а кости в ногах правильно заросли, невозможно представить, что я смог бы функционировать точь в точь, как до ранений. Меня бы ждала масса осложнений и многократные врачебные осмотры, раз уж магия в моем случае бессильна. Видимо поэтому мой мозг выработал защитный механизм, благодаря которому я не воспринимал свои раны всерьез, однако в глубине-то всё равно понимал, чем чревато моё состояние. Но теперь, когда скверна по кусочкам собрала моё тело заново… всё это позади. Я выиграл в лотерею, даже не имея понятия, что участвовал в ней.

Джонни-младший рукой попытался нащупать свой телефон в пиджаке, видимо, чтобы позвонить шефу и рассказать о случившемся, но я его остановил. Фридрих скорее всего сейчас занят допросом. А я не хочу нагружать его лишней информацией. Знаю, что он бы тут же бросил все дела и снова примчался сюда, чтобы забрать меня. Нет, ну, я согласен, что это дело первостепенной важности, но ему пока знать об этом рано. Мне хотелось его удивить лично: когда он придет ко мне в палату, ожидая увидеть калеку, а обнаружит целехонького меня.

Но до этого момента, я, честно говоря, даже не знал, чем заняться. Как я уже и говорил, спать не хотелось от слова совсем. Просто валяться в койке — тем более. Особенно после того, что я прочитал в подписи к истории Августа Локка.

— Джонни, — я посмотрел на охранника, — Прогуляться не хочешь?

— Не-а, — он покачал головой, — Не самая лучшая затея.

— Почему?

— А вы сами не догадываетесь? — он хмыкнул, взглядом намекая на то, что со мной что-то не так.

Я посмотрел вниз и до меня дошло. На мне была надета больничная рубаха, которая прикрывает все спереди, а сзади завязывается несколькими узелками. Длинный вырез по всей спине позволяет при любом неловком движении случайно засветить голым задом, чего наследникам всяких кланов лишний раз делать не рекомендуется.

Я завязал все узлы, тем самым обезопасив свой тыл, и посмотрел на охранника.

— А одежду мне, конечно же, никто не удосужился привезти. Ну конечно, — я вздохнул, — Напиши, пожалуйста, Фридриху, чтобы утром прихватил что-нибудь из одежды. Скажи, я попросил, — затем я перевел взгляд на разбитую плазму и застрявший в стене телефон, — И еще новую мобилу.

Джонни растерянно кивнул. Он до сих пор не мог осознать, что произошло и как я смог в один момент из категории тяжело раненных перейти в условно здоровые.

Найдя под тумбочкой комплект больничных тапочек и натянув их на ноги, я все-таки сумел доказать Джонни-младшему, что в том, чтобы прогуляться ночью по больнице — нет ничего дурного. Тем более меня охраняют, а лежать на месте мне порядком осточертело и если я не прогуляюсь, то просто не смогу уснуть.

Когда Джонни младший открыл дверь, его бдящий в коридоре отец чуть было не наорал на сына, что тот так внезапно покинул пост. Но осекся на полуслове, увидев за его спиной мою фигуру. Джонни-старший изменился в лице.

— Это что за херня? — он встал с лавки у стены коридора и направился к нам.

Я хмыкнул.

— Ну знаете, как говорят: «Встань и иди», — отец лысого охранника гневно насупился, — Вот я встал и пошел.

— Мне нужно доложить, — Старший Кравц не верил своим глазам, вряд ли на случай волшебного излечения клиента у него имелись предписанные инструкции, — А вам — вернуться в палату.

Я осмотрелся. В коридоре помимо охранника не было ни души.

— Да ладно вам, Фридрих будет здесь уже через пару часов. Что станет от того, он узнает чуть позже? Мы его приятно удивим, а затем все вместе покинем больничку. Как видите, у

меня нет больше причин тут оставаться.

— Вы понимаете, что ответственность за всё, что произойдет с вами, ложится на мои плечи?

— Понимаю, конечно. Но ничего не произойдет, как видишь, — я развел руками глядя на свои ноги, — со мной всё в полном порядке. Да и вышел я вместе с охранником. Вы же не сомневаетесь в его способностях?

Джонни-младший заинтересованно склонил голову в сторону.

— Ладно, — выдохнул Джонни-старший, — Но куда вы собрались в таком виде?

— Хочу просто размять ноги, далеко не убегу, не переживайте. Пройдусь по коридору и вернусь. Фридрих об этом не узнает, даю слово.

По охраннику было заметно, что моя внезапная тяга к ночным прогулкам ему была не по душе, однако остановить меня силой он не мог, как и пойти следом. Кто-то ведь должен следить за палатой. Всё, что ему оставалось, это в очередной раз, судя по скучающему виду Джонни-младшего, выдать сыну наставления по типу «Ни на шаг не отходи от него» и вернуться к высматриванию потенциальных угроз со стороны медсестер, так и ждущих момента, чтоб подложить под кровать бомбу.

Я благодарно кивнул Джонни-старшему, тот пробормотал себе что-то под нос и подошел к двери в мою палату.

Громко шлепая тапками по полу, я брел по пустому ночному коридору больницы. Он был довольно длинным, около каждой двери в палату стояла небольшая скамья, обитая светло-коричневой кожей, то тут, то там располагались автоматы по продаже еды и кофе, а также кулеры с бесплатной водой. Выглядело это место довольно прилично.

С какой целью и куда мы идем было не важно, я просто хотел прогуляться. По возможности даже выйти на свежий воздух. Но для этого пришлось бы спускаться вниз и идти черт знает куда. Да и я не знал, закрывается ли это крыло, или даже сама больница на ночь. Наверняка мне сделали бы исключение, пожелай я выйти, к ужасу семейства Кравцев. Но для этого мне бы сначала найти одежду.

Пройдя мимо ряда из портретов на желтой стене, мне в голову пришел один вопрос.

— Кто владелец этого места?

— Не понял вопроса, — Джонни приподнял бровь.

— Это ведь частная клиника? — я уточнил, оглянувшись вокруг, — Кому она принадлежит?

— Насколько я знаю, — ответил мне младший, — Она

принадлежит роду вашей невесты, клану Белецких. Шеф говорил отцу, что они вызвались вас принять в столице, когда узнали о произошедшем. Мол у них чуть ли не единственная клиника в столице, которая смогла бы провести пересадку глаза сразу на месте.

А вот этого я не ожидал. То есть, вместо того, чтобы быстренько сделать вид, что у нас и не было никакой помолвки… Вульфрик решил мне помочь?

— То-есть, то, что произошло с главврачом, это удар и по ним?

— Технически, да.

— А ты не находишь всю эту ситуацию немного странной?

— Извините, но я понятия не имею, что конкретно вчера произошло, — ответил Джонни-младший, понимая, что сейчас лучше не наговорить лишнего.

Я промолчал. Ну конечно, с чего бы ему это знать.

Интересный расклад получается. Они вызываются принять меня у себя, но врача подкупают, а моя охрана оказывается крысами. Сама невеста в этот момент — с неким Августом Локком. На профиле в избранном у неё фотографии с ним, но после того, как становится известно, что я вышел из комы, они резко оттуда пропадают. Локк тоже удивительным образом узнает, что я вышел из комы, в то время, когда даже мой клан об этом еще не проинформировали. С чего я это взял? Да с того, что если б он не знал, что я вышел из комы, то и не делал бы те провокационные истории. Конечно, в теории, они могли бы быть банальной игрой на публику, однако я почему-то в этом сомневался. Чертовщина.

Мы с Джонни продолжали идти по больничным коридорам. Час был довольно поздним, а потому вокруг нас стояла тишина, отчего шаги громко разносились по помещению. Я шел вперед, наслаждаясь тем, что мне больше не нужно лежать на одном месте неопределенное количество времени, и прикидывал возможных заказчиков моего убийства.

Если отталкиваться от всего, что я знаю, то есть несколько вариантов:

Первый: меня заказал клан Белецких, род невесты. О мотивах могу только догадываться. Но вариант допускаю, потому как им очень просто устроить покушение в больнице, которая тебе же и принадлежит. Причем у них это могло получиться, если бы не мое «воскрешение». И, скорее всего, об этом в итоге никто и не узнал — потому как продажный доктор сослался бы на то, что мое состояние было слишком тяжелым и не совместимым с жизнью. А они делали все, что могли.

Второй: Меня заказала корпорация Локк. Вот только не совсем понятно, для чего им это? Август имеет виды на Элизу, в этом я практически уверен… хочет устранить меня и породниться с аристократией, сделав Локк не простой доминирующей корпорацией, а новым кланом? Не знаю, достаточно ли у него ресурсов, чтобы выкупить честь Вульфрика.

Или же… меня заказала третья сторона, о которой я вообще не имею понятия. А корпорация Локк и клан Белецких вообще не имеют к этому отношения, но втянуты в другую непонятную мне игру.

Так или иначе, из источников информации у меня один только доктор Ибрагим, который всё что угодно наплетет, лишь бы спасти свою задницу, да пешка-медсестра, которую уж точно никто в детали убийства не посвящал. Надеюсь, Фридрих сможет нарыть побольше.

В конце коридора показалась белая дверь, что, надо полагать, вела к центральному холлу.

Если вернуться к вопросу скверны, то есть еще несколько интересных моментов. Я знаю, как работает регенерация и пренебрежение болью — они теперь оказывают противоположный эффект. Но что насчет Сдвига и Рывка? Я буду быстрее уставать и слабее бить? Звучит не больно полезно.

— Джонни, — он резко поднял взгляд на меня, — Ты не знаешь, где тут крыша?

— Знаю, конечно, — он довольно ухмыльнулся, — Я же не расхлебай какой, чтобы план здания, где находится мой подзащитный не выучить. Но зачем оно вам?

— Хочу, чтоб ты помог мне кое-что проверить, — услышав это, Джонни нервно сглотнул ком в горле.

Мы прошли через белую дверь в большой, но практически такой же безлюдный как и стационарное отделение, холл. О наличии хоть какой-нибудь жизни намекали лишь голоса дежурных медсестер, что обсуждали что-то в одном из многочисленных кабинетов. В итоге, дойдя до большого служебного лифта в конце, Джонни нехотя нажал на кнопку и та загорелась красным. Спустя минуту мы оказались на последнем шестом этаже. Судя по нагромождению различных коробок и скромному, в отличие от остальной клиники, убранству, он был чисто служебным. Еще немного погодя, мы нашли на нем заветную дверь с лестницей ведущей на крышу, в конце которой нас ждал навесной замок.

— Закрыто, — охранник повеселел, надеясь, что это остановит меня.

— Можешь выбить?

— Эм… — Джонни замялся, — Уверены?

— У меня есть веская причина забить на беспокойство о сохранности местного имущества, — равнодушно ответил ему.

Тот пожал плечами, оглянулся и достав из-за пазухи пистолет, сбил его рукоятью ржавый навесной замок. Цепь, которой были обвязаны дверные ручки, с громким звоном упала на пол.

После нехитрого взлома, охранник первым прошел на крышу, посмотрел по сторонам, а затем уже махнул мне рукой, мол, чисто.

Я переступил порог и вышел на улицу, в лицо ударил свежий воздух. Тонкая накидка совсем не защищала от осеннего ветра, особенно поддувало снизу. Крыша же представляла собой открытую площадку метров тридцать на двадцать, с перилами по краю и нагромождением воздуховодов по бокам.

Вдохнув полной грудью, я огляделся по сторонам. Во многих офисных окнах до сих пор горел свет, желтые освещенные улицы перетекали в мосты через широкую реку. Пейзаж был завораживающим. Впервые в столице и скажу вам, она… другая. По сравнению с моим городом, всё здесь казалось куда более масштабным и внушающим трепет, даром, что место, откуда я родом, часто называли «второй столицей»… первая разительно от него отличалась.

Впрочем, что-то мне подсказывало, что на местные виды я еще успею насмотреться.

Потому выйдя в центр крыши, я приступил к тестам.

Сколько бы я не пытался, у меня не выходило войти в то состояние, что позволило активировать черное проклятие. Рваные узоры с прошлого применения все еще покрывали предплечья и даже доходили до плеч, но с каждой секундой словно все больше уходили вниз и немного тускнели. Несмотря на все старания, у меня не получалось почувствовать того прилива мощи, который был в момент активации навыка. Но я все еще чувствовал его остатки. Значит, эффект этого неизвестного проклятия спадает со временем. Хорошо.

Осталось дело за аурами.

Для начала «Рвение». Раннее навык увеличивал импульс удара, слегка ускоряя пользователя, эффект сходил на нет после первого серьезного попадания.

Посмотрим. Руки загорелись желтым, я тут же ощутил сопротивление при каждой попытке движения, подобное чувствуешь, когда погружаешься в воду. Если двигаться плавно — то никаких проблем, но сделать резкое движение не выходит. Бежать скорее всего тоже будет сложно и слишком утомительно.

— Джонни.

— Д-да? — он с опаской глянул на меня, гадая что еще мне взбрело в голову.

— Брось в меня камень.

— Ч-что? Ну нет, я и так нарушил приказ Фридриха когда…

— Бросай камень говорю.

Он громко выдохнул.

— Я этого не делал.

Джонни присел на колено и покопавшись в гравии, которым частично была покрыта крыша, нашел более-менее большой камень. Может он вслух этого и не произносил, однако по глазам парня было отчетливо видно, что внутри он кроет меня бранью за всю эту вылазку. Это ему, однако, не помешало замахнуться и бросить камень мне прямо в грудь.

Сначала мне показалось, что он промазал. Однако спустя мгновение камень скатился с моей груди и одиноко стукнулся о пол. Значит теперь вместо того, чтобы придавать импульс… Рвение гасит инерцию? Теперь я смогу куда легче переносить удары? Правда вот двигаться в таком состоянии сложно, да и вряд ли инерция остановит какой-нибудь колющий удар ножом. Спорно, но уж точно лучше, чем ничего.

Хорошо.

Немного подумав, я все таки решил попробовать активировать Сдвиг. Надеюсь, в худшем случае я просто почувствую слабость.

Алый узор лег поверх черного, эффект оказался довольно странным. Я враз успокоился. От раздражения и злобы, которая хоть и подутихла, но всё это время сидела во мне, не осталось ни следа. Сложно это объяснить, но мысли тоже стали как будто в разы чище. С моим мозгом произошло примерно тоже самое, что происходит с телом, когда с жаркой улицы летом заходишь в помещение, где на всю работает кондиционер. Вот эта первая секунда блаженства пронеслась в моей голове, когда из неё выбросились все лишние и путающие меня мысли, вызванные эмоциями. Значит… сдвиг теперь вместо того, что разгонять меня, успокаивает? Судя по ощущениям, еще и пульс замедляет. Честно говоря, не сказать, что я был впечатлен.

Впрочем, еще одним важным моментом, который я подметил во время всех этих тестов, было то, что активируя ауру, я не чувствовал, что упираюсь в предел. Не было того ощущения, дающего ясно понять — это все, больше ты не можешь из себя ничего выжать, у тебя не хватит маны. Нет, на этот раз чувство было такое, будто внутри меня бездна энергии, которая только и ждет того момента, когда ею воспользуются. Логично, во мне по

идее сидит энергия всего мертвого города.

Каков теперь мой новый предел? Две активных ауры? Три? Или больше?

Я снова активировал Сдвиг. Чувства как будто ушли, а сердце замедлило свой бег. Это первая аура. Затем Рывок. Я будто оказался на глубине океана. Это вторая аура. Странное чувство, когда активны оба этих эффекта, будто время замедлилось.

Накладывать Регенерацию и Пренебрежение я не хочу, но предыдущего теста уже достаточно, чтоб окончательно убедиться — мой запас маны все таки изменился. И я совсем не чувствую, что две ауры — это все, на что я способен.

Я так и стоял, обдуваемый ветром. Затем встряхнул головой, и повернулся к Джонни. Тот все это время с любопытством наблюдал за мной.

— Тебя можно попросить о небольшом спарринге? — под активированным сдвигом и рывком слова давались как-то слишком тяжело.

— Босс, нет, это уже чересчур. Я не хочу покалечить человека, которого должен защищать, это против всех правил и вообще…

— Джонни, просто бей в пол силы одиночными. И не заставляй меня это произносить.

— Н-но…

— Это приказ.

Парня уже начинало трясти, но похоже, это даже сыграло мне на руку. Не могу сказать, что я ему был как-то несимпатичен, однако я представляю нервозность, с которой он боролся выполняя мои последние поручения. А потому долго спорить он со мной не стал, а просто снял пиджак и бросил его на землю, видимо охранник всё же был не прочь выпустить пар.

Он встал напротив меня и принял стойку. Я же свесил руки по бокам и слегка наклонился вперед. Нет, это не ради пафосного вида, просто ветер то и дело пытался задрать больничный халат. Слава богу, что зрительского зала позади меня не наблюдалось, а потому я склонил голову вбок и посмотрел на Джонни.

— Нападай.

Он перепрыгнул с ноги на ногу и в моё лицо полетел джеб. И вот черт пойми, то ли из-за того, что сдвиг меня делал абсолютно спокойным, то ли потому что искаженная версия навыка добавляла мне ко всему прочему еще и внимательности, я заметил как именно меня хочет ударить лысый охранник еще до того, как кулак начал движение по направлению к моей физиономии. С Рвением это было сделать непросто, но я умудрился уклониться от удара в сторону. Джонни был удивлен не меньше моего. Окей, теперь посмотрим что будет, если мне всё

же прилетит.

Мой оппонент отошел на шаг назад и снова встал в стойку. Еще до того, как он меня ударил я прищурил правый глаз. Мне словно дала легкую пощечину обиженная девушка, а не выписал джеб в лицо огромный лысый детина. Даже синяка не останется.

Я улыбнулся и показал парню «стоп». После чего еще какое-то время уже я бросал удары в воздух, чтобы примерно понять насколько быстро я всё же могу двигаться под действием искаженного Рвения. Не абы что, но жить можно. Нужны нормальные тренировки, чтобы я мог хоть что-то показать в реальном бою. И, конечно, я понимаю, что Джонни не выдал даже десяти процентов от того, что может чисто за счет физических показателей тела.

Я протестировал всё, что хотел, деактивировал ауры и уже собирался крикнуть отошедшему посмотреть на город с крыши Кравцу-младшему, что пора спускаться, однако он меня опередил.

— Босс! — охранник махнул рукой, чтобы я подошел к нему.

Я подошел к краю крыши и взглянул вниз.

— Видите те черные пикапы, что подъехали к зданию?

Я кивнул:

— Это что… спецназ?

Присмотревшись, я заметил группу людей в бронежилетах и шлемах, оцепивших вход в клинику. Около пикапов стояли две знакомые фигуры. Рыжие волосы агента Баркер теперь были завязаны в хвост, на её груди тоже красовался бронежилет, девушка активно высматривала что-то в окнах. Агент Рубан же в свою очередь жестами раздавал какие-то команды.

— А вот теперь, — я тяжело выдохнул, — Звони Фридриху.

Глава 20

Пока Джонни-младший злобно хмурясь набирал Фридриха, я никак не мог отвести взгляда от суматохи внизу. Агент Рубан говорил с кем-то по рации, расхаживая туда-обратно и периодически поглядывая на клинику. Многочисленные бойцы спецназа, или кем там были эти люди, пачками расходились во всех направлениях. Какие-то отряды зашли внутрь через главный вход, другие же обогнули здание и, судя по всему, направились к служебному входу в клинику.

Я решил подсчитать оставшихся бойцов — человек двенадцать, слушающих последние наставления от Рубана. Примерно в этот момент мой взгляд зацепился за открывшееся окно одной из черной машин, что стояли перед входом в больницу. Из него вылетел горящий недокуренный сигаретный бычок. Молодая девушка в черной одежде вышла из пикапа. Она выглядела довольно хрупко и миниатюрно, чем существенно выделялась на фоне матерого Рубана и деловитой Баркер. Темные волосы едва доходили до плеч, а лоб покрывала небрежная челка. Она не выглядела как работник спецслужб, но среди толпы вооруженных бугаев держалась вполне уверенно.

Не прошло и пяти секунд как она посмотрела прямо на крышу.

Девушка резко подняла руку и указала на меня. Показалось, что она вглядывается мне прямо в лицо. Я увидел оживившегося Рубана, что услышав слова и проследив за направлением ее руки, принялся активно раздавать указания оставшимся силовикам. Оставшейся спецназ равномерно распределился и принялся за работу.

— Бл*ть, — я выругался, не понимая, какого черта она меня так быстро заметила. Девушка по прежнему стояла около машины задрав голову вверх, — Они заметили меня.

Джонни-младший кивнул. В этот момент он уже держал телефон у уха, Фридрих поднял трубку.

— Алло, шеф! ЧП! В больницу заходят силовики, их много. А еще Ротт себе каким-то образом отрастил ноги обратно, я не понял, как, но, похоже он полностью здоров. Мы на крыше. Ждем указаний.

В ответ Фридрих начал громко орать в трубку, отчего охраннику пришлось даже немного отодвинуть мобильник от уха. До меня доносились преимущественно обрывки трехэтажных ругательств, разобрать остальную речь никак не получалось, но в итоге глава безопасности понизил свой голос и, судя по всему,

начал быстро наставлять Джонни касательно дальнейших действий. Всё, что мне оставалось — это наблюдать за лысой кивающей головой.

— Принято, — он сбросил звонок и ловким движением вернул телефон себе в пиджак, после чего повернулся ко мне.

— Фридрих выезжает, будет через 20 минут.

— Он дал указания? — честно говоря, я не совсем понимал, как будет правильнее поступить, со мной такое впервые.

— Да, — охранник враз стал серьезнее, — Ни в коем случае не вступать в бой. Выиграть время до его приезда. Сказал, что, скорее всего, вас попытаются забрать, чтобы следствию было удобнее вертеть показаниями и игра велась уже на их условиях.

— Это же незаконно, — хмуро пробубнил я.

— Еще как. Но думаете и мы действовали по закону, когда загребли тех врачей? — Джонни младший выглядел мрачно.

Я не знал, что на это ответить.

— И что делать?

— Пойдем.

Мы быстро зашагали обратно к двери на крышу, я держался чуть позади.

— И что? Просто спустимся вниз? Они ведь меня заметили.

— Они заметили не вас, а кого-то на крыше, — прошипел Джонни-младший, — УБИ вообще еще не должны догадываться о том, что вы снова ходите. Один отряд первым делом нагрянет в вашу палату, остальные будут прочесывать этаж за этажом.

Мы в мгновение ока спустились по лестнице на технический этаж и быстро зашагали к лифту, где охранник меня остановил и начал долбить по круглой кнопке с изображением стрелочки.

— Лифтом?

— Нет.

Он дождался пока дверь откроется и бросился к одному из больших коробков, что были разбросаны по всему этажу. Подтащив его к проему, Джонни наполовину просунул прямоугольный ящик вглубь лифта, чтобы не дать последнему закрыться.

Сделав дело, он похлопал меня по плечу, намекая, чтобы я не отставал и быстро направился куда-то вглубь этажа.

— Куда мы?

— Тут есть переход в другое крыло, — сухо ответил Джонни-младший.

Он оглянулся по сторонам и снова достав телефон, в два щелчка сделал вызов.

— Алло, бать, к нам гости. Фридрих в курсе. В бой не вступай. Я увожу объект, будем играть в прятки. Заблокируй

вторую шахту лифта на своем этаже, правый я уже застопорил, но второй не могу.

В трубке раздался быстрый бубнеж.

— Бать, я не собираюсь ничего взрывать. Успокойся. Я увожу объект в другое крыло. Действуем по классике. На тебе диверсии, на мне безопасность объекта.

Надо полагать, что работа, в которой попав в такую заварушку ты можешь произнести «действуем по классике» должна быть по меньшей мере весьма… интересной.

— Принято, — Джонни положил трубку.

— Что он сказал?

— Сказал, чтоб я не делал ничего, что может попасть в первую полосу утренних новостей. Он сейчас пожарную сигнализацию попробует раззадорить и навести шороху.

До меня начинало доходить, в какой бардак я только что влип. Впрочем, мое желание подышать свежим воздухом не только позволило узнать о «гостях» заранее, но и выиграло нам хотя бы немного времени.

Мы быстрым шагом двигались по техническому этажу, что оказался довольно большим. Скорее всего, на нем проводили капитальный ремонт. Об этом свидетельствовали недокрашенные стены со стоящими рядом стремянками, разбросанный где не попадя строительный инвентарь и характерный запах известняка, витавший в воздухе. Все это тускло освещалось белыми люминесцентными лампами, что издавали противное потрескивание.

Пройдясь по этажу с добрую минуту, мы наконец-то добрались до массивной двери, за которой показался длинный навесной переход во второе крыло. Джонни жестом показал мне пригнуться и мы в полуприседе побежали под окнами в следующую часть здания, где, как я считал, нас ждет очередной технический этаж.

Однако, когда он аккуратно приоткрыл дверь и мы тихо вошли внутрь, я понял, что ошибался. Изменения сразу бросились в глаза. Место было несколько странным, скорее напоминало не этаж больницы, а большой офис, который был практически пуст. Так выглядят помещения до того, как в них въедет арендатор, уйма свободного пространства, где в другой ситуации стояла бы всякая мебель, и офисный ковролин покрывающий пол. Казалось, что здесь даже ничем не пахнет, место казалось стерильным.

Мы шли по голым коридорам, иногда по пути попадались приоткрытые двери и я заглядывал в такие же пустые, как и основное помещение, кабинеты и не замечал ничего примечательного, пока мы не уткнулись в подозрительного вида

лифт. Он выглядел совершенно другим, по сравнению с тем, что мы сломали в соседнем крыле. Вместилось бы в него от силы человека три, а вместо кнопок вызова был установлен замок с устройством для считывания ключ-карт.

Джонни-младший нахмурился, глядя по сторонам немного сбитым с толку взглядом.

— Хм, в плане больницы эта часть здания выглядит по-другому…

Я промолчал, пытаясь угадать предназначение этого места. Даже если предположить, что здесь только что закончился ремонт, а потому помещение еще не успели заставить мебелью, все равно полноценный офис на шестом этаже клиники выглядел выбивающимся из общей картины. Не могли же под какой-нибудь бухгалтерский отдел выделить так много пространства?

Джонни же по всей видимости этот вопрос не заботил, мы прошли мимо странного лифта и направились далее, к противоположному концу этажа через пустые коридоры. Насколько я мог судить, охранник пытался вывести меня вниз, чтобы мы вышли в другом крыле, где агенты ждут этого меньше всего.

Вдали показались очередные лифты, уже привычного вида — большие и затасканные. В нескольких метрах от них красовалась белая дверь, у стены рядом с которой висела зеленая табличка с изображением ступенек.

Джонни хотел убедиться, что всё чисто, а потому сказал мне ждать у лифтов и направился к лестнице. Я нервно оглядывался по сторонам, как вдруг над моей головой что-то прозвенело.

Я ошарашенно развернулся и посмотрел вверх, желтая стрелочка над лифтом дала понять, что сюда кто-то поднимается. Я растерянно наблюдал за тем, как она то зажигается, то угасает, пока телохранитель не вырвал меня из ступора.

— Сюда! — после этой фразы он распахнул дверь и я помчался к лестнице.

Залетев внутрь, мне хотелось продолжить мчаться вниз, подальше от опасности, однако Джонни меня остановил. Поднес палец к губам и жестом показал ждать.

С характерным звуком лифт распахнулся. Вместо отряда спецназа лязгающего оружием, я услышал лишь два знакомых голоса.

— Уверен, что это где-то здесь? — от томного голоса Агента Баркер, который я запомнил с допроса, не осталось и следа.

— Уверен. Но что делать с пацаном? — Рубан звучал так же устало, как и ранее.

— Тина разберется.

Мы с Джонни переглянулись и поспешили вниз по лестнице. Увы, она позволяла спуститься всего на один пролет вниз, далее прохода не было, что вызвало у меня еще больше вопросов по поводу планировки шестого этажа.

Коридор пятого же был залит белым светом. Многочисленные надписи «Операционная» на дверях намекали на то, что скорее всего в этом месте я уже был, правда без сознания.

— Черт, да всё это крыло совсем не такое как на планировке, что за бред, — Джонни остановился и осторожно выглянул в окно, — На улице чисто. Если успеем спустится еще на два этажа ниже, то можем попытаться выбраться через окно.

Не ожидая моего ответа телохранитель повел нас по коридору, где он, как полагал, должна была находится лестничная площадка. Мы несколько раз свернули, затем немного прошли вперед, обогнули угол и оказались ровно на том же месте, где были две минуты назад. А часики тикают.

— Кто б**ть рисует эти планы, — ругался себе под нос Джонни, в спешке глядя по сторонам, — Нам, наверное, туда.

Мы ускорились, превратив быстрый шаг в бег, как внезапно пришлось резко затормозить. Из-за угла показался силуэт. Метр шестьдесят с небольшим. На глаз, килограмма сорок три веса.

На меня заинтересованным взглядом смотрела миниатюрная девушка с черными волосами, которую я видел с крыши. Она хлопала своими лазурными глазами и просто стояла в центре прохода в одиночестве, ничего не предпринимая. Словно знала заранее, что встретит нас здесь. Полагаю, это и есть Тина.

Джонни напрягся и невольно схватился за кобуру пистолета. Девушка заметила это, склонила голову, но затем снова посмотрела на меня, словно угроза получить пулю в голову её занимала не настолько сильно, как то, что она разглядела во мне.

— А в тебе много энергии. — у неё был довольно высокий голос, детский даже, хотя звучал он как-то грустно, за неимением другого слова.

Я приподнял бровь.

— Никогда такого не видела. — это прозвучало скорее как мысли вслух, чем обращение ко мне.

Джонни повернулся ко мне и кивнул головой, спрашивая стоит ли ему силой обеспечить нам проход. Я не знал, что ответить на это, однако мне и не пришлось.

В то же мгновение за спиной раздался стук тяжелых ботинков по полу. Пока мы отвлеклись на девушку, спецназ обошел нас сзади.

Девушка подняла ладонь вверх.

Я нутром ощутил на себе прицелы и медленно развернулся.

Мы были на мушке у троих вооруженных автоматами людей, что ждали приказа от своей миниатюрной начальницы.

Джонни убрал руки от кобуры и поднял их вверх.

— Руки. — прошептал он.

Я последовал примеру своего охранника и поднял обе руки над головой, не понимая почему нас до сих пор не уложили лицами в пол.

Девушка все продолжала изучающе смотреть на меня. Не знаю, сколько бы это продолжалось, если бы не внезапно раздавшийся звон пожарной сигнализации по всему зданию. Видимо Джонни-старший все таки выщепил момент для своей диверсии.

Одновременно произошло два события: я сделал резкий рывок вперед, а девушка выкрикнула короткое — Не стрелять!

Поздно. За спиной раздались выстрелы. Не знаю, как там Джонни, а мое левое плечо обожгло болью. Впрочем, бегать с травмами различной степени тяжести в последнее время становится моим хобби.

Лишенный всех чувств, я слышал, как гулко забилось мое сердце. Удар за ударом, оно наращивало темп. Воздуха, если можно так сказать, стало не хватать.

Я несусь прямо навстречу девушке. Она растерянно отступает назад, словно её внезапно что-то ярко ослепило, оказываюсь уже прямо перед ней и готовлюсь сделать рывок влево, но…

Сам не знаю, как это произошло. Внезапно мне просто прилетела хлесткая пощечина, что напрочь сбивает мой шаг. Меня уводит в сторону. Спотыкаюсь. Падаю.

А затем беру низкий старт, и увы, под этим я имею в виду не то, как бегут легкоатлеты. Под низким стартом я имею в виду, что следующие пару метров я пролетаю на четвереньках, пытаясь встать на ходу. Знаете, как бывает, когда сидишь себе, а потом как резко рванешь, отталкиваясь от земли ногами, коленями и руками. Перебираешь конечностями так резво, что сам не понимаешь, как это у тебя получается.

В таком темпе я бежал еще метра три, когда мне чудом удалось выровняться и подбежать к очередной двери, которая вела к лестнице. Увы, распахнув её, я взглядом встретился со спецназовцем, что как раз готовился ворваться внутрь. Он был удивлен не меньше моего и этой секунды хватило, чтобы я успел быстро пнуть его ногой, отправляя в спуск по ступенькам и побежать дальше.

Не знаю, какой черт меня дернул сделать это. Пятый этаж, крепкое стекло… однако заприметив широкое окно в конце коридора, я решился. В метре от него я вывернулся так, чтобы

пробить стекло плечом, а не лицом. На мгновение заметил удивленно глядящую на меня Тину, что как оказалось была в одном шаге от того, чтобы схватить меня.

«Накидка кстати развязалась,» — пронеслась в голове не совсем уместная мысль. — «Неудобно как-то перед девушкой».

И… Это случилось. Разбилось стекло, звонко и оглушающе. И вскоре я понимаю, что лечу вниз.

Пятый этаж, подо мной как-будто пропасть. Приземление будет ой-каким твердым. Руки горят желтым — я активировал Рвение. Если я правильно все понимаю, то навык должен уменьшить силу удара при падении.

Миг полета, я едва успеваю сгруппироваться. Приземляюсь на ноги. Чувствую острую боль. Невыносимую боль! Ноги не удерживают меня, я падаю на руки. Стреляющая боль в плече — куда меня подстрелили. Кричу. Ползу. В ушах гул. Ползу. Едва держусь в сознании, чертов болевой шок. Но ползу. Все еще ползу.

А затем… с двух сторон меня подхватывают под руки. Тащат куда-то в сторону. Черт, упираясь лицом в землю, я не вижу даже кто это. Пытаюсь вырваться, кто бы это ни был. Больно. Тщетно. Меня крепко держат.

Я нашел силы поднять голову вверх только для того, чтобы увидеть людей в форме, столпившихся вокруг меня и Тину, выглядывающую из разбитого окна со своими лазурными глазами. Мне почему-то захотелось как-то иронично пошутить про себя, но вдруг где-то за спинами спецназа раздался рев автомобиля. И не одного.

Еще пара секунд и на дороге показались два черных гелендвагена, за которыми последовала колонна из седанов того же цвета с ревущими моторами. Громко заскрипев тормозами, они остановились прямо возле нас.

Люди с автоматами, что удерживали меня на земле, встрепенулись и направили стволы на кортеж, не понимая что происходит.

— А вот и кавалерия.

Глава 21

Ночной воздух освежал: пахло резиной, пылью и порохом. Я едва нашел в себе силы осмотреться по сторонам, пока меня бесцеремонно тащили под руки два силовика.

Насколько мне было видно, все здание клиники были оцеплено. По всей округе перемещались вооруженные люди, меняя позиции и нервно переговариваясь по рации. Их количество давало понять — внутрь клиники сейчас кто попало не пройдет. Вот только ряд машин, который так дерзко ворвался в охраняемую спецназом территорию уж никак не может быть «кем попало».

Затем, все как будто по щелчку замерли. Они встали стеной — между мной, клиникой и группой автомобилей. Нацелили автоматы на черные авто. Те прожигали нас светом включенных дальних фар.

Повисла тишина. Все ждали, кто выйдет из машин. И я в том числе. Я надеялся, что это приехал Фридрих, вот только ему не откуда взять такое количество людей в столице. Одна, две, ну может быть три машины он смог бы поднять по сигналу. Но сейчас я вижу самую настоящую клановую гвардию из дюжины машин.

Почти синхронно фары потухли, двери распахнулись. Из машин выходили люди. Все как один одеты в черные костюмы, ни на одном из лиц не был виден даже проблеск страха при виде нацеленного прямо на них оружия. Казалось, они знали, что никто не посмеет стрелять. Или просто не боялись пуль. Узнаю этот стиль. Только у нашей породы презентация себя возведена до абсолюта. Правда, клан все таки не мой.

С некоторым опозданием двери открылись и в одном из гелендвагенов. Оттуда показался высокий мужчина с короткими светлыми волосами и прошелся по округе тяжелым взглядом. Рассерженно нахмурившись, он встряхнул рукой и сделал первый шаг вперед — навстречу людям с автоматами. А затем второй и третий. Каждый его последующий шаг отдавался колебаниями воздуха, шел спокойно, мощно. Он надвигался на силовиков словно гора — уверенный в том, что никто не посмеет начать огонь. За ним реальная сила, что сметет строй полицейских даже не моргнув. И чем ближе он подходил, тем яростнее становился вихрь силы, что кружился вокруг него.

Через какие-то несколько секунд у бойцов, которые меня волокли, задрожали руки. Они уже не выглядели, как профессиональные солдаты, они словно внезапно состарились, и

с каждым шагом их груз становился все более непосильной ношей. Если вначале они несли меня так, что я слегка перебирал ногами, то теперь мои колени волочились по земле. Я попробовал дернуться и даже не получил ответку, воякам сейчас было явно не до меня. Их взгляды были сконцентрированы на фигуре вышедшей из машины.

Страх это был, или просто напряжение, но кончики дул едва заметно тряслись и с каждой секундой все больше опускались к земле.

Сделав рывок и освободившись от сдерживающих меня рук, я упал вниз на землю, едва успев выставить перед собой локоть. Приподнявшись, стал наблюдать за тем, что произойдет дальше.

Мужчина все так же уверенно шел к оцеплению, его люди медленно продвигались вслед за ним, напоминая голодную стаю. Это был клан Белецких и их Глава во всей красе. Тот самый Вульфрик, отец моей невесты.

Он остановился в считанных метрах от оцепления. Каждая последующая секунда тянулась как минута, обе стороны ждали, когда же оппонент сделает первый шаг. Вульфрик все сильнее давил на людей в броне. Атмосфера становилась все тяжелее и тяжелее, все практически перестали дышать.

Не знаю, сколько еще продержалось бы это хрупкое равновесие, если бы не приказ, что раздался откуда-то позади:

— Опустить оружие!

Услышав своего командира, бойцы опустили оружие вниз, жадно втянув полные воздуха легкие. Они выглядели так, словно с их плеч свалилась гора.

Я же услышал тяжелые шаги позади себя. Оглянулся. Человек, отдавший приказ, осторожно направлялся к Вульфрику.

Старший по званию был одет примерно так же, как и прочие бойцы, разве что вместо балаклавы он нацепил на себя черный берет. Судя по выражению его довольно взрослого лица, он прекрасно понимал, кто перед ним стоит и какие последствия может возыметь этот разговор.

Вульфрик приподнял подбородок и медленно прошелся взглядом по больничным окнам, в которых до сих пор мельтешили спецназовские фонарики. Не глядя на выступившего к нему командира произнес:

— Я жду объяснений.

— Командир отряда быстрого реагирования, старший сержант Конорейко, — скороговоркой выпалил вышедший боец, — У подразделения распоряжение взять под охрану важного свидетеля и передать агентам Управления Безопасности Империи.

Вульфрик как будто не обратил на него никакого внимания и

продолжил разглядывать больницу. Затем едва заметно улыбнулся уголками губ.

Прошло секунд десять. Старший сержант заметно смутился полному отсутствию внимания в его сторону и перемнувшись с ноги на ногу, ведомый какими-то своими бюрократическими понятиями, достал из нагрудного кармана сложенную бумажку. Полагаю, это был приказ о моем захвате от УБИ. Ой, простите, о моём «взятии под охрану».

Сержант попытался протянуть бумажку в руки главе клана Белецких, но тот лишь презрительно отвернулся. В тот же момент к Вульфрику подорвался один из его людей, грозного вида амбал со шрамом на глазу, и грубо выдернув бумагу из рук командира, расправил её и почтительно передал главе клана.

Тот аккуратно взял ее и кинул всего один быстрый взгляд. После чего глава рода Белецких разжал пальцы. Листок медленно спланировав по воздуху, упал прямо около черных берцев сержанта Конорейко. Вульфрик раздраженно хмыкнул и достал из кармана своего пиджака серый смартфон. Набрал кого-то.

Пятнадцать секунд спустя человек на другом конце провода принял звонок.

— Здравствуй, Себастьян, — дружелюбным тоном начал Вульфрик, — Жаль тревожить, но только ты… можешь пролить свет на некоторые события. — дружелюбие постепенно начало сменяться на жесткость, — Не можешь подсказать, почему я приезжаю в СВОЮ больницу, а здесь ТВОИ ребята хозяйничают у МЕНЯ, тревожа больных, мешая медперсоналу, а самое главное… не пуская МЕНЯ на МОЮ территорию. Еще и осмеливаются тыкать мне в лицо какой-то бумажкой со словами «нам нужно защитить важного свидетеля»? Как это понимать? Ты считаешь что у МЕНЯ плохая охрана? Что я не могу позаботиться о своих людях? Это все выглядит так, будто ты хочешь, чтобы у нас испортились отношения.

Вульфрик договорил и стал молча выслушивать длинный ответ, за все время не дрогнув и бровью.

— Хорошо, увидимся на выставке, да, конечно буду, — у него мгновенно поменялся голос, так будто вся ситуация вокруг его уже больше не интересовала.

Лишь спустя минуту разговора ни о чем, он посмотрел в сторону военных. Его взгляд остановился на сержанте.

— Да, оставайся тогда на линии.

Отдав телефон своему охраннику, глава клана безразлично уставился куда-то на верхние этажи больницы. А парень с охраны, в свою очередь, передал телефон сержанту Конорейко.

— Да, слушаю, — тот приставил телефон к уху и умолк на

несколько секунд, после чего выпрямился так, будто проглотил лом.

Словно стоя на плацу, он буквально рапортовал в трубку:

— Старший сержант Конорейко! Да, с вашего управления! Да! Нет… Да!.

Из трубки донесся такой громкий ор, что я услышал его даже лежа в нескольких метрах от мужчины.

— Так точно, — он по привычке кивнул головой и чуть было не отдал честь. Старший сержант сдулся словно шар, проколотый иглой.

Наконец-то полностью осознав своё положение, старшему сержанту только и оставалось, что передать телефон обратно через охранника, извиниться и чуть ли не упасть в ноги к Вульфрику. Сделав пару полупоклонов, командир спецназа развернулся и бросился раздавать какие-то новые команды своим бойцам.

Я смотрел на Вульфрика, гадая, что же произойдет дальше. Он тем временем медленно мазал взглядом по округе, в какой-то момент посмотрел прямо на меня и… перевел взгляд дальше. О том, что он меня заметил свидетельствовала лишь слегка приподнятая бровь.

Я, вероятно, выгляжу сейчас как побитая псина. Измазанный собственной кровью из простреленного плеча, которое просто адски болело, в ободранной больничной накидке и с одним тапком на ноге. Что тут сказать, вряд ли такой вид можно назвать товарным. Мне приходилось прикладывать все остатки сил, чтоб сохранить остатки достоинства и не подавать виду, что мне вообще больно.

Впрочем, я уверен, что Вульфрик подметил все детали моего состояния, включая даже наличие второго глаза и отсутствие гипса на ногах. Правда, по крайней мере снаружи, всё кричало о том, что ему нет до этого никакого дела.

Хуже всего было то, что я до сих пор не знаю, что они здесь делают. Скорее всего, главу клана в первую очередь интересует его больница. Зуб даю, что он приехал сюда не ради меня. Не только ради меня, уж точно.

«Как удачно я выпрыгнул» — проскочила мысль в голове. Поймай они меня в здании, то эта девчонка бы по-тихому вывела меня через черный ход, и кто знает, что бы я делал тогда.

Я окинул взглядом разбитое окно сверху, от Тины, что смотрела на меня после падения, и след простыл. Благо, она меня не заботила. В голове стучался другой вопрос.

Где Фридрих?

Его до сих пор не было и меня это беспокоило. Ведь он —

единственный, кого из всех собравшихся в этом месте я мог бы действительно назвать своим союзником. Это он направил сюда Белецких? Почему тогда не приехал сам? Странно.

Я вздохнул и хотел было попытаться встать, когда дверь второго гелендвагена открылась и на асфальт встала худая женская ступня в туфле. Девушка вышла из джипа. Серые брюки, белая рубашка с галстуком и короткий деловой пиджак… я много раз видел этот наряд на фотографиях. Может мне и не удавалось как следует рассмотреть её лицо, но серебристые волосы тут же бросились в глаза. Элиза? Здесь?

Мне захотелось провалиться сквозь землю.

Идеально отработанной, твердой и в то же время плавной походкой, она направилась к своему отцу. Встав рядом с ним, девушка с некоторым любопытством осмотрела всю ту толпу, что собралась у здания больницы. Затем она наткнулась на меня.

Глаза Элизы на секунду замерли, а затем продолжили свой бег по здешним окрестностям. Если бы я не заметил как она легонько прикусила губу, то подумал бы, что моя невеста вообще не придала мне никакого значения. Сжав кулаки, она сделала шаг к отцу и прошептала ему что-то на ухо. Вульфрик изменился в лице и гневно глянул сначала на меня, потом на больницу. После чего подозвал одного из своих людей и указал на меня.

Интересно, кем они видят меня сейчас? Полуголый, свалившийся с пятого этажа, под дулами автоматов… а я думал, что моя репутация окончательно разрушена еще после мертвого города. Паскудно. Оказалось, что дно еще далеко и можно упасть еще глубже.

Странно только то, что Элиза постоянно смотрит на меня. Словно глаз не может оторвать. Возможно она шокирована тем, что перед ней сейчас лежит её будущий муж? Не верит своему счастью? Ну конечно.

Перед глазами все начало плыть, то ли от пережитого удара, то ли от злобы.

К этому моменту силовики уже рассредоточились и сняли оцепление, по крайней мере в этом конкретном месте. Рядом со мной осталось только те двое, что изначально и схватили меня.

Ко мне подошел человек Вульфрика, тот самый бугай со шрамом, передававший туда-сюда телефон, и протянул руку. Я посмотрел на него, глубоко вздохнул и встал сам, кривясь от стрельнувшей боли в стопе. Снова хромой. Класс.

Бугай мотнул головой спецназовцам мол «проваливайте отсюда», а я дрожащей рукой все же обхватил его шею и поплелся вместе с ним навстречу к Вульфрику и Элизе.

Главе было плевать на меня, он даже не смотрел в мою

сторону. А вот его дочь по прежнему не отрывает от меня глаз. Выражение лица все такое же холодное, как камень. Почему-то перед моими глазами все время вертелись ее фото с Августом. Его поздравления. Его циничная подпись под фото. Издевательский смайлик. Я только сейчас осознал, почему меня так выводила из себя вся та ситуация. Ведь это именно то, чего я всегда боялся. Видеть, понимать и глотать злобу вперемешку с обидой, не в силах ничего изменить. Как бы я сейчас не выглядел нелепо и позорно. Пускай я с голым задом. Но во мне есть гордость и самоуважение.

Я вспомнил, с чего все началось. Что я хотел изменить в своей судьбе.

Вдохнул грудь полную воздуха. Выпрямился, насколько мог.

«Сдвиг»

Красный свет впитался узорами в руки, чем даже привлек внимание Вульфрика. Его дочь удивленно дернула бровью.

Прямо как тогда на крыше, из головы вылетели все лишние мысли. Разум стал чище, злость ушла.

Впервые в своей жизни, я посмотрел своей невесте прямо в глаза.

Девушка отшатнулась, а ее отец ожидающе посмотрел на меня.

Глава 22

Валентина Шраут, как бы ей не было противно своё полное имя, давно смирилась с тем, что вряд ли кто-то сможет в полной мере осознать специфику трудностей с которыми сталкиваются больные, или же, если хотите, одаренные, магической синестезией. Иногда конечно на её пути встречались люди, что делали попытку наладить с ней какой-то контакт помимо рабочего, однако, как по взмаху руки, через какое-то время они все до одного исчезали из её жизни, оставляя после себя лишь вопросы, на которые девушка за двадцать один год своей жизни научилась не искать ответов.

Иногда она всерьез задумывалась о том, что её до сих пор держат на плаву всего две вещи — работа в УБИ и довольно крепкие сигареты марки «Гротеск», которыми она злоупотребляла в каких-то совершенно нездоровых количествах. И если последние её никогда не подводили, то вот работа зачастую была довольно монотонной и заставляла девушку заскучать. Тяжело день за днем бегать за контрабандистами из мелких кланов и выискивать случайно пробужденных по трущобам, при этом сохраняя неподдельный азарт и огонь в глазах.

Возможно поэтому Марк Ротт так сбил её с толку. Ей никогда прежде не доводилось видеть столько энергии. На какое-то мгновение она даже опешила и позволила ему уйти от неё.

Выглядывая через открытое окно, как каким-то чудом не разбившегося парня захватывает местный спецназ, Тине почему-то резко захотелось спуститься вниз и рассмотреть его поближе.

Увы, внезапное появление Вульфрика Белецкого и дальнейшее его вмешательство в дела УБИ помешало её планам, а потому происходящее далее она наблюдала только со стороны, ожидая, когда агенты Рубан и Беркер закончат свои дела. Что, безусловно, зря, ведь посмотреть там было на что.

* * *

Марк стоял на некотором расстоянии от своей без пяти минут родни. Вульфрик продолжал с интересом рассматривать покрасневшие руки парня, в то время как Элиза вернула себе абсолютно холодное выражение лица.

С некоторым трудом убрав руку с огромной шеи охранника, Марк сделал шаг вперед. Бугай попытался тут же подхватить парня обратно, но тот резко выставил перед ним свою ладонь,

коснулся груди и оттолкнул, давая понять, что справится сам. После чего направился к Белецким.

Последний раз Вульфрик видел Марка восемь лет назад и за это время его будущий зять безусловно, повзрослел, хотя и выглядел довольно хилым по клановским меркам. Впрочем, сейчас было кое-что, что Вульфрика восхищало в парне. А именно то, каким хладнокровным, собранным и невозмутимым выглядел Марк в такой, не сказать, что располагающей для него ситуации.

— Господин Белецкий, — холодным тоном Марк поприветствовал главу клана Белецких, приложив правую руку к груди и сделав полупоклон. Четко, ровно, без осечки.

Казалось, что на нем вовсе не больничная роба, окровавленная и разодранная, а дорогой костюм, в котором он уверенно подошел к главе клана с деловым предложением, соблюдая все формальности.

Знал бы Вульфрик, каких усилий это стоило самому Марку — просто сохранять лицо.

Рана от пулевого ранения на плече еще сильнее закровоточила и противно булькнула кровью во время поклона, отчего Элиза слегка дернула щекой, но в целом ее лицо осталось все таким же беспристрастным.

Марк же сделал вид, что не заметил этого и поприветствовал девушку простым кивком.

— Элиза, — его немного раздражала ее маска холодного безразличия.

Парень кинул взгляд на свое левое плечо, скорчив смесь легкого удивления и досады, мол только заметил это маленькое недоразумение — что в трапеции зияет сквозное ранение. Потом посмотрел на Элизу, прошелся по ней с головы до ног и следом перевел взгляд на Вульфрика. Там он зацепился за кусочек ткани в верхнем кармане его пиджака.

— Разрешите? — спокойно спросил Марк.

Не дожидаясь ответа он сделал шаг вперед и кончиками двух пальцев правой руки вытянул платок из кармана главы клана. Тот даже не успел никак отреагировать.

— Что ты..? — Вульфрик нахмурил брови.

— Оказываю себе первую медицинскую помощь, — хмыкнул Марк.

Под удивленными взглядами Вульфрика и Элизы он обмотал указательный палец на правой руке платком.

— Или вы где-то видите что-то более стерильное, чем ваш платок-паше? — незамысловато ответив своему будущему тестю, парень едва заметно улыбнулся.

Со звуком «чвирк» палец с намотанным на него платком

вошел в сквозную рану. Только дьявол знает, чего Марку стоило удержать лицо беспристрастным. Спустя мгновение он вынул палец из отверстия в своём плече. Платок же остался в дыре, где верой и правдой принялся удерживать поток крови в теле.

Элиза отступила на шаг, а у Вульфрика приподнялась от удивления бровь. Один из рядом стоящих молодых охранников даже скривился, возможно, вспомнив нечто подобное из своего опыта.

Марк же просто довольно выдохнул.

— Меньше будет крови на сиденьях, — он тонко улыбнулся и скользнул взглядом по близ стоящим машинам, жирно намекая, что собирается сегодня уехать отсюда.

На лице Вульфрика отчетливо читалось желание выругаться. Фактически, этот шкет прямо под стенами его клиники показательно заткнул себе рану. Сам. Возможно, он сам того не понял, что только что сделал?

— А ты не хочешь, чтоб тебе зашили рану? — Вульфрик кивнул в сторону клиники, пытаясь разобраться в поведении Марка и его словах.

На мгновение, взгляд Марка словно стал стеклянным. Парень думал о том, что делать дальше. Ему ни в коем случае нельзя говорить про то, что его пытались убить в больнице Вульфрика прямым текстом — может прозвучать так, будто он утверждает, что Белецкий причастен к этому.

— Не хотелось бы вас оскорбить, но в вашей больнице я получаю больше ранений, чем лечения, — парень повернулся лицом к зданию клиники, чтобы посмотреть, что происходит внутри. Постоянно мелькающие в окнах фонарики начали стягиваться ближе к первому этажу.

Понимая, что времени у него не так много, Марк наклонился и отчетливо прошептал:

— Не в моем положении вам это говорить, но лучше вам услышать такое от меня, чем позже от кого-либо другого.

Вульфрику все меньше и меньше нравился этот разговор, но тем не менее он кивнул, давая собеседнику продолжить.

— Ваш медперсонал в больнице пытался меня убить. Начальник службы безопасности нашего клана увез вашу медсестру и врача, если вам, конечно, об этом еще не сообщили.

Конечно, Вульфрику уже доложили о том, что произошло в больнице. Он даже успел позаботиться о некоторых неудобствах, которые возникли после допроса, который устроил их общий знакомый Фридрих.

Глупо отрицать, Вульфрик прекрасно понимал желание Марка держаться подальше от клиники, особенно если

посмотреть на всё под таким углом. Всё, что ему оставалось, это устало вздохнуть и согласно кивнуть головой, думая о том, как сгладить такой репутационный удар — неспособность защитить собственного зятя на своей же территории. А так хотелось продолжить просто игнорировать его…

Заметив, что ему наконец-то удалось пробить каменное лицо Вульфрика, Марк снова заговорил.

— Покушения, предательства, штурм со спецназом… это всё печально, — зрачки парня блеснули, он был готов нанести контрольный выстрел, — Но сейчас не столь важно.

Вульфрик заметно нахмурился.

Марк резко перевел взгляд на Элизу, которую до этого предпочитал почти что не замечать, но своим тоном сделал всё, чтобы у неё не осталось сомнений по поводу того, с кем он сейчас на самом деле говорит.

— Мой отец в курсе, что вы хотите разорвать помолвку?

Холодная маска на лице девушки наконец разбилась, что принесло особое удовольствие Марку.

Раньше он действительно был дураком. Наивно полагал, что старый план приведет его к желанной свободе. Как же он тогда ошибался.

А сейчас он знал, как перетянуть одеяло на себя. Весь разговор он вел к этому моменту и делал все, чтоб его слова услышали и, главное, восприняли.

— Что? — брови Вульфрика взметнулись вверх. Он хотел было что-то сказать, но запнулся, проследив по направлению взгляда Марка. Тот смотрел прямо на его дочь.

Одного вида реакции Элизы хватило, чтобы Вульфрик сложил А и Б.

Марк продолжил:

— Вижу, вы не знаете, что у вашей дочери свои взгляды на то, с кем она хочет связать свою судьбу, — под действием сдвига, Марк звучал очень спокойно и размеренно, словно обсуждал нечто банальное и простое, а не вопросы, способные повернуть вектор развития двух больших кланов на долгие годы вперед.

— Это слишком громкое заявление, — следующую фразу Вульфрик буквально прохрипел гортанью, — За такие заявления нужно нести ответственность.

Марк покачал головой.

— Думаю, будет не лишним предположить, что вы давненько не просматривали социальные сети своей дочери?

Элиза сжала зубы и пристально посмотрела Марку прямо в глаза. Девушка слегка склонила голову в сторону и, в тот момент, когда она набрала полные легкие воздуха, чтобы ответить на

обвинения… её отец произнес:

— Хватит.

Элиза тут же захлопнула рот, широко распахнув глаза. Марк ощутил, как всего от одного слова, у него даже под «сдвигом» по спине пробежали мурашки, а люди из клана, что стояли неподалеку отшатнулись на шаг.

Вульфрик громко выдохнул и посмотрел на Марка с Элизой.

— Не здесь. — он положил парню левую руку на плечо, словно подчеркивая всю серьезность своих следующих слов. — Не переживай, все договоренности в силе.

Задумавшись на какое-то мгновение, Марк кивнул, продолжив прожигать взглядом Элизу. Та уставилась в пол, сжав кулаки.

На лице Марка непроизвольно растянулась улыбка, хотя его глаза остались такими же холодными и стеклянными.

Он оглянулся назад, туда, где считанные минуты назад еще мелькал свет от фонариков в окнах. Теперь их стало совсем мало, стало быть большая часть вояк либо вышла из здания, либо выйдет уже совсем скоро. А значит и агенты УБИ вместе с ними. Пора натравить тигра на волка.

Он вспомнил обстоятельства, при которых чуть не пересякся с Агентами Баркер и Рубаном, и решил разыграть эту карту для Вульфрика.

— Когда мы с охранником пошли ночью к автомату с едой, — начал Марк, уже в который раз неожиданно меняя тему разговора, — Мы несколько заблудились.

Вульфрик нахмурился.

— Заблудились настолько, что обнаружили себя на шестом этаже, в подозрительно пустом… офисе, или как назвать это место? Так вот, мы были там не одни. Будь я хоть немного менее расторопным, то имел бы радость пообщаться с теми самыми агентами, что приходили меня допрашивать чуть ранее, они там «гуляли», — Марк посмотрел на Вульфрика. — Ну, а в итоге… по мне с охранником открыли огонь, после чего выбросили из окна. Наверное, хотели так «защитить», чтоб прям наверняка.

Вульфрик почти мгновенно догадался о каком именно месте идет речь. Каменное выражение лица дало слабину второй раз за ночь, а его губа задергалась, словно в нервном тике.

Как раз в этот момент двери больницы распахнулись и из них вышло двое агентов УБИ, с отрядом спецназа за спиной.

Первым шел разъяренный агент Рубан, за ним, с легким отставанием следовала Баркер. Они направлялись прямо к Марку Ротту, что так сильно пудрил им мозги во время допроса. Этот мелкий засранец даже смог заставить их поверить, что у него

сломаны ноги. Нельзя держать УБИ за идиотов и надеяться, что тебе это сойдет с рук. И сейчас они ему это объяснят.

По крайней мере так агентам хотелось думать. Внезапно стало очень тяжело дышать, а перед Марком образовалась гора, впрочем, хорошо известная им. Вульфрик Белецкий, да еще и злой Вульфрик Белецкий. Его чаша терпения уже исчерпалась.

Они смеют его ни во что не ставить? Какие-то имперские шавки? Вместо того, чтобы официально обратиться к нему с просьбой выдать Марка… внаглую штурмуют клинику? Да еще и для того, чтобы забрать его в качестве свидетеля? Шестой этаж, ну конечно. Используют будущего зятя, как предлог покопаться у него в белье?

Подняв руку вверх, Рубан приказал силовикам остановиться.

Трудно будет адекватно описать тот размер усилий, который Вульфрик приложил для того, чтобы не превратить щетинистое лицо агента Рубана в фарш. Со стороны могло бы показаться, что сейчас абсолютно каждая мышца на его теле была вздута.

Вместе с агентами УБИ, он застыл в немой сценке, и никто не знал, как она повернется.

Что же до Марка Ротта…

Он с хладнокровной улыбкой смотрел на происходящее, довольный собой. Он чувствовал такую эйфорию, что ему было плевать и на внешний вид, и на раны и даже на то, что в данный момент он стоит перед своей невестой практически полуголый. Возможно, в скором времени уже бывшей.

Она, сейчас, кстати, просто с тревогой смотрела на отца, боясь, что тот наделает каких-то глупостей и была столь красной, то ли от стыда, то ли от злобы, что Марк запросто мог прижечь о нее свою рану.

Вот она — сила. Не объем маны, не проклятый уроборос, не его воскрешение, а банальное умение манипулировать фактами так, как нужно тебе.

Интересно, если бы это была сделка с дьяволом, чем бы он должен был расплачиваться за эту способность?

Впрочем, радоваться пока было Рано.

— Я думаю, мне стоит скрыться с виду, чтоб они не использовали свое распоряжение как предлог, чтобы взять меня под охрану, — произнес Марк в медленно поднимающуюся и опускающуюся спину Вульфрика, — А еще у вас в клинике остались мои люди и они скорее всего ранены.

Вульфрик, не оборачиваясь, махнул рукой в сторону машин.

К Марку, без лишних слов и приказов, подошли двое ближайших клановых бойцов и повели его к машине. С хромой ногой он залез внутрь черного седана и откинулся на кожаном

сиденье, пару раз скривившись от боли в плече.

Насколько мог под сдвигом, он радовался тому, что почти убрался из этого места.

Настроение подпортило лишь то, что внезапно дверь в машину отворилась снова и на сиденье рядом с ним села Элиза.

Марк быстро глянул на девушку, скривив бровь. Она же просто пожала плечами.

Через полминуты машина заревела, унося парочку из окрестности больницы куда-то в сторону резиденции Белецких.

Спустя десять минут езды, машина остановилась в черте какого-то парка. Бог знает какие угрозы или доводы сработали на водителе, но тот послушно затормозил и стал ждать пока отошедший за широкое дерево Марк сделает свои дела и вернется обратно.

Ну что тут сказать, дела у Марка действительно были важными.

Молодой человек скрылся в темноте парка, отойдя на метров сто от машины, оглянулся по сторонам, на всякий случай убедился, что его никто не видит, скривился, вытащил из своего плеча красный платок-паше, вдохнул приятный ночной воздух, а затем с громким хрустом свернул себе шею.

Глава 23

Будь на трассе дневное, оживленное движение — Алекс Ротт бы приказал водителю включить мигалки, чтобы заставить поток машин расступиться перед его майбахом. Нарушенный график нескольких сотен людей и несущиеся вслед проклятия вперемешку с матом — сущая мелочь по сравнению с тем, что уже было принесено в жертву ради этой поездки.

Но на часах четыре утра, и машина клана Ротт въезжала в столицу по практически пустой дороге. По просьбе босса водитель заставлял стрелку спидометра доходить до граничащих с опасностью чисел.

Вульфрик не смог объяснить многого по телефону — или не захотел? Когда глава клана Белецких чего-то не делает, это куда чаще связано с нежеланием, чем с отсутствием возможностей. Так или иначе, Вульфрик разбудил его ночным звонком (напрямую: такая связь была у двух глав кланов только для экстренных случаев) и хмуро сообщил, что «у Марка проблемы, и у нас всех тоже; не телефонный разговор, приезжай».

А спустя пять минут после… и почему не до? Старый хрыч там что, мышей не ловит?! — аналогичный звонок от Фридриха.

Он вскользь добавил о каком-то нападении и о УБИ, даже не сказав какова их роль в ситуации. В остальном — то же самое: «проблемы», «не телефонный разговор» и «приезжай».

И Алекс поехал. Собрание акционеров Острих-Банка? Плевать. У клана Ротт, конечно, 47 % от пакета акций, но там справятся и без него. Что там дальше в ежедневнике? Церемония принятия клановых новичков? Ладно, потерпят, получат свое позолоченную лычку от его заместителя. Ну, и так далее по списку.

Водитель крутил баранку, перемещая машину на скорости, что была куда выше разрешенной, а Алексу оставалось лишь нервничать на пассажирском сидении. Чертова неопределенность! Он и сам бы сел за руль, чтобы хотя бы немного отвлечься, но все же была одна вещь, что важнее его паники — клановый престиж.

Не позволяя пальцам подрагивать, даже когда он оставался наедине с собой (водитель за перегородкой — не в счет), Алекс вытянул телефон и набрал номер Фридриха. Если бы случилось что-то… действительно плохое, ему бы ведь сказали в первую очередь, так?

— Алло, — связь установилась уже после второго гудка, а больше ждать глава клана Ротт не собирался. — Фридрих. Я буду в центре столицы уже минут через десять. Куда мне подъехать? В

больницу?

— Нет, шеф, — такое обращение, конечно, было не по регламенту, но в любом клане есть они — ветераны, исключения, которым позволяется некоторая фамильярность (до определенного предела, конечно). — Мы сейчас у Белецких, в их столичной резиденции. Охрана в курсе, она сразу пустит вас в кабинет главы.

«Мы?» Значит, и Марк тоже? Должно быть. Не оставили же они его там одного, в этой больнице, что бы в ней не произошло. Парень еще невесть сколько времени не сможет передвигаться самостоятельно… да в нем, наверное, одних только катетеров не меньше десятка,

«А ведь сегодня у Марка День Рождения», — пронеслось в голове у Алекса — не к месту и невпопад. — «Вот как я, значит, приехал его поздравить»

— Фридрих, — отрывисто, но уже ровнее спросил он. — Ты же подобрал ему подарок?

— Что?.. Да, но сейчас…

— Вот и отлично, — кивнул Алекс сам себе, даже не замечая тревоги в голосе СБшника. — Скоро буду.

Конечно, изначально все эти дела — не только в совокупности, но и каждое отдельное взятое — были куда важнее, чем День Рождения сына. А потому он планировал, что Фридрих — вчера внезапно сорвавшийся в столицу «проверить, как там Марк», передаст от него поздравления и подарок, который он также должен был прикупить в столице.

Но все сложилось иначе.

…машина затормозила у ворот резиденции Белецких так резко, что любая другая модель рисковала бы развалиться или, по крайней мере, обвалить всю подвеску. Клановые иномарки не такие; водитель затормозил лишь потому что охрана не успела с должной скоростью открыть им въезд, и теперь нетерпеливо сигналил.

Ворота медленно разъехались по сторонам; машина тут же снова тронулась с места, и уже через минуту Алекс вылезал из нее. От парковки до самого особняка было метров сто, но сейчас глава Роттов — безо всяких аур и эффектов — пролетел их так, будто это были три шага.

— Господин Ротт! — у входа стоял пожилой слуга, кажется, такой же ветеран, как Фридрих у него — Алекс помнил его по прежним визитам в это место. — Господин Белецкий ожидает вас в своем кабинете…

— Прекрасно, — Алекс даже не замедлил шага. — Я отлично знаю, где находится его кабинет, не нужно меня провожать.

— Но… — слуга попытался протестовать, но так быстро остался позади, что Алекс банально уже не слышал его слов.

Охрана действительно не пыталась остановить гневно шагающего по резиденции Алекса Ротта. С каждым пройденным метром мысли нагнетались все сильнее.

Это ведь Вульфрик предложил эту больницу! «Безопаснее места уже не будет…». А Фридрих?! Если вчера были причины для беспокойства — он должен был доложить сразу. И что теперь? Оба играют в молчанку, вместо того, чтобы внятно все объяснить.

Хлопнув дверью кабинета, он, даже не поздоровавшись, выдохнул:

— Ну? Что тут у вас? Где он и в каком состоянии?

Вульфрик Белецкий поднял бровь, глядя на старого союзника. Какой контраст… холодный, точно лед, сын и кипящий отец… А ведь скорее можно было бы ждать обратного. Алекс — опытный дипломат и политик; Марк — горячий подросток…

— Шеф, — Фридрих тут же встал. — Новости… неутешительные.

— Что?! — вскинулся Алекс. — С Марком что-то стряслось?

— Мы не знаем, — Фридрих мотнул головой. — Он пропал.

— Куда? — Алекс взмахнул руками. — Из больничной койки, у вас из-под носа? Ваша больница что, вообще не охраняется?

— Алекс, сядь, — с нажимом произнес Вульфрик. — Ни Фридрих, ни мои охранники и правда не виноваты — кроме одного, конкретного. Все… куда сложнее. Марк пропал не из больницы, а из моей машины. Вышел на секунду… и исчез, словно растворился.

— Вышел?! — Алекс выпучил глаза. — Куда мог выйти человек, который и на ноги-то встанет еще невесть когда? Как он вообще оказался у вас в машине?

— Знаешь, шеф… — Фридрих поглядел на Алекса со странным взглядом, в котором смешивались сочувствие и предвкушение предстоящей головной боли. — Давай-ка все по порядку.

— Да, — кивнул Белецкий. — У нас самих слишком много вопросов, чтобы еще каждую минуту отвлекаться и отвечать на твои — по крайней мере те, на которые мы можем дать хоть сколько-нибудь четкий ответ.

— Ладно, — сдался Алекс, с размаху садясь в кресло, и маша рукой. — С самого начала и в подробностях, что, почему и как.

Начал Фридрих. И начал он с описания ситуации с врачом. По мере того, как начальник службы безопасности клана говорил, Алекс все багровел и багровел, а глаза у него все светлели и светлели — верный признак того, что мужчина из клана Ротт в

ярости.

Вот теперь сын был похож на отца. Вульфрик глядел на Алекса и видел точно те же глаза, что и прошлой ночью — бледные, светлые, почти ледяные… только у Марка все же было совсем иное выражение. Отстраненное, безэмоциональное, как у человека, в совершенстве владеющего собой.

— …и я пошел разбираться с этими проблемами, — завершил Фридрих. — Обратно приехал уже только к шапочному разбору, так что кой-какой кусок мы знаем только из звонков и со слов охраны.

— А почему не доложил? — Алексу хотелось вскочить и наорать на Фридриха, но сдерживало то, что он не у себя дома. — Ты в своем уме? Выявлена попытка покушения на моего сына, известны виновники, вина доказана на сто процентов — а я об этом узнаю на следующий день!

— Алекс, спокойнее, — Вульфрик поднял руку. — Фридрих сделал это по моей очень… убедительной просьбе. Вся эта ситуация… произошла в моей больнице, на моей территории, и я хотел вначале сам во всем разобраться, а уже потом вмешивать тебя.

— Разумеется, — добавил Фридрих, — я согласился на это только потому, что мы уже поймали виновников.

— Вы поймали исполнителей! — возмутился Алекс. — А заказчик? Такие вещи не происходят сами по себе!

Вульфрик и Фридрих переглянулись.

— Может быть, ты послушаешь дальше? — предложил Белецкий, и, когда Алекс ответил молчаливым кивком — чтобы не крикнуть в запале чего-нибудь лишнего — Фридрих нажал на кнопку коммуникатора.

— Джонни, зайдите оба, — распорядился он. — господин Ротт хочет услышать все лично.

В комнату с виноватым видом вошли двое мужчин. Выглядели они неважно, все перебинтованные и с множеством синяков то тут, то там.

Можно, конечно, было рассказать всю историю самостоятельно, но Вульфрик всегда предпочитал, чтобы говорили очевидцы, а те, кто не знает всего — заткнулись и молчали в тряпочку. В этом своем кредо он был до такой степени непреклонен, что оно распространялось и на него самого — он молчал, не перебивая охранников, даже когда те начинали нести какую-то околесицу.

Например, когда второй охранник — помоложе и похожий на первого, кажется, родственник — заговорил о том, как Марк самостоятельно, применив какую-то ауру, разломал себе гипс на

ногах и пошел легкой походкой по коридору здания.

Алекс тоже молчал, хотя в голове у него творились настоящие сумбур и сумятица. Случившееся отдавало каким-то фарсом, дешевым фантастическим шоу середины прошлого века — где герои творили то, что не могли и не должны были. Но очевидцы говорили об этом с непреклонной серьезностью.

А этот допрос агентами? Фридрих упомянул его в самом начале, а затем охранники еще пару раз коснулись этой темы.

— Он сказал, что это те самые агенты, которые приходили к нему днем, — сообщил охранник по имени Джонни-младший. — И там действительно было много народу. Я не особо разглядывал их, чтобы не выдать себя, но он стоял у самого края, а потому они заметили его.

Черт. Ну, конечно. Никакой осторожности; Алекс мысленно фыркнул. Вот и в мертвом городе было то же самое. Выбрался из резиденции — решил, что весь мир ему по плечу. Залечил каким-то чудом ноги — и снова-здорово, опять лезет на рожон. Марк ничему не учится! Или не хочет учиться.

Затем последовал рассказ о погоне через здание, о забредании на полузаброшенный этаж (Вульфрик на этом месте слегка напрягся, но охранника не перебивал; по его реакции Алекс понял, что этот кусок он потом дополнит от себя) — и о том, как Марк с простреленным плечом рухнул вниз.

— Ну, а тут приехал я, — Вульфрик кивнул и посмотрел на мужчин. — Вы можете быть свободны.

Как только дверь за охранниками закрылась, он продолжил.

— Само собой, при мне они не посмели качать права. Точнее, попытались, но сдулись, как только до их тупого командира дошло, с кем он имеет дело.

Вульфрик говорил спокойно, ровно, словно вел речь не о ночной стычке с имперцами, а о рыбалке на выходных. Сколько Алекс его помнил — он всегда был таким; осознающим чувство собственного достоинства и глядящим на других свысока, делая лишь редчайшие исключения.

— Это заняло три-четыре минуты… они еще стояли там, но понимали, что теперь у них связаны руки. Ну, а я соображал, что же делать и где оставить твоего сына.

— И? — не выдержал Алекс. — Что в итоге?

— В итоге он подошел сам, и мы… Заговорили, — по сделанной паузе было сложно понять, о чем же именно у Вульфрика и Марка состоялась беседа, но Алекс сразу понял — ничего такого, о чем вспоминают с удовольствием.

— Разговор длился пару минут, а потом… — Вульфрик покачал головой. — Показались агенты УБИ. Черт его знает, что

они собирались делать, поэтому, когда Марк предложил, что ему было бы неплохо оттуда убраться, я согласился. Там стало слишком опасно.

— Убраться, значит, — кивнул Алекс. — А ты остался там? И ты, Фридрих?

— Он был не один! — Белецкий нахмурился. — А с моим личным телохранителем… и Элизой. Если я доверил Карлу жизнь своей дочери, то уж поверь, твоему сыну тоже ничего не угрожало. Да и он был… убедительным.

— Кто, Карл?

— Да какой Карл?! — опешил Вульфрик. — В чем и кого он мог бы убеждать? Твой сын был убедительным, когда предложил этот вариант!

А? Алекс поднял бровь. Слова «твой сын» и «убедительный» в одном предложении ему практически никогда не встречались. Но… ладно, ситуация, конечно, была критической, и долго размышлять времени у Вульфрика не было.

— Хорошо, — кивнул Алекс. — Куда он ехал? Сюда?

— Да, — подтвердил Вульфрик. — Но… не доехал.

— Нападение? — уточнил Алекс.

— Какое там… — поморщился Вульфрик — и снова нажал на кнопку коммуникатора, — Карл, войди!

Телохранитель Вульфрика был одет не в подобие военной формы (или, скорее, формы сотрудника ЧОПа), как Джонни и Джонни-младший, а в костюм. Алексу была знакома эта привычка Белецкого — наряжать в костюмы всех подряд. Наверное, даже уборщики в этом здании ходили во фраках. Ротты же предпочитали практичность — по крайней мере, когда речь шла о сотрудниках. Верхушке клана нужно быть представительной, от этого никуда не уйти.

— Рассказывай все как было, — велел Вульфрик своему человеку.

— Рассказывать-то особо нечего… — слегка растерялся Карл. — Мы ехали себе… Они молчали, оба. Я глядел в зеркало заднего вида — господин Ротт ведь был ранен, и я следил, чтобы он — ну, мало ли… не потерял сознание… да еще и этот платок, торчащий из плеча…

— Его ранили? Снова? — не выдержал Алекс. — Платком, что ли? — либо он начинает сходить с ума, либо каждый, кто заходит в эту комнату держит Алекса за идиота.

— Нет, ранили его пулей, а платком он заткнул себе рану, — хмыкнул Вульфрик. — Моим, между прочим. Продолжай, Карл.

Секунда осознания, и…

Чего? Что за бред? Марк, собственноручно затыкающий себе

рану? Алекс мог поверить в такое поведение со стороны Фридриха, Вульфрика, еще какого-нибудь бывалого воина, но Марк? Его сын, который уколов-то боялся? Похоже, что после произошедшего в мертвом городе он просто-напросто тронулся головой.

— А потом он сказал остановить машину, — кивнул телохранитель. — Я, конечно, сказал, что не положено, и мы уже скоро приедем, но… Знаете, он умеет убеждать.

Марк — умеет убеждать?! Что ни фраза, то новое шокирующее открытие.

— Убеждать? — Алекс наклонил голову. — Погоди. Где это было?

— В парке, там, мы проехали треть пути…

— То есть, ты хочешь сказать, — Алекс снова все больше и больше распалялся, — что ты отпустил моего сына одного где-то в парке, раненого, после того, как его несколько раз пытались убить…

— Алекс, — поднял руку Белецкий, — успокойся. Вот уж в чем я совершенно согласен, так это в том, что твой сын… умеет убеждать. Если даже я это ощутил, чего ты хочешь от других?

Алекс терялся все больше. Они точно говорят о Марке? Ощущение было такое, будто все вокруг сговорились и называют именем «Марк Ротт» совсем другого человека, не похожего на его сына даже приблизительно. Что за странные, дурацкие розыгрыши?

— Ну, если откровенно… — массивный Карл пожал плечами так, что швы пиджака угрожающе затрещали, — Я-то решил, что… Ну, если честно… Он так настаивал, при этом не называя причины…

— Хватит мямлить! — тут уже не выдержал сам Белецкий. — Что такого ужасного ты хочешь нам сказать?

— Ну, я решил, — все же разродился охранник, — что молодой господин хочет… в туалет. А поскольку госпожа Элиза была рядом, то стесняется сказать об этом прямо.

Ага. Кажется, когнитивный диссонанс отступил, сменившись привычным узнаванием. Недотерпеть, прервать дела ради похода в туалет — как это похоже на Марка. Алекс облегченно выдохнул.

— И почему ты не пошел с ним? — сухо уточнил он.

— Я вышел из машины — покурить, и заодно посмотреть, куда он пойдет. Но тот зашел за деревья, и… Знаете, как-то неудобно было подглядывать за таким уж.

— Ты телохранитель или выпускница Института Благородных Девиц? — рявкнул Алекс. — Ты должен был пойти за ним, что бы ему там в голову не взбрело!

— Да, но там была еще и госпожа Элиза, — заметил охранник. — Я не мог оставить ее, да и… ничего не предвещало…

— Не предвещало, — Алекс покачал головой. — Конечно… Чертовы имперцы не успокоились. Они следили за вами, и выкрали его, как только он остался один.

— Думаешь? — Вульфрик глядел скептически. — А зачем тогда, по-твоему, два часа назад они объявили его в розыск?

— Что?

— Ты все слышал.

— Для отвода глаз, — кивнул Алекс. — А если это не они, то, значит, заказчики убийства, что еще хуже.

— Господин Ротт… — все так же стеснительно заметил Карл. — Когда… ну, пауза затянулась… я решил пойти по следам, и… господина Марка там не было. Тогда я вызвал подкрепление, и мы все обыскали — насколько могли это сделать в тех условиях.

— Ближе к делу. Что вы обнаружили?

— Ничего.

— В смысле «ничего»? — Алекс устал срываться на крик и теперь просто пытался получить как можно больше информации.

— В том смысле, что не было никаких видимых следов, — снова пожал плечами Карл.

— У тебя все? — Алекс поглядел на телохранителя с неприязнью.

— Да.

— Тогда оставь нас.

Дверь за Карлом закрылась, и Алекс снова повернулся к Вульфрику и Фридриху.

— Испарился? Ты можешь мне объяснить что за цирк сейчас происходит?

— Может, мой человек немного косноязычен, — мотнул головой Вульфрик, — но факты излагать умеет. Он прав, Алекс. Парк обыскали, и не нашли ничего, что хотя бы примерно указывало бы на местоположение Марка.

— Вульфрик, мой сын сначала при смерти, потом его пытаются убить, допрашивают, хотят похитить, объявляют в розыск и, в придачу ко всему, он пропадает! А ты кормишь меня сказками!

— Да, такая себе неделька, — согласился Вульфрик. — Не знаю, к чему все идет… но, в наши планы это не вписывается.

Алекс быстро глянул на него и фыркнул. Это уж точно.

Глава клана Белецких скрестил руки на груди.

— Есть еще один… свидетель.

— Кто?

— Элиза. Она ведь тоже была в машине, да и около больницы, однако я бы не стал зря ее тревожить и вмешивать во все это дерьмо…

— Уж извини. — заявил Алекс. — Зови ее.

Элиза явилась через две минуты; Алекс не знал, ждала ли она этого вызова или нет, но несмотря на столь ранний час девушка была при всем параде, с идеальной укладкой и без тени удивления на лице. Войдя в кабинет отца, она сделала безукоризненный поклон Алексу и вытянулась по струночке, ожидая слов отца с чуть ли не скучающим лицом.

«Если бы мой Марк был бы хотя бы наполовину так же дисциплинирован…» — пронеслось в голове у Алекса.

— Элиза, — кивнул Вульфрик. — Что ты можешь сказать по поводу недавних событий?

— Ничего особенного, — спокойным голосом отозвалась его дочь. — Может его поведение меня немного и удивило, но куда он мог пропасть я знать не могу.

— Удивило? — Алекс снова шевельнул бровью. — Чем же?

— Я не думала, что он… такой, — Элиза отвечала сдержанно и кратко, словно не желая раскрывать свои подлинные мысли. — Не ждала от него такой собранности. Он был спокойным, как будто его ранят и захватывают каждый день. Никакого волнения, никакой наивности…

И вот опять это странное чувство, что речь идет вовсе не о Марке. Алекс сидел и ждал, что же еще скажет Элиза.

— Он совсем не такой, как по сети… — Элиза осеклась и быстро добавила, — Ну, насколько я могу судить, а мы пересекались мало.

Она поглядела на отца.

— Больше я ничего не могу сказать. Я могу идти?

Пару секунд Вульфрик помедлил, а затем махнул рукой.

— Да, иди.

Элиза снова почтительно поклонилась Алексу, затем отцу — и вышла. В кабинете воцарилось молчание.

— Слово в слово — мои мысли по поводу поведения твоего сына, — заметил Вульфрик после продолжительной паузы. — Что-что, а к его умению держаться в критической ситуации не придерешься; ты воспитал из него настоящего мужчину.

— А? — Алекс сейчас был растерян, пожалуй, даже больше, чем когда узнал о чудом сросшихся ногах своего сына.

— Знаешь, я ведь думал, что с твоим воспитанием он вырастет размазней, — продолжил Вульфрик. — Прости за откровенность, но я, как и все, ждал самого очевидного варианта, зная о его домоседстве. Думал, будет безвольным и

стеснительным, осознающим свое место в мире — маленькое тонкое деревце под сенью вековых гигантов… но он доказал, что я ошибался.

Алекс продолжал молчать, не зная, что на это ответить. Как ни обидно это звучало, но даже к нему самому иногда закрадывались мысли о том, что Марк звезд с неба не хватает и вряд ли это когда-нибудь изменится. Более того — он сам в некотором роде постарался его таким воспитать, чтобы избавить от проблем в будущем… но что такого мог наговорить сын, что заслужил уважение от самого Белецкого?

— Теперь я вижу, — Вульфрик глядел прямо на него, — что из них с Элизой выйдет отличная пара. Возможно, моей девочке даже будет чему у него научиться…

Взгляд главы клана Белецких посуровел.

— Вот только не будет никакой свадьбы, если мы его немедленно не найдем.

Глава 24

Я открыл глаза в пустом поезде. Мы мчались так быстро, что невозможно было рассмотреть, что за окном. Хотя на самом деле, мне было всё равно.

Закатав рукава чистой толстовки, я сидел и смотрел в никуда, вокруг было тихо. От скуки меня отвлек звонок.

Я уверенно нырнул рукой в правый карман джинсов и с удивлением обнаружил, что телефона в нем не было. Мелодия продолжала звучать.

Встав, я зашагал в соседний вагон, возмущенный тем, что каким-то образом упустил собственный мобильник из виду.

Без проблем открыв дверь, я вошел внутрь и бегло бросил взгляд на два ряда кресел. С одной стороны они почему-то были черными, а с другой синими. Долго я над такой мелочевкой думать не стал и зашагал вперед.

Судя по всему, звук доносился из кабинки проводника.

Я нахмурился. Как можно было оставить свой телефон в таком месте? Раздраженно открыв дверь, внутри я никого не обнаружил. Только телефон. Он лежал на столе у вычищенного до блеска окна, в котором отражалось моё лицо, и звонил.

Абонент «Элиза».

Ну уж нет. Я не хочу с тобой разговаривать. В прошлый раз тебе разве не хватило?

Мой большой палец нажал на красную кнопку «Сброс», но ничего не произошло. Еще раз. И еще. Тишина. Только после четвертого нажатия телефон замолчал.

Я облегченно выдохнул и почти развернулся, чтобы сесть и наконец-то дождаться конца этой нудной поездки, однако взгляд зацепился за отражение. Я выглядел совсем не так, как раньше. Глаза словно принадлежали покойнику, они были холодными и ничего не выражали. И улыбка — от уха до уха.

Мне захотелось схватиться за голову, но я понял, что не могу пошевелить и пальцем. Тело словно начало двигаться независимо от меня, подчиняясь чему-то неизвестному. Моя рука поднесла телефон ближе к лицу и медленно выбрав контакт «Элиза» нажала на зеленую кнопку вызова.

Я еще раз посмотрел на себя в отражении. Окровавленная физиономия смотрела мне прямо в глаза и улыбалась.

* * *

Первое, что я ощутил — это вкус земли во рту, и земля сильно горчила. Зрение, слух и даже осязание ещё не вернулись ко мне после недавнего забвения. Спустя секунды, или же десятки секунд я наконец осознал, что лежу лицом в траве.

Жадно заглотил воздуха, снова и снова, пока не понял, что больше не лезет выдохнул. Потерев ладонями глаза, заметил, что на запястьях не было узоров Сдвига. Хорошо, значит смерть выключает все активные ауры. Можно было бы догадаться, конечно, но теперь знаю наверняка.

Сердце все еще трепетало, как лист на ветру, но на душе было относительно спокойно даже несмотря на разбитое состояние и тот факт, что меня пробудил кошмар. Жаль только это спокойствие длилось недолго.

Сон — забвение. Ты засыпаешь, отбрасывая все проблемы, сбегая в спасительно комфортный мир иллюзий. Но затем приходит время проснуться. Ты открываешь глаза, вначале даже не до конца понимая кто ты и где ты. Но затем, подобно лавине непрочитанных писем, скопившихся у порога дома после долгого отсутствия, на тебя скопом начинает наваливаться осознание. Поток воспоминаний и тревог, с которыми ты засыпал, никуда не делся — он лишь терпеливо стоял над твоей кроватью, дожидаясь утра.

Так было и в этот раз. Я лежал голой спиной на прохладной траве, что совсем скоро покроется росой и глубоко дышал. Осознавал.

Прозрение не принесло ни капли радости, только стыд и чувство вины. Это мерзкая липкая смесь чувств становилась все более вязкой с каждым новым воспоминанием о недавних событиях. Одно за другим, образы резко возникали перед глазами застывшими во времени кадрами из памяти, перебивая собой мысли.

Воспоминание, как я иду к Элизе и Вульфрику полуголый. От стыда я скривил лицо и даже немного дернулся, словно увидел резкую вспышку.

Интересно, что подумала сама Элиза. Наверное была в ужасе от того, как выглядит её будущий муж.

Да я уже не говорю о том, как себя вел. Конечно, ранение было серьезным, но вот так вот вырывать платок из кармана Вульфрика? Любой другой на моем месте после такого бы уже хвастался своей дерзостью рыбам на дне реки, в ботинках из бетона. Наверняка он в ярости, считает меня теперь заносчивой малолеткой.

Отлично успокоил себя «Сдвигом». Еще пара таких спокойных моментов — и полетишь в психушку, Марк. Без обратного билета.

Сколько раз я почти что прямым текстом оскорбил Вульфрика? Даже считать не хочу.

«Мой отец в курсе, что вы хотите разорвать помолвку?»

Это единственная фраза, что не вызывала у меня чувства стыда. Все поведение моей суженной указывало именно на это. Хотя, снова же, не стоило наверное говорить об этом в такой обстановке, но черт с ним.

«Хватит» — единственное, что ответил мне Вульфрик. Фраза эхом разносилось у меня в голове. Похлопал меня по плечу, как какого-то мальчонку — сколько скрытой угрозы было в одном том жесте! Одним словом и жестом он показал, чтобы я заткнулся наконец и не позорил себя дальше.

Но я не заткнулся. Я продолжил. Солгал Вульфрику про то, что мы с охранником заблудились, о том что шли к автомату с едой, о том, что меня выкинули из окна…

Ведь понимал, что он не потерпит такого в собственной больнице. Что ему придется ответить на это, хотя бы ради того, чтобы сохранить авторитет перед своими людьми. Уже не говоря о том змеином клубке из более мелких кланов, что вечно вьется под ним.

Я собственноручно ввел в заблуждение главу клана Белецких и натравил его на СОБР и УБИ. Наверное, в каких-нибудь иных обстоятельствах таким можно было бы даже гордиться. Но вскоре ложь вскроется, и я представить не могу, насколько он будет зол.

Хорошо, что в итоге мне хватило мозгов свалить оттуда, страшно представить, что бы я натворил, если бы мне дали добраться до Рубана и Баркер.

«Это был не я,» — удобная, но увы, лживая фраза. Ведь я ясно помню свои мысли в тот момент. Они были моими. Но сейчас я их не понимаю. «Сдвиг» слишком опасен, это никак не простое «спокойствие».

И мне теперь расхлебывать все то, что я сам заварил. Я даже не могу понять все те планы, что вертелись у меня в голове.

Планы, которые меня, если честно, пугают. Они невозможны. Бессмысленны. Те выходки, что я творил перед Вульфриком — просто цветочки по сравнению с тем, что я хотел провернуть в дальнейшем.

Но сейчас-то я понимаю, насколько безумными были идеи, что лезли в мою голову.

Какой же идиот.

Свернуть себе шею. Помню свои мысли, когда делал это. Меня раздражало раненное тело, оно тормозило меня, а потому, рассудив, что мои больничные доводы касающиеся воскрешения довольно логичны, я без лишних нервов вышел и хрустнул

шейными позвонками. Да я себя сейчас чувствую так, словно от поезда в последнюю секунду увернулся. Конечно, хорошо, что теперь я убедился в их истинности наверняка, но от одного только воспоминания о том, как быстро мне удалось кончить себя, волосы на дыбы становятся.

А сейчас что? Возвращаться в особняк? Расхлебывать то, что заварил? А я даже не представляю, как это сделать, как себя вести по приезду. Меня сожрут и не подавятся.

Ставки слишком высоки, а значит нужно пасовать. В особняк Белецких мне дорога заказана, нужно отсюда уходить. Да так, чтобы меня не нашли. По крайней мере не сразу.

Я поднялся с земли, посмотрел на серый от грязи больничный тапок, сосед которого потерялся еще во время падения из окна, а затем затянул потуже окровавленную больничную робу. Окровавленный платок и тапок засунул в небольшие боковые кармашки.

Мда, найти бы одежду, иначе единственная толпа, с которой я смогу смешаться будет разве что цирком уродов.

Телефона тоже нет. И я не понимаю, где нахожусь.

За черту города мы выехать не успели. Значит, я сейчас в каком-то городском парке на окраине. Сейчас ночь и мало что можно рассмотреть вдалеке, однако те небольшие кусочки, что освещались расставленными через каждые десять метров фонарями, выглядели довольно прилично. Аккуратный и удивительно мягкий, как я смог лично убедиться, газон, узкие пешеходные тропинки, по которым должно быть довольно приятно бегать утром, и длинные скамейки создавали впечатление, что этим местом как минимум кто-то занимается. Черт, если глаза меня не подводят, то здесь даже есть красная велосипедная дорожка, что в наших краях большая редкость.

Нужно добыть телефон и позвонить Фридриху, попросить, чтобы забрал меня. Благо, я наизусть помню его номер.

Но сначала надо уйти в дальнюю часть парка, а затем и вовсе покинуть его.

Я избегал освещенных фонарями аллей и открытых пространств, предпочитая темные скопления деревьев. Идти быстрым шагом босиком по земле в ночное время суток, когда не видишь случайных веток и острых камней— та еще забава. Но я терпел.

Через десяток минут и сотни пройденных метров я достаточно отдалился от машины и немного сбавил темп. Потер стопы об икры, сбивая впившиеся в кожу мелкие камни и мусор, почувствовал каплю облегчения. Огляделся. Где-то с левой стороны от меня доносились молодые голоса.

Возможно, всё будет гораздо проще.

На одной из освещенных светом лавок, сидела парочка. Парень и девушка, с виду даже младше, чем я, мило прижимались друг к другу и о чем-то говорили. Он по всей видимости травил ей какие-то смешные истории и активно жестикулировал, в то время как она же в основном хихикала и вставляла короткие фразы, не мешая парню проявлять чудеса остроумия. Что же… нужно просто подойти и попросить позвонить, а затем дождаться Фридриха в какой-нибудь подворотне, с этим я точно справлюсь.

Я зашагал прямо к ним, нацепив на себя дружелюбную улыбку. Парочка настолько была увлечена разговором, что не слышала моего приближения сзади. Я встал позади них и на мгновение замер, разглядывая их затылки. Немного помялся с ноги на ногу и, наконец, заговорил:

— Извините, а можно попросить у вас телефон?

Они резко подскочили с лавочки и обернулись на меня. У обоих глаза по пять копеек, лица такие, будто увидели призрака. Девушка прикрыла рот руками и спряталась за парня.

А тот попятился назад и едва не сбил девушку, но вовремя заметил ее.

Следующее, что я увидел, это двух подростков с дикими криками убегающими куда-то вдаль по тропинке. Я что-то не так сказал?

А… ну да. Я снова осмотрел себя. Наверное окровавленная больничная роба и дружелюбная улыбка на лице не слишком хорошо сочетаются с ночным парком. О чем я вообще думаю?

Думаю, даже если бы я вышел и просто сказал «помогите», эффект был бы такой же. Черт.

Одежда явно куда более насущная проблема, чем я о ней думал вначале. Если не УБИ, то меня повяжут обычные дежурные полицейские и засунут в участок, а значит придется передвигаться с особой осторожностью. Идей, где бы раздобыть себе модный наряд у меня особо не было. Не вломлюсь же я в какой магазин посреди ночи. Вот холера.

Я почесал затылок. Окей, хотя бы знаю в какую сторону побежали эти пугливые ребятки. Следовательно можно предположить, что где-то там и выход.

Пройдя мимо целого ряда скамеек и фонарей рядом с ними, я завернул за поворот и вышел на длинную темную аллею, что выглядела довольно зловеще. Единственным освещенным элементом оказался большой монумент в самом её конце. Направился поближе.

Что же, монумент представлял собой подобие монолитной плиты внушительного размера — выше крон деревьев, вся

поверхность которой была расписана именами. Тысячами имен. Посреди монумента была вбита большая табличка с надписью «Никогда. Ни за что.», что являлась своеобразным выражением, которое используют, когда хотят выразить скорбь о павших во время Мировой Войны.

Мировая война была, пожалуй, образующим событием, что сформировало наш мир таким, какой он есть сейчас, к примеру, поделив территорию Европы между Империей на Западе и Республикой на Востоке. Несмотря на то, с момента её окончания прошло уже больше ста лет, война до сих пор играла важную роль в культурной самоидентификации населения Империи, да и наверняка Республики тоже. Правда, если отбросить пропаганду и сайты с теориями — что творится в Республике досконально не знал почти никто. Они были не меньше, а то и больше, чем Империя, но при этом оставались до смешного закрытыми. Просто так туда попасть было нельзя даже гражданам моей страны, де-юре сохранившую независимость, но де-факто существующей под протекторатом Империи и являющейся их колонией. Так вышло потому что мы находимся прямо на границе меж двух сверхдержав, а так как одним из условий перемирия было отсутствие общих границ, взять нашу территорию под свой прямой контроль Империя не могла.

Следовательно, информационные каналы из Республики были перекрыты. Говорят, что это следствие жестокого режима, который у них установился, но мне почему-то кажется, что и сам Император спит крепче, зная, что люди не думают лишний раз о республике. Уверен, что мы огораживаемся от них в инфополе не менее активно, чем они от нас.

Закончив рассматривать монумент, я оглянулся по сторонам. Сейчас не время размышлять о политике. Парочки со скамейки нигде не было видно, но найти выход теперь было легко. В самом конце длинной аллеи виднелись очертания большой арки, что выглядела довольно мрачно и несколько выбивалась из общего фона. К ней я и направился.

Аллея сама по себе была жутковатой. Ночь выдалась теплой и почти безветренной, но именно здесь, в ночной тишине, тот небольшой ветерок, что все таки гулял над вершинами деревьев был слышен лучше всего. Он мерзко завывал, как будто какой-то живой зверь и слегка наклонял тонкие березы, что были высажены с обеих сторон аллеи. В ночном свете они начинали походить на худые черные пальцы, пытающиеся дотянуться до земли, отчего становилось не по себе.

Наверное из-за того, что в попытке унять бегающий по спине холодок, мой взгляд был направлен на верхушки деревьев, я и не

заметил того, что произошло дальше.

Когда мои глаза опустились вниз, перед ними стоял небольшой темный силуэт. Сначала мне хотелось думать, что моё воображение играет со мной в странные игры, однако затем фигура начала приближаться ко мне. Только когда она подошла на расстояние нескольких метров, я понял что уже видел эти миниатюрные очертания. В темноте блеснули лазурные глаза.

Девушка из УБИ. Тина. От одного ее вида у меня заболела правая щека. Я вспомнил ту случайную пощечину, от которой едва устоял на ногах.

Я замер. Сделал шаг назад, не спуская с неё глаз. Она сделала два. Также смотрела прямо на меня. Хорошо, что мои ноги целы. Я сделал еще шаг, но она уже вполовину сократила расстояние между нами.

— Стой. — она произнесла это вполголоса, словно говорила «спасибо» кассиру в магазине.

Я развернулся бежать, но не успел пробежать и метра, как почувствовал, что мое запястье сковывает что-то тонкое, холодное. Кинув взгляд на руку я увидел один конец наручников на своей руке, а второй — на ее.

— Не дергайся, — флегматично произнесла девушка.

Это фиаско. Я смотрел то на руку, то на девушку, то снова на руку. Особо вариантов у меня не осталось. Сжав кулак свободной руки, я сделал выпад в сторону её лица, но… Тина перехватила мою руку и снова зарядила мне знакомую пощечину.

Да почему. Так. Больно.

Я едва устоял на ногах. Не знаю, кто она такая, но сорокакилограммовые девушки так не бьют. Мне показалось, что я краем глаза заметил как с её ладони сходит голубое свечение. Это бы многое объяснило.

— Попросила же не дергаться.

Девушка скрутила меня и повела через ночной парк. Мы оба молчали. Я — потому что в голове до сих пор звоном отдавалась пощечина. Ей же, видимо, нужно было просто увести меня отсюда, а не точить лясы.

Со стороны наша парочка, наверное, выглядела чертовски крипово: хрупкая с виду девчонка и «необычный» парень гуляют в четыре утра по парку в наручниках.

Какой-нибудь эксгибиционист в кустах икнул бы от страха при виде этой картины.

Девушка вывела меня через большую арку, к которой я так хотел добраться и подвела к небольшому «жуку» синего цвета, припаркованному на обочине. Уткнув меня лицом в крышу машины, она быстро перецепила наручник со своей руки на мою,

таким образом сковав обе мои конечности сзади. Тина одним движением отключила сигнализацию, а вторым открыла дверь, чтобы засунуть меня в авто. Затолкав меня внутрь, она убедилась, что я уселся и уткнула меня головой в переднее сиденье, после чего громко захлопнула дверь и села за руль. Черт.

Поездка была не самой удобной. Мне в колени постоянно упирались передние сидения минивэна, а наручники мешали почесать нос. Тина водила довольно странно, словно ей очень хотелось вдавить педаль в пол, но до конца она этого так и не сделала, лишь ускоряясь на каких-то определенных участках дороги. Каждый такой момент хорошо отдавался по моему лбу, что упирался о сидушку и я считал минуты до того момента, как мы наконец-то приедем в пыточную УБИ, или куда она меня там тащит.

Благо, считать пришлось недолго. Минут через пятнадцать езды она резко затормозила и вытащив ключи из замка зажигания, толкнула дверь. Окна были затонированы, а на улице стояла ночь, так что я не вполне представлял где мы сейчас находимся. Когда она всё же открыла заднюю дверь и жестом показала мне выбираться, я понял, что мои худшие догадки подтвердились. Мы в каком-то богом забытом районе. На стенах не было живого места от граффити каких-то местных банд, за заборами кричали кошки, а в дальнем конце улицы был слышен пьяный вой, за которым последовал звук разбитой бутылки. Ну точно. Где как ни здесь УБИ могло обустроить себе квартиру для допросов. Да даже если мои крики кто-то услышит и позвонит в полицию — никакой патруль в здравом уме сюда не сунется.

Я вышел из машины, Тина нахмурила брови и посмотрела на меня.

— Иди за мной. Быстро.

Даже если я сейчас побегу, вряд ли в таком виде мне удастся долго прожить в этом районе, так что не остается ничего, кроме как пойти за миниатюрным агентом в жуткого вида жилой дом, некоторые окна в котором были заколочены досками.

Она подвела меня к облепленной выцветшими объявлениями двери в подъезд, быстро открыла её и толкнула рукой внутрь.

— Нам на второй. — всё так же вполголоса произнесла девушка.

Обернувшись, я посмотрел на неё, глубоко вдохнул и нарочито глупо улыбнулся. Её это не впечатлило и до меня быстро дошло, что лучше просто пойти вперед, если мне дорога целостность моих почек.

Внутри пахло сыростью и жаренной рыбой, за одной из дверей на первом этаже женский голос громко на кого-то кричал,

а лестничные перила были безжалостно облеплены жеванной жвачкой. Мда. Я сглотнул ком в горле и стал подниматься по скрипучей лестнице. Что бы со мной здесь не сделали, надеюсь это будет хотя бы вполовину не так больно, как я себе представляю.

Добравшись до второго этажа, она остановила меня у одной из дверей, что когда-то по всей видимости была белой, а сейчас буро-желтой и поглядывая на меня каждые несколько секунд, принялась открывать её. Я в это время пытался придумать как себя вести, что говорить, и так далее, однако не могу сказать, что за эти короткие мгновения смог сформировать хоть сколько-нибудь вменяемую линию защиту. Ну, хотя бы знаю, что убить меня у них вряд ли получится.

Отчаянно нуждающаяся в смазке дверь открылась и я, крепко зажмурив глаза, вошел внутрь. Когда же я осмелился их открыть… передо мной предстала Тина, что смотрела на меня как на идиота, хлопая ресницами, и небольшая квартира, весьма прокуренная, но уж точно не похожая на пыточную.

— Чай будешь? — она приподняла бровь.

— А тортик есть? — я нервно ухмыльнулся, — Все таки, у меня сегодня день, мать его, рождения.

Глава 25

По внешнему виду квартиры Тины точно можно было сказать сразу несколько вещей.

Во-первых, не думаю, что она здесь появляется часто. Журнальный столик, вместе с пультом от телевизора, были покрыты пылью, около мусорки громоздилась целая гора пустых коробок от пиццы, лапши и прочей доставочной еды, а на комоде лежала кипа одежды. Всё указывало на то, что она здесь по большому счету только ночует, затем быстро собирается утром на работу и возвращается достаточно поздно или достаточно уставшей, чтобы готовить себе сама.

Во-вторых, она очень много курит. Я насмотрелся на заядлых курильщиков в нашем клане, тот же Фридрих мог выкурить залпом не одну сигару… но чтобы человек нуждался в ЧЕТЫРЕХ пепельницах на однокомнатную квартиру, расставленных по разным углам и заполненых бычками практически до отвала? Легкие Тины должны быть не светлее её одежды.

А в третьих, судя по всему, девушка предпочитала практичность в одежде. Около входа стояло три пары если не идентичной, то очень похожих друг на друга черных кед. Остальная же одежда тоже не могла похвастаться яркими тонами, но, судя по тому, что мы «познакомились» во время того, как она вела отряд спецназа на штурм… наверное кровь и грязь не так заметны на черном, не знаю.

Она сняла с меня наручники чуть ли не сразу после того, как я вошел внутрь. Я озадаченно приподнял брови. Странный ход, если честно. Но еще во время допроса в больнице я понял, что агенты УБИ не делают ничего просто так.

Открыв оба замка, девушка убрала сковывающую меня железку себе в задний карман и подошла почти вплотную, чтобы осмотреть измазанное кровью плечо. Я был выше ее на голову и дышал прямо в ее макушку. Присмотревшись и осознав, что никакой раны там больше нет, девушка заинтересованно хмыкнула и подняла взгляд вверх, глядя мне прямо в глаза.

— Ты свои зрачки видел?

— Конечно, видел, у меня как раз зеркало в заднем кармане лежит.

Тина опустила взгляд вниз и хмыкнула.

Неловко как-то. Я отвернулся от нее и отступил на шаг назад, оглядывая прихожую в поисках зеркала. Нашел я его быстро, но вот увиденное там мне не понравилось — зрачки у меня были такие расширенные, что от радужки осталась лишь тоненькая

полоска. Да и синяки под глазами выглядели совсем недоброжелательно, не говоря уже о потрепаном выражении лица.

— Ты вообще нормально себя чувствуешь? — донесся сзади голос Тины.

А как я себя чувствую? Дерьмово.

— Нормально, — буркнул я и отвернулся от зеркала, — Это просто аллергия.

— А выглядит так, будто у тебя отходняки, — Тина хмыкнула и, склонив голову на бок, на секунду задумалась. После чего умчалась к комоду и, покопавшись в нем с минуту, вернулась ко мне с полотенцем и халатом в руках. Пока девушка возилась, я то и дело поглядывал на дверь, но так и не успел ничего решить — стоит ли мне вообще пытаться сбежать или нет.

Девушка ткнула мне серым банным халатом в грудь

— Душ там, — она махнула правой рукой в сторону, — тебе не помешает.

Сложно было отказаться от такого предложения — я, не говоря ни слова, поволочил ногами по пустому коридору к ванной комнате, спрятанной за обшарпанной дверью.

Честно говоря, за прошедшую неделю я и забыл, как приятно бывает постоять под теплой водой, смывающей с тебя грязь и, частично, усталость. Кровь с моего тела стекла к ногам и унеслась в водосток, в кой-то веки я ощутил себя свежо. Горячая вода расслабляла. И все бы ничего, вот только взяв с душевой полки мыло, стало понятно, что у меня возникают некоторые трудности с тем, чтоб его удержать. Руки дрожали сами по себе. И дело не в страхе. Немного наклонившись вперед я зажал руки подмышками и попытался угомонить тремор, но это не помогало.

Проторчав в ванной в общей сумме минут пятнадцать, я выключил воду и нацепил на себя халат.

Когда я вышел, Тина уже приготовила чай и сидела в кресле у журнального столика, свесив руки между ног. Ждала меня. Медленно усевшись напротив неё, я посмотрел сначала на горячую чашку с чаем, а затем на девушку.

— Как ты меня нашла?

Она глянула на меня исподлобья, а затем указала пальцем себе на глаза.

— Синестезия.

— Что?

— Магическая синестезия. Это как… болезнь, — по какой-то причине она звучала так, словно заставляла себя говорить. — Сложно объяснить, если этого нет. Это как объяснить слепому как выглядит красный цвет — я вижу магию, а как это объяснить, не

знаю, — Тина немного по-детски развела руками.

— Поэтому ты заметила меня на крыше?

Она кивнула.

— И… так ты нашла меня в парке?

Она еще раз кивнула.

— Пей чай, — Тина показательно сделала небольшой глоток, — Не волнуйся, там никакого яда. Наоборот.

Я ненадолго замолк и двумя руками попытался взять чашку с чаем. Они все еще дрожали, но вода по крайней мере не выплескивалась за край. Я смог сделать глоток.

По ощущением сахара было столько, будто она не сахар добавляла к чаю, а налила немного чая в полную чашку сахара. Вкуса не чувствуется от слова совсем. Впрочем, он приятно согревал, а о большем я не просил.

— И любой маг оставляет за собой такой длинный след? — спросил я наконец.

— След? Не было никакого следа. И нет, не любой маг.

— Извини? — я не совсем ее понял.

— Ты… эм… ярче других. Как бы объяснить, — Тина постучала пальцами по столу, — Я решила поехать за тобой, когда увидела что, ты загорелся возле… — она нахмурилась, вспоминая имя, — Белецкого.

— Загорелся? — до меня начинало доходить, что Тина довольно своеобразная девушка и, похоже, отвечать на все мои вопросы не собирается.

— А когда ты уехал… в парке, это было как… лучи в небо. Я знала, где тебя искать, за километры.

— Погоди-погоди, то есть ты… — я хотел уточнить для себя несколько деталей, но она меня перебила, еще раз показав пальцем на свои глаза.

— Я рассказала тебе свой… секрет. Твоя очередь.

Похоже, сказать, что я с детства просто хорош собой, не вариант. Особенно учитывая, что она работает в УБИ и наверняка знает куда больше, чем говорит. В том числе и об инциденте с саркофагом.

— Понятия не имею, что ты хочешь от меня услышать, — я сжал чашку с чаем в дрожащих руках, — сам не знаю, откуда это во мне.

— Врешь. Ты был в мертвом городе. — она вытащила из кармана квадратную пачку сигарет.

— Это все знают.

— Но не все знают, что сосуд скверны пропал. — Тина сделала паузу и подкурила, — А тебя нашли рядом с саркофагом.

Я замер и поднял голову от чашки с теплым чаем. Меня

начало немного развозить, впервые за несколько дней ко мне пришло хоть какое-то чувство уюта. Даже безопасности, если угодно.

За пеленой серого дыма её лазурные глаза выделялись особенно сильно, их цвет был несколько неестественным, возможно поэтому мне начинало казаться, что девушка смотрит мне прямо в душу.

Даже судя по тому, что она уже успела мне сказать, легко можно сложить два плюс два. Не будь у неё этой синтезии, возможно, я еще и смог бы что-то наплести, но сейчас продолжать отпираться было бы попросту глупо. Я догадался, что если бы не был зачем-то нужен УБИ, весь этот разговор бы сейчас не происходил. Похоже, наступило время рассказать о произошедшем.

— Вместе со мной в поезде ехал ст…, - она подняла руку с сигаретой вверх, тем самым перебивая меня.

— Меня не особо интересует начало, лучше расскажи, что случилось в самом конце.

— Родион, старик, про которого я говорил твоим… друзьям, сломал мне ноги и попытался перепечатать энергию из сосуда, которым, эм… был его сын, в меня.

Думаю у него ничего не получилось.

Она склонила голову вбок.

— Думаешь? — у неё словно была чуйка на те моменты, когда я вру.

— Ладно… мне кажется, что получилось. Сосуд теперь, получается, я, — карты на стол.

— Ты ведь знаешь, как обычно выглядят сосуды? — девушка окинула меня взглядом с головы до ног. — Тебе должно быть больно.

— Да, но нет. Не знаю, как много УБИ обо мне известно, однако в мой десятый день рождения…

Я вкратце пересказал ей принцип работы Уробороса и мои догадки, связанные с тем, почему скверна не смогла подчинить меня себе. Девушка с интересом выслушивала мой рассказ, и я заметил, что ближе к его концу она о чем-то сильно задумалась.

— Почему я увидела такую яркую вспышку в парке?

Нет-нет-нет, туда мы не пойдем. Есть некоторые вещи о которых посторонним знать совершенно необязательно — сексуальные предпочтения, болезни и состояние банковских счетов, например, всегда лучше держать при себе. Фактическое бессмертие безо всяких сомнений становится в один ряд с ними. А потому нужно придумать что-нибудь, хотя бы отдаленно напоминающее правду.

— Я тестировал способности.

— Ночью? В парке?

— Тебе не понять. До инцидента я почти ничего не умел, но буквально несколько часов назад понял, что вместе с энергией… у меня появились новые способности, или изменились старые, не знаю, как лучше объяснить. А когда после долгого бессилия у тебя наконец-то появляется возможность что-то изменить, ты….

— Не можешь терпеть и секунды, — Тина загадочно улыбнулась, впервые за все время, что я её видел.

Я внутренне выдохнул. После чего на секунду задумался и добавил:

— Наверное, из-за тех моих «тестов» в парке у меня сейчас такой подбитый вид, — я захлебнул еще чаю, опустив взгляд. Почему-то мне было неприятно лгать.

Тина мягко улыбнулась. Разговор продолжился.

Чем дольше мы говорили, тем сильнее я убеждался в том, что магическая синестезия накладывает свой отпечаток на личность владельца. Как бы я не старался, перебирая эпитеты, которыми можно было описать внешний вид и поведение девушки, ничего лучше немного грубого «странная» в голову не приходило. Она словно думала куда больше, чем говорила. Иногда вообще создавалось впечатление, что Тина витает в облаках и не слушает тебя, но спустя секунду она каждый раз доказывала, что это не так, задавая уточняющий вопрос или докапываясь до одного из случайно брошенных слов.

В какой-то момент мы вернулись к тому, что произошло в больнице и рядом с ней. К концу рассказа она докуривала уже третью сигарету, ничего нового я для себя не узнал. Её заинтересовало то количество энергии, что от неожиданности чуть не ослепило её в больничном коридоре, и она решила последовать за мной, в надежде, что меня не сразу повезут к Белецким. Единственное, чего я не понимал, так это почему я сейчас здесь, у неё в квартире. Этот разговор нельзя было провести в офисе УБИ, или где они там сидят? Сомневаюсь. Она пошла за мной, нарушая все правила и законы своей службы чисто из-за интереса? Мне бы это польстило, но в остальном — сущий бред.

— Что мне теперь делать?

— Спать.

Тина поднялась и достала из кармана белый телефон. Я проводил её взглядом до окна, где она по всей видимости отправила кому-то сообщение и уставившись на улицу ждала ответа.

Я устал не столько физически, сколько эмоционально. Какое-то время еще наблюдал за Тиной у окна, а потом сам не заметил как глаза закрылись, и я провалился в сон на мягком кресле.

* * *

— А медицина-то у нас не такая плохая, как все говорят. Вон как за два дня на ноги поставили, хэ.

Я проснулся под знакомый хриплый голос и вонь табака. Перед глазами появились мутные очертания агента Рубана. Честно говоря, я не сразу понял, где вообще нахожусь, но спустя мгновение события прошлой ночи пронеслись у меня в голове на быстрой перемотке и я вмиг взбодрился. Рубан стоял над креслом и разглядывал мои ноги, на которых не было ни следа от переломов. Вспомнив, какое «удовольствие» общаться с этим человеком мне приносила каждая наша встреча, я съежился и хотел было резко дернуться на выход, но затем решил не выдавать себя и послушать, о чем они вообще говорят.

— Серьезно, то херотень какая-то. Я читал медицинскую карточку, его всю жизнь невозможно было нормально исцелить, — он сказал это, повернув голову в сторону. Может, я и не видел, кто именно стоял сбоку от кресла, но догадаться было нетрудно.

— Тина, ты выяснила, как так вышло? — агент Баркер звучала довольно уставшей, похоже не у одного меня была забавная ночка.

— Нет, но он говорил, что у него появились новые способности. Ничего конкретного.

— Хотя бы так. — Баркер цокнула языком.

Рубан встал и осмотрелся, на столике между креслами стояла пустая чашка, на которую падал солнечный свет через окно.

— Ха, Тина. Пацана чаем отпаивала? В доверие входила? Классика, — заключил Рубан.

— Прямо по учебнику. Всегда думала, что это не в твоем стиле, — Баркер хмыкнула.

Тина, что стояла всё у того же окна, где я видел её перед сном, приподняла правую бровь.

— Да нет, он мне просто понравился.

Оба агента синхронно поперхнулись воздухом и неловко замолчали.

— А если серьёзно, — продолжила Тина, — то это было самым разумным в его случае. Я, знаете ли, видела, как выглядит отходняк от способностей, изменяющих сознание.

— Изменяющих сознание? — сощурился Рубан. — Хочешь сказать, там, в клинике, он был под магической наркотой?

— А ты сложи два и два, — неожиданно поддержала эту версию Баркер. — Вспомни, как он там себя вёл. Готова спорить, когда эффект прошёл — он принялся рыдать, как маленькая девочка, и рефлексировать во все поля. Магия магией, а биохимию не изменишь.

А? Это кое-что объясняло. И действительно, после своего перерождения ночью я вёл себя… не совсем нормально. Если до того я неожиданно стал уверенным в себе и твёрдым, как кремень — сумел даже говорить с Вульфриком на равных! — то затем наоборот, ударился в нерациональные, даже через край, эмоции.

Так значит, такого эффекта стоит ждать после каждого применения «Сдвига»? Или есть какой-то способ… всё же обмануть биохимию?

Рубан покачал головой и повернулся ко мне.

— Так, ну, хватит, думаешь, сощурился и в домике? Подъем.

Я лениво открыл глаза и произнес:

— Дайте пожрать, а потом хоть в тюрьму, серьезно.

Баркер протянула Рубану какой-то пакет.

— Вот тебе пища. А вот, — он положил коробку с пиццей на стол, а сверху бросил бежевую папку, — Пища для размышлений.

Агент Рубан явно был доволен таким изысканным каламбуром.

— Что это? — я нахмурился, посмотрев на стопку бумаг.

— Дело о тройном убийстве в поезде, замечательная история, тебе понравится.

История и правда была занимательной.

Исходя из того, что я прочитал — никаких стариков в поезде не было, они не покупали билетов в кассе, а еще их нет ни на одной камере видеонаблюдения. Дальше больше.

Следствие пришло к тому, что я сам сорвал пломбу со стоп-кране, а затем, в завязавшемся споре с проводником, убил его голыми руками. Ну, а что, подозреваемый ведь пробужденный, кто знает, на что он способен. В результате имеем труп и остановку поезда в мертвом городе. Следствие также считает, что место остановки было заранее спланированным.

Потом, значит, я отправился в другой вагон и сам завязал там драку с невиновным парнем, когда тот попытался не пустить меня на улицу. Это подтвердили все свидетели. Затем я пропал, вернулся и сказал, что в поезде не было ни машиниста, ни проводника, сейчас они считаются пропавшими без вести. После чего забрал с собой того самого парня, с которым у меня был конфликт. А когда мы вернулись, Никита Санчес повел себя

неадекватно, взял у подозреваемого мобильный телефон, убежал в другой вагон, подозреваемый ушел вслед за ним и закрыл за собой двери.

Далее показания свидетелей путаются. Следование решило прорабатывать версию событий, где я спланировал смерть коротышки. Затем, я, разумеется, скрылся из поезда. Далее меня уже нашли в мертвом городе, всего переломанного. Специфика такого места позволяет предполагать абсолютно любой характер этих травм.

Предварительно — я свалился с обрыва при попытке покинуть место преступления.

И, наверное, прополз несколько километров до саркофага? Они там совсем идиоты? Честно сказать, мне пришлось сильно постараться, чтобы не швырнуть папку с этим бредом агентам прямо в лица.

Я возмущенно хмыкнул.

— С удовольствием посмотрю на то, как вы все это будете доказывать. Их слово против моего. Да еще и обсуждаем это всё мы сейчас без адвоката. Думаю, мне сейчас лучше посидеть молча… нет, после того, как я позвоню своему человеку, я буду сидеть молча.

— Марк, — Рубан выдохнул, — Ты хочешь, чтобы это дело стало публичным? Ваши драгоценные кланы, — на его лице явно читалось презрение, — ведь очень пекутся о своем статусе, верно?

Я закатил глаза и злобно сцепил зубы. Рубан заметил это и хитро ухмыльнулся.

— А если я скажу, что есть вариант, при котором эта папка может просто исчезнуть?

Я посмотрел Рубану прямо в глаза.

— Не интересно, — я старался удерживать лицо беспристрастным.

Рубан закатил глаза.

— Ладно, а что если я скажу, что целью ночного рейда было предотвратить еще одно покушение на тебя? — он на секунду замолчал, — Мы знаем то, чего не знаешь ты.

Теперь уже я выдержал паузу.

— Китайский? — я нервно ухмыльнулся.

Глава 26

Рубан на секунду скривился. Тина хмыкнула у него из-за плеча.

— Баркер действительно знает китайский, умник. — он произнес с издевкой, — Так что да, и это тоже.

Ну да, кто бы сомневался.

Я невольно окинул голодным взглядом коробку из-под пиццы, привлекательно лежащую на столе, а затем свое тело, едва прикрытое небольшим розовым халатом, и вздохнул. Не самое лучшее время вести подобные разговоры.

— Да ешь уже, ей-богу.

Агент забрал из моих рук папку с делом и, вытащив из кармана своего затасканного пальто телефон, ушел на кухню.

Я посмотрел на Тину и Баркер, приподняв бровь. Девушки пристально смотрели на меня, наверное пытались уловить реакцию на предложение агента Рубана. В такой обстановке было несколько сложно вести себя естественно, однако…

Черт с ним, мне правда очень хотелось есть.

Я уже было потянулся за пиццей, однако агент Баркер меня опередила. Девушка открыла коробку прямо перед моим лицом. Мне показалось, что как-будто заиграла музыка, а из открывшейся коробки ударил столб света. Во рту резко стало слишком много слюны. Думаю, этого хватит, чтоб передать, насколько я был голоден.

Баркер кивнула на пиццу. Я оторвал себе кусок и жадно набросился на него. Еда показалась настолько вкусной, что я даже не сразу заметил, как девушки уселись напротив меня и тоже взяли себе по порции из коробки. Если б мне кто-то вчера сказал, что утром я, в розовом халатике буду завтракать с агентами УБИ посреди квартиры в трущобах — я бы рассмеялся ему в лицо.

— Ну почему он всегда берет с ананасами? — Тина скорчила недовольное лицо.

— Всепоглощающая ненависть Рубана распространяется не только на кланы, но и на вкусовые рецепторы окружающих, — Баркер грустно вздохнула, — уж я-то в этом убедилась за пять лет в напарниках.

— Отвратительно, — кивнула Тина.

О чем это они? Пицца с ананасами — лучшее, что придумало человечество! По крайней мере, мне сейчас так казалось.

Не знаю, сколько я съел. Голод доконал меня настолько, что глаза застелила пелена, которая спала только в тот момент,

когда, потянувшись за очередным куском пиццы, я обнаружил, что коробка пуста, на ней остались лишь кусочки ананасов, которые Тина аккуратно снимала с пиццы и складывала в какой-то узор на коробке. А девушки не успели даже доесть то, что взяли изначально. Упс.

— В последнее время в моём теле больше свинца, чем еды, извините. — не считая супчика от Фридриха, я нормально не ел с тех пор как уехал из дому.

Девушки ухмыльнулись.

Они продолжали обсуждать что-то совершенно отвлеченное, как будто мы сидели не на съемной квартире агента УБИ, в которой меня пять минут назад обвиняли в трех убийствах, а на летней террасе какой-нибудь кафешки у берега моря. Очередная методика для того, чтобы втереться в доверие? Показать, «мол, мы тоже люди»? Не удивлюсь, если так.

В какой-то момент Тина заметила, что я просто сижу без дела и пялюсь на них, после чего враз стала серьезнее. Она посмотрела мне прямо в глаза.

— Кто-то, кроме нас, знает о том, что произошло со Скверной?

— Если бы ты не видела меня насквозь, то я бы и вам не стал рассказывать, — глянув в сторону, я размял шею. — Нет, конечно.

Девушки переглянулись, им явно понравился этот ответ.

— Значит, пусть так и остается. — агент Баркер задумалась, — Никто не должен знать об этом, ради твоей же безопасности.

— Очень приятно знать, что люди, которые пытаются закрыть меня за то, чего я не делал, беспокоятся о моей безопасности. Учту, — я произнес это с тонкой ухмылкой. За кого они меня держат?

Баркер закатила глаза.

— Мне казалось, что ты достаточно смышленый, чтобы понимать — УБИ не могло составить такое дело. Официально мы даже не выносили тебе никаких обвинений. Вся та папка — плод работы местных следователей. И поверь, они слишком ленивы и слишком тупы, чтобы напрягаться и притягивать за уши факты без команды сверху.

— Только это не мешало и вам заявиться ко мне с их же «обвинениями», — фыркнул я.

— Правда? А УБИ тебе хоть раз выставляло какие-то обвинения? —

— Но… — я так и застыл с поднятым вверх пальцем.

А ведь и вправду, с чего я решил что они меня в чем-то обвиняют? Ведь если вспомнить их слова в больнице — они

говорили что хотят мне помочь и разобраться в том, что произошло. Что я в списке подозреваемых.

«Мы хотим тебе помочь и разобраться в том, что произошло… но сейчас ты в списке подозреваемых в убийстве троих человек.»

«Мы понимаем, что скорее всего ты ни в чем не виноват, но если ты не будешь сотрудничать… ты молодой парень, Марк, я не хочу, чтобы вся твоя жизнь пошла наперекосяк…»

Их слова звучали примерно так.

— Черт, — я тяжело выдохнул.

Агент улыбнулась, заметив мою реакцию.

— Оказалось, что нас изначально дезинформировали. За нос водили. Многое не сходилось. Очень многое.

В принципе, это объясняет, почему они так набросились на меня в день допроса. Однако, стоило мне встать в штыки, как агенты быстро отступили.

— Если ты согласишься с нами сотрудничать, поможешь нам… то мы поможем тебе. Защитим от тех, кто хочет тебе навредить.

Я чуть было не рассмеялся.

— А какая из тех пуль, что ваши люди выпустили меня в больнице, должна была защитить меня первой — летящая в плечо или в голову?

Со стороны кухни раздраженный вздох Рубана, он повысил голос, чтобы его было слышно из другой комнаты.

— Значит ты решил, что эти местные бараны — наш УБИшный спецназ? Может, нам сразу стоило императора вместе с дочуркой прихватить на штурм, а?

Агент Баркер закатила глаза с выражением «опять он за своё».

Рубан же, словно через стену прочитавший эту реакцию добавил:

— Извините-извините, конечно же я имел ввиду «её высочество принцессу».

— Я подумала, что увидела на крыше убийцу. Ты ведь должен был быть прикован к постели. — внезапно в разговор включилась Тина, — Поэтому они начали стрелять. Так нам сказали.

— Неубедительно, — я все еще помнил как началась пальба, мне казалось, спецназ должен быть в достаточной мере натренирован, чтобы не терять самообладание даже когда происходит что-то из ряда вон выходящее. Вроде той же включившейся сирены.

— Ясен хер, неубедительно, пацан, — снова вклинился Рубан с кухни. — Но подумай о том, кто держит за яйца всё в этой стране, включая полицию. И сложи дважды два.

Моей крови хочет один из кланов?

— Это все, конечно, очень хорошо, но к чему вы ведете? — нужно подбираться ближе к сути.

Баркер выпрямилась и посмотрела на меня, сложив руки.

— Если ты хочешь продолжить этот разговор, нам нужно подписать документы о неразглашении. То, что ты услышишь далее не должно покинуть эту комнату.

Я сразу себе представил документ с огромной красной печатью «совершенно секретно» и чуть было не рассмеялся, но вовремя вспомнил, кто передо мной сидит, и взял себя в руки.

Девушка продолжила:

— Еще мы добавим в этот документ пункт о неразглашении случившегося со Скверной. Либо так, либо…

— Разгребай эту кучу сам. — в комнату вернулся Баркер с еще одной папкой, эта была толще предыдущей.

— Знаете… — я посмотрел на ожидающих ответа УБИшников. — Уж как-нибудь разгребу. Дело развалится в суде, вы сами это понимаете. Публичность меня не пугает, да как и ваши россказни, впрочем. Не думаю, что моя репутация, — я хмыкнул, — может пострадать еще сильнее.

Рубан скрестил руки на груди и посмотрел мне в глаза.

— Тебе нужно не о репутации думать, а о ублюдках из кланов, что хотят тебя грохнуть.

— Я и сам ублюдок из клана.

— Да ну? Насколько мне известно, у тебя не лучшие отношения со своими.

— Я на приеме у семейного психотерапевта сейчас, или как? Потому что если нет, мои личные отношения вас волновать не должны. Если они не смогли убить меня два раза, вряд ли получится и в третий. К тому же… скоро у меня свадьба. После неё в моей власти будет достаточно ресурсов, чтобы разобраться во всем этом бардаке без вас.

— Свадьба, говоришь? — Рубан улыбнулся. — Как хорошо ты знаешь Элизу Белецкую?

— Достаточно хорошо, — конечно, это ложь. Честно говоря, я так и не понял что она за человек. Её профиль в «Постере» был, по факту, единственным источником информации о ней. А как я уже говорил, в «Постере» все пытаются казаться тем, чем не являются. С чего бы этому правилу не распространяться на Элизу?

Баркер заметила, что мы с Рубаном не то чтобы хорошо ладим, и решила взять бразды переговоров на себя.

— Если подпишешь документ о неразглашении, то узнаешь кое-что интересное — о госпоже Белецкой в том числе. К тому же… это тебя ни к чему не обязывает. Ты просто должен будешь держать язык за зубами касательно некоторых вещей, которые мы

тебя расскажем… и покажем далее.

— Мне не интересно.

— Это ты сейчас так думаешь.

Я прикусил губу.

— С моей стороны все это выглядит так, будто вы хотите взять «на понт», — эти черти нащупали мое слабое место — предстоящий брак, — Вы еще не сказали ничего конкретного. Лишь обещаете раскрыть некую «правду» после подписания договора. А я не то, чтоб привык подписывать всякие бумажки без присутствия адвоката.

Беркер вздохнула.

— Это стандартная форма, — объяснила она и вытянула мне лист, в самом верху которого жирным шрифтом было написано:

«Договор о неразглашении конфиденциальной информации»

Текущий город. Пустые поля дат. И стандартная шапка договора: кто и с кем заключает договор.

Действительно стандартная форма. Я не особо силен в юриспруденции, но в жизни доводилось видеть подобные договора. Клановые заключают их постоянно, когда нанимают работников на выполнение самых простейших заданий, вроде строительных работ. Даже моя няня в детстве подписывала подобный договор — даже не спрашивайте, откуда я это знаю.

Срок — двадцать пять лет.

Присутствует пункт о форс-мажорных обстоятельствах.

Все «наказания» у этого договора действенны только на территории Империи. Так что в худшем случае за распространение этой информации меня объявят преступником в Империи и УБИ выставит требование провести мою экстрадицию на территорию их государства.

Этот момент меня, конечно, немного напряг. Ведь это может стать их «лазейкой» и официальным поводом депортировать меня под свой полный контроль. Вот только я не уверен, где мне будет безопаснее — среди «своих» или «чужих». Особенно если окажется, что все, чем они меня пугали — правда.

Баркер как будто прочитала мои мысли.

— Догадываюсь, о чем ты там думаешь. Но нам не нужна ходячая бомба массового поражения на территории Империи, — она хмыкнула, — Потому настоятельно просим никому не сливать эту информацию.

Я глубоко вздохнул.

— Ладно.

При первой же возможности я свалю от вас.

Оформление документов заняло не больше десяти-пятнадцати минут.

— Ну наконец-то. А теперь взгляни-ка, — Рубан бросил мне на колени папку.

Я глянул на присутствующих, покачал головой и открыл её.

Внутри было действительно много информации. Почти вся она касалась мертвых городов.

Я не совсем все понял, но из прочитанного вырисовывалась довольно жуткая картина. Мертвых зон в пределах нашей страны за последние два десятка лет стало куда больше. Появлялись новые, расширялись старые… Это странно само по себе, однако, больше всего вопросов вызывали другие документы.

Пробежавшись глазами по первому десятку страниц с подробным описанием динамики распространения Скверны, я перевернул очередную страницу и наткнулся на целую серию снимков со спутника. В тех городах, что были в опасной близости от пораженных Скверной территорий, совершенно нелогичным способом смещались жилые зоны, настолько нелогичным… что некто параноидальный мог бы решить, что власти специально выстраивают трущобы и переселяют людей на территории, что в обозримом будущем станут осквернёнными. Далее шли фотографии, на которых были запечатлены люди, что разгружали «неопознанные объекты» с поездов. Любопытно было отметить, что на двух или трех фотографиях поездов общей была всего одна деталь. Странного вида тягачи, прямо как в том поезде, где ехал я. Еще тогда мне показался странным выбор именно такой головы состава, но теперь… по спине пробежал холодок. «Неопознанные объекты» напоминали гробы. Дешевые, цинковые гробы. Эти… объекты стаскивали на территорию осквернённых городов, и, по всей видимости, оставляли там, под влиянием Скверны.

Я сглотнул ком в горле. Во что я сейчас ввязываюсь? С каждой страницей во рту пересыхало.

Далее следовала на первый взгляд не причастная к предыдущей информация о составе кланов нашей страны. Исходя из того, что я вычитал про свой клан, данные о численности были плюс-минус похожи на правду. Честно признаться, я не понял к чему это, в такой папке, однако, когда дошел до вкладыша с кипой графиков, мурашки по позвонку забегали еще активнее.

Прямо пропорционально увеличению территорий мертвых городов, росло и количество пробужденных в составе крупных кланов. И подавляющее большинство новых бойцов происходило из тех самых трущоб, что какие-то жалкие двадцать лет назад были сдвинуты поближе к скверне.

Я отложил папку и выдохнул.

— Что за е**ный п***ец!

— Сам бы лучше не сказал, малец, — Рубан наклонился ко

мне. — Теперь ты понимаешь, почему поезда ходят через мертвые города?

— Я вообще ничего не понимаю.

Пока я читал, Тина закурила очередную сигарету. В перерывах между затяжками она бегала глазами по комнате в ожидании того, когда я закончу. Выслушав мою ругань, она потушила бычок и сцепила руки.

— Пробуждение не происходит просто так. Чем больше Скверны, тем больше пробужденных. Поэтому война и закончилась. Империя и Республика осознали, что если они продолжат использовать пробужденных в битвах, если те начнут погибать… вся Европа, а то и весь мир, превратится в один большой мертвый город. Эту информацию пытались скрыть, как могли, однако… какое-то время назад кланы в вашей стране пронюхали об этом.

— Н-но зачем им столько… пробужденных солдат?

В этот раз заговорила Баркер.

— У вас нет регулярной армии. Весь пограничный альянс управляется кланами, каждая из пяти приграничных стран — марионетки, наши, республиканские… плевать. А когда нет самодостаточной власти, да еще и подкрепленной армией…

— Все в свои руки берут куски говна в больших особняках, прикрывающиеся громким словом «кланы». Многолетние традиции, аристократические замашки… конечно. Во что не наряди банального головореза, он всегда им и останется — головорезом и бандитом. И у нас есть все основания полагать, что все происходящее с мертвыми городами — часть их плана… мы не знаем всех деталей, однако, чтобы они не задумали, это явно подрывает безопасность Империи. И если мы не сможем разобраться с ними своими силами, вся твоя страна может оказаться под угрозой. Император не из терпеливых.

— Мой клан в это тоже вовлечен?

— Мы не можем сказать наверняка. Однако… подумай, кто именно набирает вес в вашем клане в последнее время.

Он имеет в виду семью моей матери. Чернокнижков. Может, меня не особо посвящали в клановские дела, однако, я не слепой и не глухой. Отец всегда считал их головной болью… и я не могу с ним не согласиться. Дядя Рональд был омерзительным типом.

— Черт… — я схватился руками за голову. Слишком много свалилось за какие-то полчаса.

Почему-то я вспомнил правых из поезда. Просматривая профиль Макса, я не обратил внимания на лозунги, которым пестрела его страничка. Однако, думая о них сейчас, заметил, что кое-что могло иметь смысл. Ненависть к кланам может быть

обусловлена не только нищетой.

— Хорошо… каким боком здесь Элиза?

— Тебе знакома корпорация «Локк»? — теперь говорила Баркер.

Я сцепил зубы.

— Да.

— Будучи крупнейшим медиа-магнатом в вашей стране, они контролируют львиную долю СМИ. Думаешь… просто заниматься тем, чем занимаются кланы, и держать всё в тайне? Или просто стать крупным магнатом без поддержки кланов? — я покачал головой, — Вот и мы так думаем. У нас есть все основания полагать, что у Элизы есть какого-то рода отношения с наследником корпорации, Августом Локком.

— Эти сволочи друг другу руку моют, как их папани, так и они сами. Яблоко от яблони, Марк. — прохрипел Рубан.

Я вспомнил историю Августа из больницы. Вероятно ли, что этот ублюдок хочет стать аристократом? Да, конечно, у него есть деньги и влияние… однако у него нет даже такого статуса, как у меня. А если я о нем и могу сказать что-то точно, даже не общаясь лично, так это то, что у парня ЭГО огромных размеров. Он решил, что может развлекаться с невестой аристократа… да еще и насмехаться над ним? И всё ради чего, чтобы травить собственную же страну?

Агенты отшатнулись от меня; даже не глядя вниз, я понимал, что мои руки почернели.

Черт, сейчас не место.

Спокойной осталось только Тина.

— Ты… меня слепишь.

Мне хотелось рвать и метать, пойти в особняк Белецких и вырвать паре человек глотки… однако, если я что и понял, когда был под Сдвигом, так это то, что хладнокровием можно добиться куда большего, чем эмоциями. Поэтому, посмотрев в лазурные глаза Тины, я пересилил себя и глубоко выдохнул.

— Что вы от меня хотите?

Рубан понял, что несмотря на активированное проклятие, угрозы лично им я пока не представляю, и схватил со стола пачку сигарет принадлежавших Тине.

— Мы хотим предложить тебе сотрудничество. Нам нужен человек, который будет способен помочь нам вычислить всех причастных. В свою же очередь, мы поможем тебе с этим, — он указал на папку с моими «обвинениями», - и вместе вычислим тех, кто хочет причинить тебе вред. У Уби много ресурсов.

— Хотите, чтобы я пошел против кланов?

— Как ты думаешь… узнай кто-то из них о твоих

особенностях, как много времени пройдет перед тем, как они придумают как использовать тебя? Вульфрик очень заинтересован в Скверне. Да мы считаем, что весь шестой этаж его больницы — это одна большая лаборатория. В которую у тебя есть все шансы угодить в качестве подопытной крысы. И поверь мне… он заметил, что ты стоишь на ногах. И очень скоро Белецкий начнет задаваться вопросом, почему так вышло.

— Это в твоих же интересах, Марк. — произнесла тем бархатным голосом, который я запомнил во время больничного допроса, Баркер. — И, чтобы ты понимал разницу между узаконенными бандитами и людьми, которые реально пытаются помочь… в случае согласия мы сначала займемся твоими «проблемами», а затем уже перейдем на кланы.

Я хрустнул костяшками ладоней, окрашенных в черно-красный цвет от проклятия.

Ну и что мне делать?

Глава 27

Рубан и Баркер прожигали меня взглядом, ожидая ответа.

Я же закрыл глаза и глубоко вдохнул.

Успокойся, Марк.

Что мы имеем? Судя по всему, кланы наращивают мощь, забив на мораль и законы. Однако для чего? У медали есть две стороны, сейчас мне показали лишь одну и уже вынуждают принять решение без возможности здраво взвесить все за и против.

Далее. Эта деятельность кланов затрагивает интересы Империи, защитой которой занимается УБИ. На то они и Управление Безопасности Империи. Моя страна для них явно не больше, чем инструмент. Как и я.

Очевидно, что меня вербуют. Однозначно, я им для чего-то нужен. Логично, что они хотят иметь своего человека в клановых верхах. Сейчас они сделают меня своим должником, «возьмут под защиту», а потом еще и помогут наследнику сохранить свои позиции в клане. А в результате у них будет свой человек в верхушке местных кланов и будущий глава клана.

Насколько «полезной» может быть их помощь? Вот если без эмоций, скажи честно, Марк, стоит ли эта игра свеч? Раньше мои амбиции ограничивались нежеланием жениться на Элизе, но теперь… вместе с силой, пусть и такой, которую я сам не понимаю, ко мне пришли и возможности. Раньше я мог претендовать только на номинальное лидерство в объединенных родах Ротт и Белецких, сейчас же… есть все шансы стать чем-то большим. Но искреннее сотрудничество с УБИ погубит эту перспективу. Работать на Империю и предать свой клан… ради чего? Чтобы меня не убили? Или чтобы узнать про грязные дела других кланов? Что-то мне подсказывает, что когда я стал бы главой клана или того раньше, то все равно узнал бы про них.

Забавно еще то, что, по факту, мне не сообщили про Элизу ничего такого, чего бы я сам не знал. У неё есть какие-то отношения с Августом Локком. «Вот это неожиданность». Если информация, которую можно добыть, просто зайдя в «Постер» Элизы — их сильнейший козырь, то УБИ нужно стараться посильнее. Возможно, они, конечно, не хотят сразу рассказывать обо всем, что им известно, чтобы иметь рычаги давления в дальнейшем. Но всё же.

Казалось бы, ответ очевиден.

Наконец, открыв глаза, я произнес:

— Да, я согласен.

Разумеется, нет. Это сделка с дьяволом, в которой у меня нет особого выбора. Однако, даже дьявола можно обмануть, если быть достаточно смелым. Я никогда не ощущал себя полноценной частью клана, это верно… но что же до Империи? Я бы не мог относиться к ней более безразлично, чем сейчас, даже если бы постарался.

Они думают, что загнали меня в угол? Может и так, но если можно использовать ресурсы УБИ для того, чтобы сохранить позиции в вертикали власти, я не вижу причин не делать этого. Двойной агент играет в обе стороны, я же играю только в одну — свою. Ни кланы, ни УБИ не относятся ко мне всерьез. И этим нужно пользоваться. К тому же если они вдруг от меня «попросят» о чем-то, что будет вредить моему клану, то я могу хотя бы знать заранее куда УБИ собирается нанести «удар» и предупредить своих…

Рубан и Баркер довольно переглянулись.

— Правильное решение, пацан. — взгляд Рубана враз переменился, когда он услышал заветное «Да».

На душе стало погано, хоть согласие и было притворным. Такое чувство будто рядом кто-то рассыпал навоз, а ты только сейчас заметил что наступил.

— И что дальше? — я натянуто улыбнулся.

Баркер поправила подол юбки и покачала головой.

— Дальше мы делаем вот что — ты пока останешься под присмотром Тины. Местные объявили тебя в розыск, а так как мы не знаем наверняка, кто хочет твоей смерти, то любой полицейский может представлять не столько угрозу задержания, сколько…

Рубан провел большим пальцем себе по горлу. Напарница осуждающе посмотрела на него и продолжила.

— В общем, да. Пока ты будешь сидеть на этой квартире, мы вдвоем разберемся с этим, — Баркер принялась постукивать ногтем по папке с моим липовым делом, — а заодно узнаем, что можно сделать с розыском.

Мне не понравились ее условия — не хотелось бы тут задерживаться. Но я промолчал.

Баркер посмотрела на Рубана и собрала с журнального столика все папки. У выхода она позвала к себе Тину и перекинулась с ней парой фраз шепотом. Больше они задерживаться не стали. Дверь захлопнулась, вновь оставляя меня наедине с Тиной.

Я тяжело вздохнул. Наконец-то.

Стоит ли говорить, что из всей троицы Тина мне импонировала больше остальных. По крайней мере не было

чувства, что меня держат в дураках, через каждое первое слово, и она была готова дать ответы на какие-то вопросы без лишней бюрократии. Конечно, девушка себе на уме, но мне ли судить кого-то за странности. С удовольствием бы поболтал с ней, но… как же меня задолбало ходить в чем попало!

— Тина?

Она удивленно посмотрела на меня.

— У тебя есть что-то помимо розового халата?

— Да… — девушка уставилась в одну точку, — Думаю, есть. Только может быть неудобно.

Я осмотрел себя.

— Хуже не будет.

Спустя полчаса я стоял перед зеркалом и смотрел на серый деловой костюм с жилеткой. Одежда выглядела очень дорого. Жаль только я никогда не любил костюмы. Вечно чувствую себя в них другим человеком. Впрочем, было приятно в кой-то веки выглядеть прилично, так что я не удержался и даже галстук надел.

Когда я вернулся в комнату, девушка сидела, закинув ноги на журнальный столик, и курила. Кто бы сомневался. Я подумал о том, что до этого момента мне не выпадало возможности как следует разглядеть Тину.

У неё был простой, но всё же хороший вкус в одежде. Короткая кожаная куртка с парой заклепок на воротнике, под ней черная водолазка. Из-за короткого роста рукава водолазки были слишком велики и доходили девушке почти что до кончиков пальцев. На шее висела цепочка, уходящая куда-то вниз, где наверняка имелся кулон или что-то в этом роде. По какой-то причине обувь снимать в помещении она не стала, темные-серые потертые джинсы были заправлены в тяжелые черные ботинки с высокой шнуровкой. Не будь она такой миниатюрной, образ бы создавался довольно угрожающий. Впрочем, я не мог не заметить, что вкупе с её угольными волосами, едва доходящими до плеч, и лазурными глазами всё это сочеталось весьма неплохо. Я бы даже сказал, что Тина выглядела мило.

Она проводила меня взглядом до кресла и, осмотрев мой новый костюм, с улыбкой произнесла:

— Тебе идет.

Хм, не помню, чтоб мне делали комплименты девушки. Странное, но приятное чувство. Только немного смущает.

— Откуда вообще у тебя мужской костюм? — я перевел тему.

— Бывший.

Мне не казалось, что она из сентиментального типа девушек, что хранят вещи бывших парней. Хотя… кто знает, что она под

этим подразумевает.

— Богатый у тебя был бывший. — костюм действительно выглядел очень дорого.

— Раньше все вокруг меня были… богатыми.

— Да ну? — я окинул взглядом её однушку.

— Богаче тебя.

Я вопрошающе приподнял бровь.

— Моя фамилия Шраут, и закрыли тему, — Тина закатила глаза.

Эта фраза заставила меня зависнуть на несколько секунд. Сложно найти более влиятельный род на территории Империи, чем Шрауты. Они прошли с Императором всю Мировую войну и внесли огромный вклад в то, чтобы добиться перемирия. После войны этот клан был одарен таким количеством земель и власти, что даже спустя сотню лет после её окончания сам факт знакомства с одним из Шраутов вполне себе работал как рычаг давления… или как взятка, если угодно. Потому что разгневать их — значит разгневать самого Императора.

Я прикусил губу, постучал себе ладонями по бедрам и все равно не смог удержаться от дальнейших расспросов. Хотя по ее реакции было видно, что девушка не очень хочет продолжать эту тему.

— Нет, нет, нет… да я все равно что с суперзвездой сейчас стою, почему… да с чего ты вообще работаешь на УБИ тогда?

Она несколько устало посмотрела на меня, на лице будто было написано: «ну вот, опять». После чего молча встала и отправилась к чайнику.

Похоже, я что-то не так сказал.

— Не пойми меня неправильно. Не думал, что вживую увижу кого-нибудь из Шраутов. Я восхищен.

Тина громко стукнула чашкой с растворимым кофе по столу передо мной.

— Восхищен чем? Тем, что я родилась с фамилией Шраут?

— Не-а, — я широко улыбался, — Тем, что ты родилась с фамилией Шраут и сидишь в этой квартире.

Девушка захлопала глазами.

— Поясни.

— Ну смотри, — я слегка наклонился поближе к ней, — я знаю, что такое родиться в клане, хорошо? И прекрасно понимаю, что если бы ты захотела, то сейчас бы не на УБИ работала, пытаясь завербовать меня, а сидела бы на личной яхте с коктейлем в руке. А раз мы сейчас посреди трущоб, а ты пьешь не шампанское, а растворимый кофе, значит у тебя хватило сил сделать выбор. Это можно уважать.

— Его сделали за меня. — она пыталась не подавать виду, но было заметно, что ей было лестно слышать мои слова.

— Это как?

— Думаешь, легко с синестезией находиться в окружении, где каждый владеет магией? До шестнадцати лет не было ни дня, когда меня не разрывала головная боль.

— Я об этом не подумал.

— Всем было плевать на то, какие у меня проблемы. Я должна была держать лицо несмотря ни на что, а я не могла, да и не хотела. Для кого-то попасть на… все эти светские мероприятия — сказка наяву. Меня же на них не ждало ничего, кроме страха и боли. В какой-то момент мне это надоело. Я должна была стать наследницей, но понимала, что если это произойдет… не выдержу.

— Все настолько плохо?

— Ты не понимаешь. Боль от синестезии не похожа на что-либо еще. Ты словно ощущаешь, как все твои жизненные силы истощаются в мгновение ока, но никогда до конца. Сейчас я… привыкла. Но тогда… Не думаю, что смогла бы выдержать с тобой в комнате и часа.

— Но подожди, разве можно так просто отказаться от наследства, особенно в таком роду, как Шрауты?

— Нет. Но у меня есть младший брат. С ним всегда… меньше проблем. Он не сбегал из дому, не испытывал панические атаки при партнерах отца… и я отказалась в его пользу. Мне так было проще, никто толком не стал возражать, — голос девушки начал слегка подрагивать.

— Серьезно, вот так просто? — я глянул на задумчивое лицо Тины.

— Мне кажется, они только этого и ждали. Потом все произошло само собой. К моей семье пришли люди из УБИ, сказали, что могут помочь контролировать… синестезию и что им нужны такие, как я. Так как формальные права на наследство у меня еще остаются… родня, боясь, что мне придет идея вернуться, договорилась с УБИ о том, что меня сошлют работать куда подальше.

Насколько я могу судить, это логично. Изгнать кого-то из клана — слишком большой репутационный урон, как и вычеркнуть из линии наследования без особых на то причин, по крайней мере, таких, о которых можно было бы объявить на публику. Поэтому внутри кланов часто заключаются подобного рода сделки, когда наследник добровольно отдает своё место кому-то из родни. Ну, а так как Тина работает на УБИ, сомневаюсь, что она правомерно даже может оставаться

наследницей.

— Вот я и здесь, — она стряхнула сигаретный пепел. — Здесь нормально.

За один разговор она выдала больше слов, чем за все время, что мы знакомы. Похоже, задел за больную тему. Хотя… у кого семья не больная тема? Проблемы такого рода, пожалуй, одна из немногих вещей, которую никакие деньги решить не в состоянии. Я не знал, что и ответить на её историю, так как меряться «а у кого была хуже жизнь в богатом клане» не хотелось. Благо, у меня оставался еще один вопрос.

Я глянул на постепенно заполняющуюся пепельницу и потянулся к чашке с кофе.

— А сигареты? Помогают справиться с синестезией?

— Нет, конечно, — Тина улыбнулась, — мне просто нравится дым.

Следующие пару часов мы говорили о чем-то отвлеченном, пытаясь скоротать время в ожидании Рубана. Никогда бы не подумал, что проведу свой восемнадцатый день рождения на съемной квартире с кем-то из Шраутов, да еще и по совместительству агентом УБИ. В какой-то момент темы для разговора начали кончаться, Тина в очередной раз закурила и уже привычно уставилась в окно.

Теплый солнечный свет во всю заливал квартиру через пыльные окна, казалось, что еще немного и я бы задремал прямо в кресле. Увы, этому помешал звонок на телефон Тины.

Она быстро достала мобильник из кармана куртки и приняла вызов.

Что ей конкретно там сказали было понять довольно проблематично, так как все её взаимодействие со звонящим сводилось к коротким «Да» и покачиванию головой. В любом случае, договорив она бросила мне пульт от телевизора, что лежал на подоконнике.

Я вопрошающе нахмурился и нажал на кнопку включить. На экране появился какой-то спортивный канал, увы, попасть с первого раза на нужную передачу, как в фильмах, мне не удалось.

— Найди «Локк ТВ». — мне сразу не понравилось к чему это идет.

Щелкнув раз пять или шесть пультом, я наконец-то добрался до нужного телеканала. Там шел выпуск новостей.

От увиденного у меня полезли глаза на лоб.

Под красной полоской вверху экрана с надписью «Эксклюзив» показывали видео, по всей видимости с камер наблюдения где я, полуголый, блуждаю по ночному парку в свете фонарей. Следующий кадр после склейки показывал, как парочка молодых

людей с криками убегает, а я иду за ними. Всё было выставлено именно так, словно я их преследую.

Картинка с камер уменьшилась и улетела в верхний угол экрана, открывая за собой диктора, седого мужчину с хитрым оскалом в коричневом пиджаке.

— По неофициальным данным человеком на записи, которую вы только что посмотрели, является Марк Ротт, наследник клана Ротт, что объявлен в розыск и подозревается в убийстве трех человек. Вчера ночью он сбежал из больницы, куда попал после так называемого «несчастного случая», что может быть вам известен по серии распространившихся в интернете видеозаписей, которые мы не можем показать в эфире из соображений цензуры. Городская полиция предприняла попытку захватить подозреваемого, однако сделать этого им так и не удалось. Местоположение господина Ротта до сих пор остается неизвестным, однако стоит подчеркнуть, что он находится в неадекватном состоянии и очень опасен.

После этой фразы запись с камер снова растянули на весь экран, и диктор стал вещать уже поверх неё. В этот раз был показан отрезок, где я подошел к монументу и стал вчитываться в имена.

— На этом фрагменте вы можете увидеть как Марк Ротт подходит к монументу мировой войны и, по всей видимости, цинично плюет в него! — я чуть не поперхнулся воздухом. — После чего уходит в неизвестном направлении и пропадает без следа.

Запись обрывается ровно на том моменте, когда я должен был встретиться с Тиной. Очень сомневаюсь, что это простое совпадение.

— Полиция просит граждан остерегаться любых контактов с этим человеком. За любую информацию, которая приведет к аресту господина Ротта, полицейское управление обещает пятьдесят тысяч евро и полную анонимность. Нельзя позволить таким психопатам разгуливать по нашим улицам!

Картинка исчезла с экрана, ведущий посмотрел прямо в камеру и поправил галстук.

— Берегите себя и близких, с вами были, как всегда, утренние «Локк Ньюс» и я, их бессменный ведущий, Димитрий Круглов.

Сразу после репортажа заиграла какая-то веселая рекламная мелодия, вслед за которой девушка азиатской внешности начала активно убеждать зрителя купить чудо-энергетик от всё той же корпорации Локк. Увы, но мне было не до удивительных свойств таурина, смешанного с альпийской водой.

Мы с Тиной переглянулись, похоже, она была удивлена не меньше моего.

— Психопат? Они серьезно? Да на камере видно, что я никуда не плевал!

Тина пожала плечами.

— Пропаганда. Люди склонны верить в то… что им говорят.

— Но это же просто смешно!

В этот момент раздался стук в дверь, Тина пошла её открывать и спустя минуту перед нами стоял запыхавшийся Рубан.

— Значит так, мелюзга. С тем, кто выдал приказ о розыске ничего не понятно, каждый второй баран в погонах спихивает этот вопрос на другого, точно такого же. Но в итоге Баркер удалось передавить их, через сутки тебя снимут с розыска, это хорошая новость. — он цокнул языком и посмотрел на меня, — а теперь плохая. По нашим данным кланы зашевелились, возможно до Белецкого дошло, что в больнице мы были не только ради того, чтобы тебя задержать. Да и твоя пропажа здорово всех всколыхнула. Ну, судя по твоей бледной роже, Локковские новости вы уже посмотрели. Это спутывает наши следующие шаги.

Нет, так мы ничего не добьемся.

— Мне нужно вернуться в клан.

— Само собой. Вот только можешь ли ты им доверять?

— Кое-кому точно могу. Мне нужно сделать звонок.

Рубан потянулся рукой к внутреннему карману и достал из него черный телефон.

— Вот тебе, — он ухмыльнулся, — на день рождения. Там два контакта — мой и Тины. По этому мобильнику можешь связаться с нами в случае чего, например, если тебе понадобиться помощь. Позвони кому надо и выясни где сейчас твой отец, мы знаем, что он в городе. Тина тебя отвезет куда надо.

Взгляд упал на Рубана, протягивающего мне мобильник, и я почему-то испытал настороженность.

Я схватил телефон и набрал давно выученный наизусть номер Фридриха. Привычные два гудка и он поднял трубку.

— Клинов, глава службы безопасности клана Ротт.

— Фридрих, эм… — я посмотрел на УБИшников, — это я.

— Марк, черт тебя дери, где ты?

— Не важно, в городе. Со мной всё в порядке. Я скоро буду, скажи куда мне подъехать, слышал, что отец приехал.

— Да он примчался, но давай я тебе заберу, скажи где ты?

— С этим проблем не будет, я сам доберусь.

— Уверен? — спросил он с сомнением.

— Да.

— Мы в бизнес-центре. Площадь Свободы, 9. Последний этаж…

— Уже в пути, — я оборвал Фридриха на полуслове и положил трубку. Все, что мне нужно было, я уже услышал.

Я обулся в слегка великоватые туфли, которые по всей видимости остались от все того же бывшего Тины, и надел пиджак — а вот он, к счастью, пришелся по размеру. Дверь за моей спиной захлопнулась и мы вышли в коридор. Запах жаренной рыбы, который я запомнил со вчерашней ночи, выветрился. Увы, этого нельзя было сказать о затхлой вони плесени и криках на первом этаже, что несмотря на относительно ранний час были не менее интенсивными, чем ночью. Проскочив скрипящую лестницу, мы оказались на улице.

Свет ударил в глаза, я увидел перед собой битый асфальт по которому меня вчера в наручниках волокли в квартиру. Казалось, будто трущобам было куда органичнее существовать в ночной тьме, чем под солнечным светом. Теплые утренние лучи, что падали на заколоченные окна и переполненные мусорные баки, в таком месте выглядели чужеродно.

Рубан зашагал к своей машине и подозвал к себе Тину, чтобы дать ей какие-то наставления. Я же еще раз подумал о выпуске новостей. С чего бы корпорации Локк меня задевать? Ладно, лично Август… но чтобы целый новостной канал попытался меня травить? Впрочем, он ведь принадлежит его семье.

Я достал из кармана телефон и нашел на нем иконку Постера.

«@august_official» конечно, хрен забудешь такой пафосный никнейм.

Обновлений фото в профиле не было, но вот аватар давал понять, что добавились истории. Он постил их довольно много, чуть ли не каждые полчаса. Да еще и с гэотегом «Лаундж-бар Ахиллес». Судя по всему всего пять минут назад Август курил кальян в этом самом баре на крыше, не забыв пару раз засветить золотыми часами. Я закатил глаза. Ну что за пижон? Впрочем, этого следовало ожидать. Что действительно меня удивило, так это следующая история.

Фотография Августа, который, всё в том же баре, держит на руках собачку.

«Пропала моя любимая собака — Маркиза, добрая и беззащитная. Ни на кого не бросается, только скулит и вечно куда-то убегает. За любую информацию, ведущую к её находке — сто пятьдесят тысяч евро. Даже собачонка — у Локков часть семьи!»

Я выдохнул. Ты серьезно? Хорошо, в первый раз ты меня задел. Но сейчас, что за дешевая клоунада?

— Ты идешь? — Тина открыла дверь машины и смотрела на меня приподняв бровь, упершись рукой о крышу.

Я кивнул и быстро забрался внутрь на пассажирское сиденье, лицом все еще находясь в телефоне. Там была еще одна история. Выложенная буквально только-что. Все тот же бар, его рожа и женские ноги на фоне.

— Значит… везем тебя к клану? Узнал адрес?

Я отвел взгляд с экрана телефона и посмотрел на себя в зеркало заднего вида.

— Отец сейчас в лаунж-баре Ахиллес.

Мотор завелся и мы тронулись с места. Спустя пару минут Тина повернулась ко мне.

— Что-то случилось? — она видимо подметила моё каменное лицо.

— Да так, — я замялся, придумывая достоверную ложь, — Из головы не выходит тот выпуск новостей.

На самом же деле, в моей голове роилась тысяча мыслей о том, что я скажу этому ублюдку в лицо. Посмотрим насколько он будет смелым лицом к лицу. Главное не сбросить его с крыше в порыве…

Стоп. Марк.

Не делай глупостей. С таким настроем ты не то, что ничего не добьешься, а только дашь еще пару поводов издеваться над тобой.

Дорога к нужному месту заняла около двадцати минут. Синий «Жук» Тины затормозил рядом с парой дорогущих машин бизнес-класса. Догадываюсь, кому они принадлежат.

— Дальше я сам. Меня там встретят.

Тина подозрительно посмотрела на меня.

— И… спасибо, — я искренне улыбнулся, — Думаю, еще увидимся.

Девушка кивнула.

Я вышел из машины, тихо хлопнув дверью. Поднял голову вверх — передо мной была стеклянная девятиэтажная высотка — торговый центр. Где-то там, на крыше, сидит Локк.

Быстрым шагом направляюсь внутрь. Большой холл, людей немного. Пробегаюсь взглядом по округе. Наконец замечаю прозрачную шахту лифта, иду к нему.

Нажал на кнопку. Дождался. Зашел внутрь. Еду один.

Минута или две ожидания, слава богу, без тупой фоновой музыки. Стараюсь ни о чем не думать.

Двери наконец открываются. Я сделаю шаг вперед. Вижу его.

Он меня. Ну что же.

Пора знакомиться, сучара.

«Сдвиг».

* * *

Прим. Автора: А вы знали, что исходя из рейтинга журнала Time, на первом месте среди долгожителей — двустворчатые моллюски Arctica islandica, продолжительность жизни этих моллюсков превышает 500 лет. Это позволяет им дождаться проды сразу двух книг Оро.

Глава 28

Дверь лифта еще не успела закрыться, когда Марк сделал шаг навстречу Августу Локку. Тот сидел на белом диване в дальнем конце довольно популярного среди золотой молодежи бара «Ахиллес», расположившегося на крыше одноименного бизнес-центра.

Обычно это место было забито до отказа даже днем, но сейчас дела обстояли по-другому. Благодаря тесным связям семьи Локк с владельцами бизнес-центра, каждый визит Августа в это место сопровождался предварительной «чисткой» заведения от всех, кого парень считает лишними там. А учитывая довольно пакостный нрав господина Локка, в большинстве случаев это означало, что на крыше оставался только он сам, пара его телохранителей и узкий круг друзей, которых наследник корпорации прихватил с собой. Сегодня этот круг был и вовсе до смешного скромен по количеству, но довольно внушителен по, так сказать, качеству.

Спутницей Августа была Элиза Белецкая, что сидела на соседнем диване с легким коктейлем в руке. Раньше её поведение казалось ему странным — наследница именитого клана ни с того, ни с сего написала ему в постере, ища встречи. Конечно, Локки были очень богаты и на это клевали многие девушки, с которыми общался Август, однако Элиза? Она уж точно не нуждалась в дорогих подарках, да и могла себе позволить всё тоже самое, если даже не больше, чем он. Поэтому его смутило такое внимание к своей персоне с её стороны. Однако, когда им всё же удалось увидеться, все вопросы отпали сами собой.

Судя по тому, что она ему сказала, Элиза находилась под жестким гнетом своего отца и искала все возможные способы сбежать из своей клановский жизни хотя бы на мгновение. Август был не против ей с этим помочь. Со временем они становились всё ближе, но никогда до такой степени, что привнесла бы в их отношения ясность. Порой ему казалось, что стоит еще немного надавить — и дружба сменится чем-то большим, в другие же моменты Элиза так же стремительно отдалялась от него, как и сближалась. Да еще и эти странные услуги, о которых она его просила в последнее время. Но раз ей это так было надо, то он был не прочь помочь, особенно, чтобы заработать себе баллы в её глазах.

Девушка оставалась для Августа загадкой, и, кто знает, может быть именно это его в ней и привлекает.

Стоит ли говорить, как он был сбит с толку, когда увидел в

открывшейся двери лифта жениха Элизы, что только вчерашней ночью был объявлен в розыск (не без помощи семьи Локк)? Но что смутило его больше, чем сам факт появления Марка Ротта на пороге бара, где они вдвоем с девушкой (если не считать двух телохранителей, конечно) приятно проводили время за пустой болтовней, так это его дальнейшее поведение.

Август краем глаза заметил, как руки Марка загорелись красным цветом, и не на шутку напрягся; сам-то он не был пробужденным. Вот только вместо того, чтобы сделать нечто, после всех тех издевок, которые парню пришлось терпеть от Августа, ожидаемое — наследник клана Ротт где-то секунду посмотрел Локку прямо в глаза, после чего поднял средний палец правой руки, развернулся и скрылся в лифте.

Сбитый с толку, Август поправил воротник своей рубашки-поло и посмотрел на Элизу. Она тоже удивилась, но как будто всего на мгновение. Девушка изобразила вопрошающий взгляд и кивнула головой в сторону двери лифта.

Ну, конечно же, переломанный чмырь набрался храбрости прийти сюда, да еще и оскорбить Августа перед Белецкой. Понятное дело, она теперь всем видом показывает, что хочет, чтобы он притащил задницу этого сосунка сюда. Когда ему еще выпадет такой шанс разобраться с Роттом лично (ну, или с помощью охраны) и окончательно вбить в голову Элизе, что как партия — наследник корпорации Локк достоин её куда больше, нежели этот трус?

— Эй, вы, — Август в свойственной ему манере обратился к охране, — притащите его сюда… и заставьте извиниться передо мной и дамой. Потом сдайте в полицию, — господин Локк самодовольно улыбнулся. Нечасто выпадает шанс потягаться с аристократом.

Элиза промолчала. Выражение её лица оставалось все таким же равнодушным.

* * *

Показав средний палец человеку, который без видимых на то причин уже в который раз оскорблял его, Марк вернулся в лифт и нажал на выгравированную желтым цветом кнопку первого этажа. Как только двери закрылись, он тут же прожал цифру «восемь» и спустя пятнадцать секунд вышел на предпоследнем этаже, отправив лифт спускаться вниз уже без него. Марк убедился, что находится в слепой зоне от всех камер наблюдения, после чего сорвал план эвакуации со стены и быстро определил

местоположение лестницы, ведущей вверх. Подошел к ней и стал ждать.

Совсем скоро где-то над ним раздались быстрые шаги. Как он и предполагал, охрана не стала дожидаться, пока лифт вернется наверх, а рванулась вниз по лестнице.

Угадав момент, когда один охранник пройдет ниже, а второй спустился на лестничный пролет, Марк резко вышел из-за угла, вооруженный щитком плана по эвакуации.

Ребро щитка попадает по горлу охранника Августа, ноги того по инерции делают еще один шаг, но голова уже опрокидывается назад.

Марк заваливается сверху на охранника и наносит удар локтем в лицо. Тот успевает вскинут руки в блок и прикрыться, но именно это Марку и нужно было. Его локоть встречает блок, но вот вторая рука успевает выхватить у охранника пистолет из кобуры.

Спустя мгновение раздаются два выстрела — на груди у охранника расцветают два алых цветка.

Но мужик еще живой. Он опускает блок, сплевывает кровь и хватает Марка за руку, в своем последнем рывке.

Впрочем, это не мешает парню сделать два выстрела в грудь второму охраннику, который все, что успел — так это развернуться на звуки выстрелов позади.

Марк безразлично осмотрел два трупа; в коридорах раздался какой-то шум. Кто-то услышал пальбу. Как раз. Глянув вверх, Марк из пиджака достал телефон, что ему выдал агент Рубан, и зашел в список контактов. Как ему и говорили, их там было всего два. Задумавшись на секунду, он клацнул по иконке с надписью «Т».

Трубку Тина подняла довольно быстро.

— В меня стреляли, помоги.

— Ч-чт…

Продолжения фразы Марк не услышал, так как сбросил звонок, а затем швырнул телефон на пол и со всей силы врезал по нему каблуком. Не лучший момент, чтобы ходить с УБИшным жучком в кармане. Убедившись, что телефон не работает, Марк обернулся и нахмурил брови.

— Начинаю к этому привыкать.

Он подошел к телу первого охранника, вложил ему в руки пистолет с наскоро протертой рукавом рукояткой, прижался к нему почти всем телом, уперев в дуло пистолета свое правое плечо — выдохнул и нажал на спусковой крючок. Марк поднялся и, скривив лицо, осмотрел себя. Как он и хотел, пуля прошла по касательной, ткань вокруг раны медленно стала краснеть.

Жаль, костюм был неплохой.

Времени было не очень много, Марк зашагал в сторону лестницы, чуть спустился вниз к телу второго охранника, и поднял пистолет. Быстро взбежав по ступенькам вверх, он прошел через стеклянные двери и оказался на крыше-баре.

Бар выглядел отлично. Играла бессмысленная, но довольно приятная музыка, по краям он был окружен прозрачными стеклянными стенками, за которыми открывался прекрасный вид на город и большую реку. Столики были смешанными, где-то можно было сесть за барную стойку, где-то за диван, имелись даже зеленые зоны с пуфиками и низкими столиками. Если не считать Августа, Элизы и пары барменов, на этаже никого не было.

Лестница выходила на крышу около длинной барной стойки, где Марк уткнулся в двух испуганных людей в черных футболках с надписью «Ахиллес».

Персонал бара замер в ужасе рассматривая Марка, тот же просто махнул в сторону пистолетом, что, надо сказать, чуть не вызвало у обслуги микроинфаркт. В какой-то момент до них дошло, что им таким образом велят убраться отсюда к чертям. Так они и поступили, промчавшись мимо парня с пистолетом. Он же в это время начал идти вперед, чтобы обогнуть стойку и добраться до Августа с Элизой.

Заметили его не сразу. Август стоял к Марку спиной и разговаривал с кем-то по телефону. Он был одет точь-в-точь как в своем профиле. Если есть что-то, способное достучаться до Марка даже несмотря на Сдвиг, так это вычурные рубашки-поло.

Без лишних слов и представлений Марк подошел к парню вплотную и выхватил у него из руки телефон. Тот развернулся и сделал квадратные от удивления глаза, Марк же издевательски кивнул головой.

— Привет, Элиза.

Быстро кинув взгляд на экран телефона и увидев имя абонента — «Папа», Марк хмыкнул, после чего нажал отбой.

— Что ты себе… — Август не успел договорить, так как получил пистолетом по лицу. С звонким хрустом его голова опрокинулась назад; парень завопил, сжимая свой нос.

Элиза же ничего не ответила, а просто наблюдала за происходящим, быстро переводя взгляд с Августа на Марка и обратно.

— Произошла досадная неприятность. Люди твоего друга, — Марк посмотрел Элизе прямо в глаза, — попытались убить меня. Ты ведь тоже клановая, должна понимать, что такое не может оставаться безнаказанным.

Она продолжала хранить молчание. А вот Август, из носа у которого продолжала хлестать кровь, этим похвастаться не мог.

— Н-но разве ты не… — лицо Августа покраснело, а глаза налились слезами. Выглядел он потрясённым… как человек, внезапно осознавший свою неправоту — но слишком поздно, после того, как верная догадка уже ничего не изменит. — Погоди…

— Марк, успокойся. — что-то наконец-то заставило Элизу включиться в разговор.

Увы, в тот день Августу не удалось заработать себе баллы в глазах Элизы.

— Я спокоен, — холодно ответил Марк.

И раздался выстрел. Пуля вошла в голову Августа с довольно неприятным звуком; за секунду до выстрела Август успел поднять руку, но не до конца — пуля всё-таки оказалась быстрее — и теперь замершая в движении рука медленно обмякала. Тело безвольной куклой упало на деревянный пол.

Возможно, он был не безнадежен; возможно, если бы он остался жив — с ним можно было бы иметь дело.

Но это не имело смысла — так проще и быстрее.

Элиза резко дернулась, её руки вспыхнули белым светом. Воздух вокруг сгустился, прямо как тогда, когда Вульфрик отбивал Марка у спецназа. Холодное выражение её лица дрогнуло, теперь на нем читался испуг, шок и едва уловимая смесь из более тонких эмоций. Она старалась держаться, но было видно, скольких усилий это стоит.

Девушка выглядела завораживающе, длинные светлые волосы спадали на едва прикрытые легким белым платьем плечи. Одежда подчеркивала её стройную фигуру и худые ножки, обутые в тонкие туфли на небольшом каблуке. Даже в таком состоянии лицо Элизы выглядело очень красиво… правильно даже. Если аристократия действительно передается не только на бумаге, но и по крови — Элиза главное тому подтверждение.

Марк же, что все еще держал пистолет поднятым в воздухе, склонил голову и безразлично посмотрел на свою будущую невесту.

— Элиза, успокойся. — он позволил себе мило улыбнуться, но глаза парня оставались все так же пусты.

Девушка проглотила ком в горле.

— Сядь, пожалуйста.

Марк поднял телефон Августа, что успел заблокироваться, поближе к себе и пробежался взглядом по округе. Ну, ладно. Он сделал пару шагов и присел у головы Локка. Схватив труп за волосы, он подставил экран к его лицу. Глаза мертвеца, благо, всё

еще были открыты.

Раздался щелчок и телефон разблокировался.

— Вот тебе, — Марк посмотрел на дыру в голове Августа, — и защита.

Поднявшись, парень подошел к окну и стал копаться в личных данных уже бывшего наследника корпорации. Он просмотрел фотографии, какие-то личные сообщения, проверил почту, но не нашел ничего, особо достойного внимания. Разве что пароли он по какой-то причине хранил в сохраненных сообщениях мессенджера. За две минуты Марк стал богаче на пару кошельков с криптовалютой, что не могло его не радовать. Отправив все пароли, что он смог добыть, и список контактов Локка себе на почту, он удалил папку с отправленными.

Наконец, зайдя в «Постер», он изменил одну из историй Августа, добавив к ней подпись «Все в сборе, не хватает только именинника, Элиза соскучилась! #маркротт», после чего протер телефон о свой пиджак и аккуратно положил его рядом с Августом. Теперь оставалось только дождаться агентов УБИ.

— Ты… мудак! — раздалось за спиной парня.

Марк обернулся.

— Ну и как нам теперь это разгребать? — голос девушки звучал очень раздраженно.

— Извини?

— Я потратила на этого, — она указала рукой в сторону трупа, — идиота столько времени, чтобы ты пришел и пустил ему пулю промеж глаз?

— Ну и зачем было тратить на него время? — Марк приподнял бровь.

— Думаешь, тебе одному что-то не нравится в своей жизни?

— Например?

— Знаешь, я сильно удивилась, когда ты в первый раз написал на мою основную страницу. Это было какое по счету твое самостоятельное действие в жизни? Первое? Второе? — Элизу трясло. Было видно, что адреналин отпускал, а стресс уходил. Ее накрыла истерика — а истерика породила многословность.

— Ты просто никогда не казался мне надежной партией. Сколько мы с тобой общались? Два года? Три? Я знаю тебя как облупленного, ты только ныл и жаловался на судьбу. Не делал ровным счетом ничего, чтоб ее изменить. Каждый раз: когда я думала о нашем… «совместном будущем», ни в одном из вариантов ничего не получалось. В отличие от тебя. Что за наивный лепет ты нес?! Мы будем жить мирно и счастливо? Вместе состаримся? Я знаю своего отца и прекрасно понимаю, чем он занимается! Как и тебе следовало бы! Мне нужно было

что-то предпринять.

— И ты купилась на этот образ? Странно. Я ведь не купился на твой, — Марк ухмыльнулся.

Значит, с ним все это время говорили не люди отца, а сама Элиза. А он ведь специально вел себя в переписке как полнейший слюнтяй. Жаль вот только, эта борьба с ветряными мельницами зашла так далеко.

Элиза поглядела на него странным взглядом, но ничего не ответила. Не нашлась? Или просто предпочитает держать свои эмоции при себе, наконец сообразив, как же плохо она знает своего будущего мужа?

— Так что ты решила предпринять? — продолжил Марк. — И ты выбрала Локка мне на замену?

— Не держи меня за идиотку. Он даже не аристократ.

— Тогда чего ты добивалась?

— Я хотела изменить свою судьбу. Сделать хоть что-то. Мне ведь придется тащить все на себе. А с помощью Локка у меня было бы влияние, не отцовское, а свое собственное, что… да о чем я! Этот баран и так делал всё, что мне в голову взбредет, а мы даже за руки ни разу не держались.

Зато он прекрасно держал тебя за талию, подумал Марк. Но не стал произносить вслух.

— Значит, всё, что творил Локк, было твоих рук делом? — Марк произнес это спокойно.

— Частично. Я просила его об одном, а он делал совершенно другое. Проявлял слишком много инициативы. Поэтому сегодня я вообще здесь. Хотела обсудить это с ним. Уже не выйдет, похоже, — она нахмурилась.

Марк на секунду задумался. Интересно, она осознает, что она стала той причиной, из-за которой погиб Локк. Наверняка, понимает. Или вскоре поймет.

— Знаешь, — он вдохнул полной грудью, — влияние Локка никуда не делось. Главное — вовремя перевернуться. Ты ведь понимаешь, в какой ты сейчас ситуации?

— Прекрасно понимаю, но вообще не представляю, как это расхлебывать.

— Просто прикрой меня. Он заманил меня сюда, устроил покушение… подхватишь?

Она кивнула.

— Ты единственный свидетель.

Она снова кивнула.

— Этого достаточно для начала, — поставил точку Марк. Довольно толстый намек.

Элиза нахмурилась. Было заметно, что она не до конца

поняла, что у Марка в голове, но сам парень остался более чем удовлетворен её ответом.

Девушка выключила навык и поправила серебристые волосы. В её голове проносился целый рой мыслей, и только малая их часть касалась Августа Локка, убитого у неё на глазах.

Марк посмотрел на неё. Он всегда представлял себе Элизу по-другому. Получается, что его будущая жена хладнокровна и расчетлива. Интересно, что бы он подумал, если бы мог поддаваться эмоциям? Вызвало бы это в нем уважение? Отторжение? Как бы там ни было, одного у неё нельзя было отнять.

— Ты красивая.

Элиза захлопала глазами и хотела что-то ответить, но в этот момент на крышу ворвалась Тина, а следом за ней — отряд полицейских.

* * *

Прим. Автора:

…Август Локк был отличным парнем. Он любил свою собачку Маркизу, собирал марки и возможно был марксистом. Жаль, что мы не успели как следует узнать его с этой стороны. Не будь равнодушным, поставь свой лайк — как негаснущий символ вечной памяти о погибшем.

#помнимлюбимскорбим

Глава 29

Артур и Вадим только недавно стали оперативными сотрудниками полиции. Как ни старайся, такую работу довольно трудно назвать легкой. Конечно, на бумаге у них были графики, смены и четко прописанные обязанности. Но это на бумаге, а по факту — их отдых зависит только от благосклонности начальства. Увы, ситуацию, когда парням приходились работать по трое суток подряд, с перерывами по два-три часа на сон, нельзя было назвать из ряда вон выходящей. Скорее — печально банальной.

Так оно обычно и бывает — ты приходишь домой, одной ногой залезаешь в душ и думаешь о сне, как вдруг раздается звонок — и варианта не брать трубку у тебя нет. Как и отказать начальству, вздумавшему отправить тебя в соседний город, причем за свой счет. Твоя усталость никого не волнует. Ты — просто инструмент, орудие власти.

Каждый первый день ты бьешь людей, каждый второй день — ты бьешь людей, которые до этого попытались тебя завалить. И грустная правда заключается в том, что как бы ты ни мечтал о другой жизни — уволиться тоже не выйдет. Ведь ничего другого ты, по сути, не умеешь. А в голове постоянно стучит одна простая мысль. В случае чего, в щелчок пальцев на тебя повесят всех собак. Ты сам видел, как это делается, и не раз.

Единственный шанс что-то изменить — это вырваться вверх по иерархии власти и отдавать приказы другим.

Артуру и Вадиму, конечно, было еще до этого далеко. Их нельзя было назвать совсем зелеными, но до повышения по-прежнему оставалось приличное количество бессонных ночей. После одной из них они и пили кофе в сетевой забегаловке, закидывая в свой желудок дешевые сендвичи, в надежде, что еще пара часов смены — и наконец-то можно будет упасть в кровать и заснуть, забыв о грязи, с которой они столкнулись этой ночью.

Увы, надежды были напрасны. Раздался вызов по рации от их старшего товарища, что оставался всё в это время в машине. Тот сказал пулей лететь к нему. Вызов.

Что им оставалось? Только бросить недопитый кофе и едва начатые бутеры на столике и рвануть к машине.

Старший уже был за рулем; не успели парни усесться как следует, когда машина рванула с места. Конечный адрес был совсем рядом, буквально через квартал, в Бизнес-центре «Ахилесс». Их старший объяснил ситуацию. Там кто-то на крыше — в скай-лаунж-баре — устроил перестрелку. Есть жмурики. Местная охрана вызвала опергруппу, поскольку сама отказалась

влезать в ТОТ конфликт к ТЕМ людям. Стянули всех ближайших силовиков.

«Да что там вообще происходит?» — вертелось у них в головах.

Они остановились прямо перед зданием. вышли и уже были готовы направиться внутрь — но их остановил старший. Он достал пачку сигарет и закурил.

— Мы не идем? — спросил Артур, худощавый блондин с продолговатым лицом.

Старший с сигаретой в губах ухмыльнулся.

— Нет. Ждем.

Вадим с Артуром переглянулись.

Старший вздохнул.

— Не тот уровень, ребятки, чтобы нам туда лезть самим.

Впрочем долго ждать им не пришлось. Спустя минуту у обочины, скрипя тормозами, остановился синий «жук». Опера удивленно посмотрели на небольшую машинку. Оттуда фурией вылетела девушка. Подняла взгляд на крышу, она выдохнула, как будто успокоилась. И затем уперлась взглядом прямо в них. Взглядом, который будто видит тебя насквозь.

После чего быстро подошла к троице довольно вялого вида оперов и посмотрела на старшего из них.

Старший нахмурился.

— Чем обяза… — он не успел договорить, как перед его лицом очутилась корочка агента УБИ.

— Агент Управления безопасности Империи — Тина Шраут, переходите в мое сопровождение.

Лицо старшего скривилось, будто он съел лимон.

— За мной, — велела Тина Шраут и направилась в здание.

Молодые переглянулись. В отличие от старшего, их глаза загорелись. Назревает что-то крупное! А если они что-то крупное разрулят, то это будет большой плюс в их послужном списке! Премия и трамплин к будущему повышению. Старший не разделял их оптимизма, он копчиком чувствовал, что дело нечистое.

Они вышли к главному лифту. Поднялись на девятый этаж.

Двери тихо раскрылись, и они вышли на крышу, прямо посреди дорогого скай-лаунж-бара. Посещение таких мест они могли себе позволить разве что по большим праздникам (лгут сами себе, даже по большим праздникам это место — не их уровня).

Прямо посреди бара, под открытым небом, лежало тело парня с простреленной головой, по полу вокруг него растекалась лужица крови. От того страннее было наблюдать молодую

парочку, что сидела за столиком в метре от него и что-то обсуждала.

Честно признаться, Артуру и Вадиму даже в таких обстоятельствах было трудно отвести от девушки взгляд. Она выглядела просто прекрасно, серые длинные волосы растрепались, тонкие руки были сжаты в кулаки, а макияж совсем не пострадал от того, что ей пришлось пережить. Правильные черты лица, тонкие губы и большие глаза каким-то образом умудрялись перевести на себя всё внимание, даже когда в том же помещении на полу лежал труп. Да; Артур, как и Вадим, многое бы отдали, лишь бы появиться на людях рядом с такой девушкой, уж не говоря о том, чтобы с ней встречаться. В этом мысли двух молодых оперативников сходились.

А ее спутник выглядел… необычно. Его лицо было совершенно спокойным, дорогой серый костюм, поза тоже не выдавала никакой тревоги. Даже больше, от него так и лучилась самоуверенность. Он выглядел так, как в представлении мещанина выглядит успешный человек. Холодно, расчетливо. Одного взгляда хватало, чтобы понять — такие как он не действуют наобум. Словно у парня всё было схвачено.

Вот только у него в руках был пистолет, а весь костюм — покрыт кровью.

Он смотрел на девушку и странно улыбался. Та же забавно приоткрыла рот, будто не могла подобрать слов. Казалось, эти двое говорили о чем-то важном, пока их не прервали. Она так и не сказала то, чего хотела сказать. Глаза парня резко перешли на появившихся оперов, улыбка сошла с его губ. Девушка проследила за взглядом парня и тоже переменилась в лице.

Их старший товарищ выругался, осознавая, что эти двое — Клановые. А вот Артур и Вадим нет, а потому они почти синхронно потянулись к оружию.

— Отставить, — произнесла Тина, — охраняйте вход.

И опера замерли. УБИшница направилась прямиком к столику. Парень при виде ее улыбнулся и встал.

* * *

Красивая?

Элиза ожидала услышать от Марка Ротта что угодно, но только не это. Уж точно не при этих обстоятельствах. Когда на крышу ворвались полицейские, девушка в считанные секунды успела придумать более-менее достоверное оправдание того, что здесь произошло. Со смертью Августа Локка нить, за которую

наследница клана Белецких хотела зацепиться, чтобы укрепить свои позиции, оборвалась и теперь ей срочно нужно было перестраивать свои дальнейшие планы.

К счастью, в отсутствии смышлености Элизу обвинить было трудно.

Когда Марк поднялся при виде силовиков, она тоже привстала, чтобы пойти вместе с ним и решить уже ИХ проблему. Однако, заметив это, парень выставил перед ней руку.

— Подожди, — это прозвучало скорее как настоятельная рекомендация, чем приказ.

Элиза последовала совету и села обратно на место, наблюдая за тем, как её жених идет в сторону мелкого вида девушки в штатском.

Еще ни одна встреча с Марком не принесла Элизе ничего хорошего. Сначала нагоняй от отца за то, что ему раскрыли факт её неформального общения с Августом, теперь… вот это. Локка действительно занесло, он был слишком самоуверен, слишком самовлюблен, считал, что ему все сойдет с рук. Он из тех людей, что позволяет себе все больше и больше, если остается безнаказанным.

Разговор с Августом, о котором она договорилась сразу после серьезного нагоняя от папы, должен был быть приватным. Ей ни к чему лишние уши, особенно те, которым платит папа, а потому своим телохранителям она приказала ждать снизу. Тем не оставалось ничего, кроме как согласиться. Конечно, они донесут об этом отцу, но она бы просто солгала еще раз, как делала уже неоднократно.

Локк же, в свою очередь, пообещал её «удивить» по приезду. И о да, у него это получилось. Не успела она перейти к интересующей её теме, как Август попросил пульт у одного из барменов и включил утренние новости на канале, что принадлежит корпорации его отца.

О таком она его не просила, и это было не то, что лишним, а даже опасным. Элиза сказала Локку, что ему это аукнется, на что тот лишь рассмеялся и выложил очередную «острую» историю в постере. И добавил, что этот голозадый — ноль, пустышка! И он может вытирать о него ноги как угодно, и он это сделает. Он докажет Элизе, что мало получить что-то по праву рождения. Нужно еще чего-то стоить самому, по жизни.

Элиза покачала головой. Она и сама была не лучшего мнения о Марке. Вот только события прошлой ночи заставили ее начать немного сомневаться в собственных убеждениях о личности ее жениха.

Но она и предположить не могла, насколько заблуждалась в

своих суждениях по его поводу.

Марк и девушка в черном вышли друг к другу на встречу. Полицейские, что уже были готовы выхватить оружие, остались стоять позади по приказу незнакомки.

Встретившись примерно на одинаковом расстоянии между Элизой и силовиками, Марк посмотрел на мелкую девушку, махнул рукой в сторону и уже вместе они отошли к краю крыши, остановившись прямо у стеклянных стен.

Что-то в ней смущало Элизу, она уж точно не простой полицейский. Что-то в её глазах подсказывала, что она совсем не похожа на парней, что стояли ближе к двери лифта. Наоборот, от девушки веяло силой. Тоже пробужденная? Но на клановскую она не смахивает.

Что происходит?

Элиза еще раз посмотрела на своего жениха и эту… непонятно кого. Они продолжали что-то обсуждать. В какой-то момент девушка поднесла руку к лицу Марка, словно потрогав его за щеку. По какой-то причине такой поступок разозлил наследницу клана. Марк же отстранился и закачал головой.

О чем они вообще говорят? Кто она? Они явно видят друг друга не в первый раз, но… он ведь никогда не был в столице, а судя по всему эта дамочка как-то связана с силовыми структурами, раз так вертит полицейскими, что пришли вместе с ней. Кто она Марку? Откуда у него такие связи?

Элиза больше всего на свете не любила неопределенность, даже когда она засыпала в детстве, её пугали не монстры и призраки, что скрывались в темноте, как остальных детей. Её пугала сама темнота. Ощущение, того, что какая-то часть жизни находится вне её контроля.

С возрастом такие ситуации перестали вызывать у неё страх — только злость. И сейчас, глядя на то, как её будущего мужа треплет за щеки… непонятно кто, Элиза была чертовски зла.

Марк что-то объяснял незнакомке, методично жестикулируя пистолетом в руке, указывая то на труп Локка, то на лифт, то в сторону лестницы. Пару раз он указал и на Элизу. Отчего последней стало еще любопытнее.

В какой-то момент Марк взял у пришедшей девушки телефон, пару раз клацнул по экрану, а затем повернул телефон и показал ей что-то.

А затем и вовсе склонился к той девушке. Слишком близко.

Да о чем они вообще говорят?!

Реакция собеседницы была по меньшей мере странной. Сначала она задумалась, потом вроде как разозлилась, но после того, как Марк что-то сказал, глядя прямо на Элизу, начала

громко смеяться.

* * *

— Ну, помнишь, Рубан обещал разобраться с моим делом о тройном убийстве? — Марк холодно улыбался, — Похоже, пришло его время. Только вот закрыть придется дело не шитое, а настоящее.

— Трех человек? — Тина кинула взгляд на труп Августа.

— На этаж ниже еще два охранника, — равнодушно ответил Марк.

Тина хмуро посмотрела на парня. Он поставил ее перед фактом.

— Тебе снова плохо? — она вспомнила в каком печальном состоянии он находился, когда привезла его к себе домой.

Марк едва заметно дрожал, лицо выглядело бледным, зрачки снова расширены. Тина попыталась коснуться его лба, но он не дал ей этого сделать и отступил на шаг назад.

— Сейчас это не имеет значения, — он отстранился.

Тина устало вздохнула, ночка выдалась еще та, но следующий день превзошел её многократно.

— Я думала, что отвезла тебя в бизнес-центр к отцу…

— Дай телефон, — перебил ее Марк.

Тина вытащила мобильник из кармана и передала его парню. Тот показал ей отредактированную историю Августа из Постера и подпись: «Все в сборе, не хватает только именинника, Элиза соскучилась! #маркротт»

— Август пригласил меня сюда, — Марк холодно улыбался, — Когда я вышел из лифта, то увидел, что Элиза была без своей охраны. Если бы Август не сделал свой ход, — он показал рукой в сторону лестницы, — Он бы сейчас не был мертв. А так, я ответил ему, как полагается наследнику Клана.

Марк показал Тине пистолет.

— Причем их же оружием.

Тина быстро заморгала, пытаясь обработать всё, что только что узнала. С этой стороны все можно обыграть так, чтобы это будет выглядеть как спланированная засада с Элизой в качестве приманки.

— Это изначально был твой план?

Марк пожал плечами.

После чего медленно наклонился к ней и, сбавив тон, чуть ли не на ухо произнес:

— Утром вы дали мне почитать интересные документы, где

несколько раз упоминались «Локк Корп». Ну, а почему не воспользоваться ситуацией? Что может быть удобнее, чем покушение на наследника клана? Да еще и при его собственной невесте?

Тина широко раскрыла глаза и снова посмотрела на Элизу, что сидела на диване скрестив ноги и прожигала их взглядом.

— Не переживай, она понимает, что к чему. Уверен, что поддержит мою версию — у нее нет выбора. Боюсь, даже от себя что-нибудь добавит. Про нас она не знает.

Тина несколько недоверчиво посмотрела на него, он продолжил:

— Сколько у вас сейчас бойцов в столице?

— Что? — Тина покачала головой, — зачем это тебе?

— Думаю, Локкам следует извиниться за свои слова в мою сторону по Локк ТВ. А если я наведаюсь в гости к Локкам со своими людьми, или бойцами Белецкого, — Марк глянул на Элизу, — Вряд ли вы сможете покопаться в документах Локков, где грязного белья на кланы хватит не на одну корзину, в этом можешь быть уверена. У ваших найдутся костюмы, как у клановых, чтобы составить мне компанию?

Тина молча выслушала и посмотрела на Марка.

Сначала он обманом заставляет довезти его к наследнику корпорации Локк, затем лично убивает двух охранников и самого наследника, и теперь спокойным голосом предлагает захватить документы корпорации Локк, хотя вербовали его для того, чтобы глубже копнуть под Белецких. И все это он хочет провернуть с помощью сил УБИ, пользуясь ситуацией, в которую сами УБИ его и поставили.

Почему-то такая топорная наглость страшно позабавила агента, она не смогла удержаться и залилась смехом прямо на крыше, под ошарашенные взгляды офицеров и Элизы. Тина Шраут всегда была странной девушкой.

— Это по части Рубана, но не думаю что быстрее чем завтрашнее утро.

Марк благодарно кивнул.

— Пожалуй, мы с невестой здесь задержались. Ты не против?

— Иди и жди звонка. Ты должен понимать, что затеял, Марк.

— Телефон не пережил встречу с охраной. Я сам тебе утром позвоню.

После чего он улыбнулся, под удивленными взглядами копов спрятал пистолет за пояс и пошел к Элизе, что нахмурившись сидела на диване.

— Подвезешь?

* * *

Артур с Вадимом не знали, что и думать. Может служили они и не так давно, как их старший, но успели повидать всякого. Но уж точно не такого. Агент УБИ смеется на месте преступление с главным подозреваемым чуть ли не в обнимку? Но сколько бы у них не было вопросов, ответов им никто не даст. Буквально через десять минут после того, как они ворвались на крышу, парень в костюме и девушка с пепельными волосами прошли мимо них к лифту, не бросив на оперативников даже беглого взгляда. Приказ пропустить их дала та же девушка-агент, после чего снова отошла к краю крыши и кому-то позвонила.

Оперативники остались наедине с трупом, им еще предстоит дождаться криминалистов и выполнить огромное количество бумажной работы. Очередная смена растянулась еще на несколько часов.

Когда дверь лифта закрылась, Вадим укоризненно посмотрел на старшего.

— И что, мы их так и отпустим?

Старший развел руками.

— Как видишь, — его тон оставался спокойным, — придется.

— Да кто это вообще такие? — злобно прошипел Артур.

— Девушка — дочь главы Клана Белецких, а тот парень, судя по всему, её жених — наследник клана Ротт, его еще утром объявили в розыск, — старший произнес это на полувыдохе.

— Что-то не сильно он от розыска прячется, — фыркнул Вадим.

Старший пожал плечами.

— Клановые, пробужденные. Не даром же я сказал вам утром, даже не думать лезть в это дело. У них свои разборки и простому человеку, вроде нас с вами, никогда от них пользы не было.

— Вы всех верхушек из кланов помните в лицо?

Тот хмыкнул.

— Можно очень много проблем огрести, иногда не совместимых с жизнью, если клановым дорогу перейти. Вон, видимо, этот паренек перешел. — он махнул рукой в сторону трупа, — Служба службой, а голову на плечах иметь нужно. У этих паразитов власть десятилетиями копилась, таких как мы жрут и не давятся. Я за свой век навидался достаточно поломанных судеб и горюющих жен, чтобы не влезать в их дела. Железные доказательства исчезают, как и свидетели, впрочем. Начинаешь копать — тебя предупреждают, не слушаешь — отправляешься следом. И никакими деньгами не откупишься. Проходили.

Старший грустно вздохнул.

— Так что да, помню все лица. И вам советую. Поэтому лучше слушайте эту УБИшную девку и забудьте обо всем, что здесь видели — целее будете.

* * *

Прим. Автора:

В комментах спрашивают, где можно обсуждать сюжет, делиться спойлерами и т. д. Так вот, для тех, кому интересно, есть телеграмм канал:

t. me/markrott

Глава 30

По три человека от каждого из правящих кланов — не больше и не меньше. Именно таков был порядок проведения «совета», установленный столетие назад, ещё их отцами.

Клановые войны — внутри новоявленной страны — тогда бушевали не на шутку, растерзанные войной земли разрывались новой войной — внутренней: за влияние и земли. Часть старой аристократии пыталась удержать то, что им принадлежит, другая — вернуть то, что они потеряли. Новая же аристократия, владеющая на тот момент ничем, откусывала все, что могла откусить. Все воевали со всеми и никто никому не доверял.

Нужно было создать условия для адекватных переговоров и не допустить перевеса одной из сторон. Вдруг кто-то явится на Совет с маленькой армией и просто перебьёт верхушку своих соперников? Так и появилось «правило трех».

Сейчас, столетие спустя, все несколько изменилось, силы уже устоялись. Появились различные департаменты, парламент, решающий за жизнь и законы обычных людей и, конечно же, появился председатель, избираемый кланами. А новый совет, в виду возраста, уже стал просто Советом, созываемом лишь по особым поводам.

Но правило осталось. Ровно по три человека на совет. Сильнейших, влиятельнейших, тех, кто достоин представлять свой клан.

Вульфрик знал, что оба человека, что сопровождали его — младший брат и племянник — будут молчать всё совещание. Традиции и правила могли гласить всё, что угодно, но все понимали — от клана Белецких фактически пришёл один человек. Тот, который решает судьбу клана, а вместе с ним и ещё много кого.

В некоторых других кланах наблюдалась та же картина. Ротты, Острихи — два человека молчали и голосовали так, как нужно, а один — говорил, провозглашал и утверждал.

Другие — Флейнсы, Манны и Платовы — действительно были представлены тремя членами, каждый из которых имел своё мнение и мог высказать его в любой момент. С точки зрения Вульфрика Белецкого, это было показателем если не слабости, то, по крайней мере, серьёзной уязвимости.

— Всякое царство, разделившееся само в себе, опустеет; и всякий город или дом, разделившийся сам в себе, не устоит… — пробормотал Белецкий глядя на рыжего парня, что стоял за спиной у главы клана Флейнсов. Подобные речи сильно

контрастировали с его бандитской рожей.

— Хм? — племянник, Свен Белецкий, глянул на дядю с услужливой почтительностью.

Свен был, конечно, перспективным парнем. Но ему не хватало… стержня. Той последней капли решимости, после которой ты уже можешь сделать всё, что угодно. Конечно, всё воспитывается со временем. Но Свену не быть главой клана, и он это знал.

— Ничего, — отмахнулся Вульфрик. — Это я так… процитировал небезызвестные строки.

Власть — в чёткой иерархии. Служи и подчиняйся одним, командуй другими. Белецкий не с нуля стал главой клана, он сам и служил, и подчинялся, и кланялся. Да, он был рождён аристократом, но был в своё время далеко не первым претендентом на место главы.

Теперь он здесь. Не осталось тех, кому он должен служить — только властвовать.

Но ему все еще приходилось придерживаться этих проклятых традиций. Где один из каждой троицы — главный и самый влиятельный — сидит. А двое других — стоят за его спиной, положив руки на спинку кресла, таким образом показывая, что решение поддерживается всеми членами клана, как единым целым.

Раньше два соклановца за спиной главы выполняли скорее роль охраны, они должны были стоять наготове, ждать момента, когда придётся прикрыть своего главу магическим щитом или выхватить оружие.

Сейчас же этот обычай превратился в пережиток прошлого, как и свойственно большинству традиций. Очень неудобный и унизительный пережиток, по мнению многих… да, Вульфрик был одним из тех, кого раздражала необходимость таскать с собой пару пешек.

Глава клана Белецких посмотрел на Председателя, единственного, кто раз от разу нарушал это правило. Он представлял сильнейший клан страны — Гиарр и поэтому мог позволить себе очень многое.

— Все здесь, — раздался голос Председателя и главы клана Гиарр, низко и раскатисто прокатился по помещению, он не спрашивал — он утверждал. — Тогда начнём. Слово за Вульфриком Белецким, собравшим нас.

— Вы все знаете причину, по которой я собрал вас, — заговорил он в полнейшей тишине. Акустика помещения позволяла хоть оперные арии тут петь, а голос Вульфрика был идеально поставлен; над Советом висело ощущение, будто

говорящий давит на них своей непреклонной волей. — Сотрудники УБИ уже несколько месяцев не вылезают из столицы, и их присутствие становится всё более и более… раздражающим. Воспользовавшись удобным поводом, они даже осмелились попытаться штурмовать мою частную клинику; я более чем уверен, что настоящей их целью была документация, касающаяся всех нас и наших общих дел.

Имя «удобного повода» не прозвучало вслух, однако, все и так прекрасно знали, о ком идёт речь. Несколько человек покосились на Алекса Ротта, довольно безучастно сидевшего за столом, но ничего не сказали.

Строго говоря, практически никому в других кланах не было дела до Марка Ротта и его странной истории, как и до внутренних интриг в его клане. А вот «общие дела»… Тот странный случай в мёртвом городе действительно привлёк внимание Империи, и теперь их агенты дёргали за все ниточки, что им попадались, только бы выяснить, что к чему.

— Что им известно? — уточнил Гас Острих, вальяжно сидя на своём месте. Этот пузатый тип производил впечатление набитого денежного мешка, но те, кто знали его хорошо, прекрасно понимали ошибочность такого мнения. — Если не слишком много…

Он многозначительно замолчал, поигрывая монеткой между костяшек пальцев.

— Боюсь, что слишком много, — отозвался Павел Платов. Этот стоял, опустив левую руку на спинку кресла своего отца, но мнение своё высказывать не стеснялся. — Если им стало известно про клинику и про то, что там находится, значит, они уже давно перешагнули тот порог, до которого не представляли угрозы.

— Я и не говорю, что они не опасны, — возразил Острих, поморщившись; он не очень любил, когда говорят стоящие, но всё же формальных причин мешать этому не было — те, кто не мог говорить, сюда попросту не попадали. — Я говорю, что их можно увести по ложному следу, подкинуть дезинформацию и основательно запутать, чтобы отвлечь от настоящих проблем…

— Даже того, что они уже выяснили, хватит, чтобы спутать все наши планы и сделать нашу жизнь на порядок сложнее, — Глеб Платов, отец Павла, поддержал своего сына. — А если так пойдёт дальше — то планы и вовсе могут… сбиться.

— Да, — согласился Филипп Манн, который сидел, скрестив руки на груди. — Это же УБИ. Или вы думаете, они всё выясненное записывают в блокнотик? То, что известно им — известно и Императору. Данные, которые добрались до них, уже изучаются их аналитиками, и я уверен — им хватает работы.

— Вот что я думаю, — вновь заговорил Белецкий. — Не нужно недооценивать Императора и опасность вмешательства с его стороны. Империя не раз доказывала, что, как бы мы не относились к ней, её аристократию нельзя назвать ни идиотами, ни слабаками — и то же самое распространяется на тех, кто им служит.

Он сделал выразительную паузу; никто не заговаривал, чувствуя, что Белецкий ещё не закончил свою мысль.

— Но не нужно недооценивать и нас, — продолжил Вульфрик. — Я слышал, в последнее время стало популярно мнение — особенно среди клановой молодёжи — что Империя слишком сильна и нет смысла держаться за мнимую свободу; мол, стоит вместо этого вливаться в их ряды, присоединиться к победителям, а если нужно ради этого заплатить своей властью — то это пустяковая цена.

Он обвёл взглядом тех, кто стоял, но их выражения лиц были ровными. Кто из них и правда думает так? Кто имеет счастье не ошибаться на этот счёт?

— Истина такова, что, элита здесь, любой из нас будет никем — там, — кивнул Вульфрик своим мыслям. — Но это верно и в обратную сторону. Здесь — у себя в стране — мы сила, с которой они пока ещё вынуждены считаться.

Он покачал головой.

— Мы пока живы и на свободе. Робкая попытка штурмовать моё имущество была задавлена в корне. На сколько мне известно, никаких масштабных операций против нас не ведётся, ни тайных, ни явных, а это означает одно: у агентов УБИ нет никаких доказательств — только подозрения и разрозненные обрывки данных.

Он чуть привстал и опёрся о стол руками.

— Вот моё предложение. Мы не знаем, когда именно псы сорвутся с цепей, но я подозреваю, что очень скоро. Второй войне быть, это лишь вопрос времени. И если сейчас дать УБИ помешать нашим планам… — он выдержал паузу и осмотрел присутствующих, — мы не будем к ней готовы, даже если объединим силы. Нас сметут. Нужно переходить к активной фазе. Весь правый берег столицы должен быть осквернен. Это даст нам необходимые ресурсы, каждому из нас. А затем, и все прочие города должны начать подготовку к тому, чтобы предоставить нам армию пробужденных. Только, и я повторюсь, только таким образом мы сможем сохранить свою власть.

Все молчали, обдумывая предложение Белецкого. Оно могло как решить текущие проблемы — хотя бы на какое-то время, так и породить новые.

Сам Вульфрик тоже глядел на товарищей по совету оценивающе. Его власть тут была велика — пожалуй, больше, чем у любого другого, не считая председателя — и всё-таки её недостаточно, чтобы решить этот вопрос без голосования. Осквернение рисковый и дорогой процесс. И пока война только маячит на горизонте, перспектива вкладывать в это ресурсы мало кого могла радовать. Впрочем, что толку от ресурсов, когда города могут превратиться в руины, а кланы, могущественные и всесильные, в небольшие параграфы учебников истории победившей стороны, в качестве паразитов, истребленных жесткой рукой.

Председатель:

— Кто-то что-то хочет добавить?

Все уже определились со своими сторонами.

— Тогда выношу предложение на голосование, — произнес он холодно, по лицу председателя никогда нельзя было понять, что он на самом деле думает. — Я, в лице клана Гиарр, голосую за. Без комментариев.

— За, — Филипп Манн поднял правую руку. — Только глупец закрывает глаза перед угрозой в надежде, что она исчезнет.

Первый глава клана Манн был ветераном прошедшим мировую войну. По иронии, зарабатывал клан тоже преимущественно на войнах. Они были оружейниками, наемниками и владели крупнейшим частным охранным предприятием в стране, скорее походившим на небольшую армию. Как никто другой они знали — бить первым важно.

— Платовы За, что уж тут говорить, Вульфрик на пустом месте языком не чешет. — Глеб Платов почесал пышную бороду. Их клан, в свою очередь, занимался по большей части индустриальным бизнесом. Заводы, сталеварни и конвееры — они были ремесленниками. А война, или подготовка к ней, всегда увеличивала количество заказов.

— Против. Если бы я хотел разориться, то выбрал бы способ попроще. — Альберт Флейнс совсем недавно открыл новую сеть казино и отелей, аккурат в районе красных фонарей, принадлежавших ему же. Этот бизнес мог приносить миллиарды, и было бы глупо замедлять обороты именно сейчас. В конце-концов, пир во время чумы не может носить регулярный характер.

— Против, без комментариев. — пузатый тип, крутивший в руках монетку, был Гасом Острихом, владельцем национального банка. Валютный рынок не любит встрясок.

— Против. Слишком рано, ситуация в обществе слишком нестабильна и находится на грани коллапса. Конечно, пока что

эти трущобные группировки не стоят и гроша, но дайте им доказательства нашей деятельности и через неделю горстка оборванцев превратится в толпу! — воскликнул Велислав Гродский, их клан держал под колпаком практически всю сферу развлечений и СМИ, в том числе и корпорацию Локк.

…поровну. Три за и три против, шесть голосов уже отдано. Вульфрик напрягся; он, как и все прочие, глядел на последнего не проголосовавшего.

Алекс Ротт. Да, ему сейчас слегка не до «общих дел», и всё-таки Белецкий надеялся, что его старый соратник отвлечется от хмурых мыслей и подойдёт к делу ответственно.

— Значит, остался только я?.. — Алекс поднял глаза на Вульфрика.

— Ты, — подтвердил Белецкий.

— Ладно, — тот пожал плечами и поднял левую руку. — Против.

Стоящие за спиной брат Алекса — Говард, как и брат его жены — Рональд, убрали руки со спинки кресла.

Вульфрик остался спокойным. Он считал, что политика — такая вещь, где нет место удивлению и вообще сильным эмоциям.

— Против? — уточнил он. — Мне казалось, раньше ты поддерживал это решение.

— Раньше, — не стал спорить Алекс. — и план был другой. Тонны пушечного мяса ничего не стоят, даже если будут пробужденными. А для того, чтобы обучить всех понадобится куда больше ресурсов, чем есть у клана Ротт, даже с поддержкой остальных кланов. Я уже не говорю о моральной стороне вопроса. Сейчас я не вижу причин для столь радикальных действий.

Клан Ротт совсем недавно вошел в совет — восемь лет назад, когда Вульфрик с Алексом договорились о помолвке между своими детьми. Именно поддержка Белецких позволила клану Ротт войти в состав, на место другого, уничтоженного клана — клана Долговых.

Город, в котором базировался клан Ротт принадлежал им фактически единолично. Они поглотили множество мелких кланов и пустили корни во всю восточную часть страны. Но большая территория несет и большие проблемы касательно того, как ей эффективно управлять. Разросшись, Ротт по большей части занимались тем, что пытались контролировать все свои владения. Обширные, но не столь богатые, как у остальных кланов. Так же они славились качеством своих бойцов — на обучение к Роттам отправляли людей практически все кланы страны и даже некоторые имперские, где из неопытных тюфяков, что способны применить только регенерацию, да и то через раз, делали

настоящих солдат, мастеров своего дела в искусно овладевшими способностями.

Иронично, что сын Алекса — Марк, пролетел мимо, как фанера над парижем. Делая профессиональных воинов из чужих сыновей, Алекс не мог ничего поделать со своим собственным.

— Все проголосовали, — поставил точку Председатель. — Предложение отклоняется.

* * *

…Вульфрик вместе с остальными Белецкими шагнул в лифт отеля «Конкордия». Его мысли были далеко не самыми радужными: лишившись чёткого плана действий, а точнее — отметя его, кланы погрязли в тупых предложениях, идиотских идеях и полном непонимании сути проблем. Даже те, кому хватало ума оценить угрозу, всё равно ставили свои интересы выше, и в итоге Совет скатился в простую делёжку пирога, итогом которой стало… ничего, полный пшик.

Двери лифта уже начали закрываться… в тот момент, когда ещё один человек быстро шагнул внутрь.

А? Вульфрик поднял глаза.

— Прошу прощения, — кивнул вошедший. — Господин Белецкий. Господа.

Да, разделение почестей в его клане было чётким.

— Господин Ротт, — сухо кивнул Вульфрик, глядя на Рональда Ротта, шурина Алекса. — Вы что-то хотели?

— Нет, просто хотел спуститься вниз, — ответил тот, глядя на закрывающуюся дверь и вежливо улыбнулся.

Разумеется, не «просто» и Вульфрик это прекрасно понимал. Двери закрылись. Лифт начал движение.

— Результат голосования вас явно не устроил, — разорвал тишину Рональд Ротт.

— Мнение Алекса имеет право на жизнь, — холодно ответил Вульфрик.

— Хочу, чтобы вы знали, многие члены клана Ротт не разделяют политику, которую Алекс ведет последние несколько лет.

— Да неужели? — глава клана Белецких приподнял бровь.

— Даже большинство, я бы сказал.

— Дела клана — это дела клана. — ответил Вульфрик.

Рональд оглянулся и посмотрел прямо на Вульфрика, что все это время стоял к нему в профиль.

— Разумеется, но если эти дела касаются других… Белецких,

например… Возможно вам будет интересно выслушать одно короткое предложение. Не обязательно отвечать прямо сейчас.

— Здесь, в лифте?

— Главное не место, а время. — глаза Рональда хитро блеснули. — Возможно, Алексу пора в отставку. Возможно, его сын тоже совершенно не годится на то, чтобы править кланом. И в этой череде возможностей, нас интересует сохранение ВСЕХ прежних отношений и договоренностей между нашими кланами. Включая брак. Для Вашей дочери у нас есть более достойная кандидатура. При условии, что клан Ротт повторно созовет совет и на этот раз поддержит все Ваши начинания… видите ли вы ТАКУЮ возможность вероятной?

Лифт остановился. Двери раскрылись.

Вульфрик бросил взгляд на Рональда и вышел, так ничего и не ответив.

* * *

Прим. Автора:

Интересный факт: Губительнее воздействия скверны на человека может быть разве что количество выпитого автором кофе, рэдбулла и выкуренных сигарет во время написания этой книги.

Если вам не нравится книга — поставьте лайк и порекомендуйте её друзьям, с такими темпами есть вероятность, что до второй автор просто не доживет.

А если нравится, то тоже поставьте лайк и порекомендуйте её друзьям, так мы сможем собрать автору на пересадку мозга в банку, где плотские заботы не будут отвлекать его от написания проды.

Глава 31

— Площадь Свободы, 9, — произнес Марк и вернул Элизе ее телефон, — Там меня встретит глава СБ.

— Уверен, что не хочешь поехать со мной? — осторожно предложила девушка, — после Совета наши отцы вполне могут быть вместе. Пообедаем вчетвером.

Марк покачал головой. На это не было времени, да и Фридрих сказал, что с минуту на минуту Алекс будет на месте.

Элиза не стала настаивать, пускай внутренне и сожалела, что Марк не согласился, и вовсе не из-за того, что хотела провести с ним время. Приди они вместе, она смогла бы заработать пару баллов в глазах отца, который наверняка все еще зол за ту ситуацию с Августом. Он сейчас на Совете, потому еще не знает о смерти Локка. И вдвоем с женихом они смогли бы заодно и поведать «новости» сразу двум отцам. Жаль.

Элиза не стала настаивать и велела водителю ехать по указанному Марком адресу.

И машина тронулась. Полдень, весь центр в пробках. Они больше стояли, чем ехали.

Элиза, хмуря брови, то и дело кидала короткие взгляды на Марка. Сейчас она заметила то, на что раньше, в вихре происходящих событий, попросту не обращала внимания.

Как неестественно напряжен ее жених, как подрагивают его руки, даже будучи сжатыми в кулаки. Его спина прямая — слишком прямая. Лицо бледное.

Элизе показалось, что она, наконец, поняла. У Марка стресс — все-таки он убил троих, мало кому удается провернуть такое и не дрогнуть.

По какой-то причине, девушке стало несколько легче, когда она увидела подобное состояние Марка. Все таки он — человек, а не робот или псих, каким она уже было начинала его считать. Он просто человек, пускай и с невероятным самообладанием.

«Все-таки интересно, ради чего он тогда ехал в столицу?» — этот вопрос мучал её уже долгое время.

— И долго ты еще пробудешь в столице? — спросила она другое, как будто невзначай.

Марк открыл было рот… и закрыл его.

Он действительно не знал, сколько времени уйдет на то, чтобы провернуть задуманное. День? Два? Многое зависит и от УБИ, в том числе. Однако, сроки не столь важны, как веская причина не возвращаться в родной город.

Сейчас ему предстоит самое сложное — объяснить отцу, что

он не собирается ехать домой, а задержится в столице. Однако, разглашать планы о рейде на корпорацию Локк было бы глупо. Вряд ли отец одобрит такую самодеятельность, а убедить его в необходимости таких мер, не раскрывая правду о сотрудничестве с УБИ, будет довольно трудно. Впрочем, ему и не придется, есть гораздо более простой способ.

Какой повод остаться в столице подольше может быть достойнее, чем Элиза — его будущая жена? Марк надеялся надавить на родительскую гордость, немного усыпив бдительность Алекса Ротта. Скажет, что у них, к примеру, будет свидание, или просто деловая встреча. Да, конечно, его могут начать глодать сомнения. Еще неделю назад сын безвылазно сидел дома и не проявлял чудес в общении с девушками. Однако за эту неделю произошло многое, во что отец бы не поверил, а потому убедить его в чем-то настолько банальном, вроде свидания — дело техники.

Конечно, остается вопрос возможного покушения, но Марк знал, что ему на это сказать, только для этого нужны и Фридрих, и отец.

Марк перевел взгляд с окна на Элизу и спокойно ответил:

— Без понятия.

Девушка поджала губы.

— Я свободна в ближайшие пару дней.

Марк приподнял бровь, Элиза тут же сбивчиво добавила:

— Нужно… обсудить, как будем выпутываться из бардака, который ты устроил. — Марк явно не уловил намек, что, надо сказать, задело её гордость.

Элиза действительно считала, что им нужно очень хорошо продумать дальнейшие действия, однако, ею двигало не только это. По какой-то неясной причине, девушке по-настоящему хотелось раскрыть загадку странной личности Марка, особенно учитывая то, что вся их старая переписка оказалась ложью.

— У меня все схвачено. Но если хочешь увидеться, я не против. Жди звонка, — Марк улыбнулся. Отлично, значит, причина, по которой ему нужно остаться в городе, будет не просто правдоподобной — она будет правдивой.

— Марк? — взволнованно воскликнула Элиза.

Парень не сразу понял, что её так взбудоражило.

— У тебя кровь, — она потянулась рукой к его лицу, но он отстранился точно так же, как тогда на крыше, где его попыталась коснуться Тина. Похоже, реакция была рефлекторной — Марк бессознательно не пускает никого к себе, в свою зону комфорта. Девушку заинтересовала эта особенность. Она даже подумала о том, что этим можно воспользоваться.

Марк поднес руку к носу и провел пальцем по коже. Действительно кровь. Тонкой струйкой бежит из ноздри. Элиза с секунду покопалась в своей сумочке и протянула ему платок. Марк его благодарно принял.

Конечно, «Сдвиг» — это нечто большее, чем просто подавление эмоций. Под действием Сдвига все становилось столь ясным, открытым и понятным… мысли освобождались от тормозящего их мусора, а сердце — от сомнений. Пускай Марк и не видел будущего, зато он понимал настоящее, ясно зрел «пути» и «последствия», о которых никогда прежде даже не задумывался, о которых даже боялся задуматься.

И он готов пойти на что угодно, лишь бы не становиться снова «просто Марком», парнем, который всего боится и который не понимает, чего он сам хочет. Парнем, которому для того, чтобы взять своё, всегда чего-то не хватало. Парнем, который уперся в предел, не пытаясь его сдвинуть. Он посмотрел на кровь на платке — а вот с ценой за эту способность следовало разобраться как можно быстрее.

Вот только как остаться таким же? Как вернуться в своё нормальное (а нормальное ли?) состояние и не потерять эту спасительную ясность? Увы, на этот вопрос ответа он дать никак не мог. Решения не было. Сдвиг нужно было деактивировать, пока он не получил еще больше повреждений от его длительного использования.

Хладнокровное, трезвое мышление бывает жестоким. Даже слишком. Но что иронично в ясности рассудка — к себе ты не менее жесток, чем к окружающим. Самообман — это не рационально, а потому как бы сильно Марку не хотелось, отрицать вероятность того факта, что долгосрочное применение навыка пагубно сказывается на организме, он не мог. Тело уходит в разнос, мозг перегружается… а это никогда не может пройти бесследно. И кровь, хлынувшая из носа, была тому только подтверждением.

Но деактивировать навык здесь, при Элизе, никак нельзя. Да и встреча с отцом слишком важна, чтобы пускать всё на самотек. Потому остается лишь последний рывок, после которого он запрется в комнате, выпьет снотворное, выключит навык, забудется и переждет откат во сне.

Машина остановилась.

Марк думал выйти и поблагодарить Элизу, когда она вдруг подняла правую руку вверх. Телохранитель Элизы подорвался с переднего пассажирского места и поспешил открыть дверь наследнице. Марк бросил на неё вопрошающий взгляд:

— Передам тебя лично, — она глянула на свернутый

окровавленный платок, который парень сжимал в руках, — нельзя, чтобы ты отключился на обочине. Это будет на моей совести.

Крыть было нечем.

Они вместе вышли из машины и встали на тротуаре прямо перед нужной Марку высоткой. Эту стеклянную коробку, от прочих в городе, отличало наличие огромной надписи выполненной из объемных красных букв с закосом под азиатский стиль, что была установлена почти у самой крыши и гласила «Чжулонг».

Взяв у Элизы телефон Марк набрал давно заученный наизусть номер.

— Сейчас буду. — пробормотал Фридрих, когда Марк сообщил, что уже на месте.

Оставалось только ждать.

Молодой человек, который во время обеда стоит в центре города с простреленным плечом должен притягивать к себе взгляды прохожих, возможно даже внимание полиции, однако, как ни парадоксально, все смотрели на Элизу, а лишь затем, в последнюю очередь, замечали Марка. После чего отшатывались в сторону, гадая, что же свело эту парочку вместе.

Можно было подумать, что это из-за ее высокого происхождения, но нет. Кое-что в девушке затмевало даже тот факт, что она — дочь главы одного из самых влиятельных кланов.

Её внешность, манящая и гипнотизирующе красивая, практически не оставляла шансов оставаться в тени. Ни одна фотография, ни одно видео не могло передать этого, такое нужно было видеть только вживую.

И Элиза привыкла жить под давлением от постоянного внимания окружающих и в такой обстановке девушка чувствовала себя как рыба в воде.

Марк же, в своей оригинальной ипостасии, наоборот. Ему было комфортно, когда его не замечают, он научился жить так, чтобы получать от этого удовольствие, да и особых причин показываться на людях, если не считать прошедшую неделю, у него-то толком и не было. Сейчас, не будь Сдвига, Марку бы непременно захотелось поскорее скрыться вглубь здания. Но Сдвиг был, и он плевал на взгляды людей. Именно благодаря этому спокойствию он, покрытый кровью, сейчас смотрелся весьма органично рядом с Элизой. Как некто, отвоевавший свое право находится с ней.

Говорить, правда, в такой обстановке, им было особо не о чем.

Неловкое молчание смущало Элизу, ровно как и отсутствие у

Марка обычного для парней, окружающих Элизу, поведения. Он совершенно не проявлял инициативы завязать разговор, а сама девушка, сколько ни пыталась, все никак не могла придумать тему, за которую можно было бы зацепиться. О серьезных делах сейчас было говорить не место. С пустой болтовней тоже была проблема — она не знала Марка от слова совсем.

Заминка бы продлилась еще дольше, если бы стеклянные двери бизнес-центра спасительно не раскрылись. Показался мощный силуэт Фридриха. В этот раз глава службы безопасности был не один. Рядом с ним шел высокий парень-блондин. На его белоснежную рубашку был надет серый жилет, застегнутый на все пуговицы, а черные кожаные туфли громко ударялись о землю. Чертов Рэмингтон Ротт.

Марк никогда не мог найти общий язык с Рэмом, несмотря на совсем небольшую разницу в возрасте. Тот всегда был нарочито дружелюбен и очень аккуратен в том, что говорит. Казалось бы, в этом нет ничего плохого, однако за приторной учтивостью Марк никогда не мог рассмотреть то, что на самом деле было у парня на уме.

Отец терпеть не мог чернокнижников и хотя бы это его сын — Марк — от него унаследовал. Каждый раз, оказываясь рядом с Рэмом, у него буквально скулы сводило от того, настолько ему был неприятен искусственный образ родственника. Обычно странности чернокнижников списывают на обучение, но в случае с Рэмом… еще до начала тренировок его домашние питомцы подозрительно часто умирали. Причем родителями садистские наклонности только поощрялись, если судить по тому, что раз за разом ему покупали новую зверюшку.

Марку не понравился взгляд, которым Рэм посмотрел на Элизу. Так дети смотрят на игрушку, которую родители не в состоянии им купить. Жадно и с голодом.

Что он вообще здесь делает? Сделав шаг навстречу к соклановцам, Марк развернулся к Элизе.

— Тебе лучше вернуться в машину.

— Стой, — тихо произнесла девушка.

Элиза, кинув косой взгляд на Фридриха и Рэма, решилась.

Она не знает, как с ним говорить. Не знает, о чем. Она не может понять, что у него в голове.

Но она может, по крайней мере, предсказать одну его реакцию. И этого будет достаточно, чтоб зацепиться, перехватить инициативу хоть в малом и вернуть себе хотя бы капельку контроля, что Марк так бесцеремонно у неё отобрал.

Она делает несколько быстрых шагов навстречу Марку. Оказывается слишком близко, лицо к лицу. Еще ближе…

Но Марк не отстранился, на что рассчитывала Элиза. Девушка думала, что он сейчас точно так же отстраниться, как до этого. Но. Губы соприкоснулись.

Шокированный взгляд Элизы, она смотрит прямо в открытые глаза Марка.

«Ну же! Оттолкни меня!» — шли секунды (целые минуты, по ощущениям Элизы), но этого не происходило. Короткий «чмок» превратился в затяжной поцелуй. И, что еще хуже, в какой-то миг, холодные губы Марка шевельнулись и он грубо ответил на поцелуй.

Это провал. Очередной. Она проиграла.

В голове Элизы все перемешалось. Досада, раздражение, злость, стыд и, наконец, принятие. Смущение.

Она делает шаг назад, голова уже повернута в сторону, тело только разворачивается вокруг своей оси, едва поспевая. Платье вихрем закружилось за ней.

И она унеслась прочь, бросив последний взгляд на отрешенно глядящего на неё Марка перед тем, как сесть в машину. Охранник Элизы едва успел на переднее сидение, когда машина тронулась.

Когда парочка, вышедшая из отеля приблизилась к Марку, Элиза уже уехала.

Рэм изменился в лице, раздосадованно наблюдая за тем, как она отдаляется от них, и раздраженно вздохнул. Фридрих же покосился на него и хотел было обратиться к сыну Алекса, однако не успел.

— Так сильно кровь в голову ударила от Белецкой, что аж носом пошла? — шипящий голос был еще одной из причин, по которой Марк недолюбливал двоюродного брата.

— Не вся кровь моя. Кое-что принадлежало одному выскочке, что не знал своего места, Рэмингтон.

— Хватит, — твердо произнес Фридрих. — Мы тебя потеряли, Марк.

— Со мной всё в порядке.

— По тебе не скажешь, — Рэм облизнул губы, — братец.

— Ну так и не говори, братец. — Марк сделал акцент на последнее слово и посмотрел ему прямо в глаза.

Рэм притворно улыбнулся и замолчал. Он никогда не видел сына главы таким собранным, это его даже заинтересовало, но продолжать обмен колкостями не имело никакого смысла.

Глава охраны посмотрел на Марка и отвернулся.

— Пойдем, твой отец… только что вернулся с Совета. — глухо произнес Фридрих, жестом головы указывая на вход в здание.

Марк поднял глаза.

— Пойдем, у меня для него есть отличные новости.

Жаль только, поговорить с Фридрихом с глазу на глаз не выйдет.

Зайдя внутрь сквозь широкие стеклянные двери, они зашагали через пустое фойе к лифтам. По пути они не встретили ни единой живой души, несмотря на то, что рабочий день еще не закончился. В воздухе повисла тишина, в коридоре разносились только шаги троих членов клана Ротт.

Когда они молча дошли до лифта, Фридрих резко нажал на кнопку вызова и уставился на счетчик этажей над дверьми. Где-то сверху раздался шум спускающегося лифта.

Марк посмотрел на Рэма, что словно не мог устоять на месте и то сжимал, то разжимал кулаки. Тот заметил взгляд своего двоюродного брата, глянул на него в ответ и снова улыбнулся, сделав шаг вперед, ближе к двери лифта.

Марк нахмурился.

Фридрих даже не спросил. где он был. Он понимал, как звучали его мысли, но неужели на повестке дня было нечто более важное, чем пропажа единственного наследника клана? Совет созывают только в исключительных случаях, и наверняка это не связано с тем, что произошло с Марком в мертвом городе. Еще и Рэм здесь…

Дверь лифта распахнулась. Рэм с Фридрихом заняли места около стены, Марк зашел последним и уставился на отражение в начищенной до блеска двери.

Они всё продолжали молчать. Над головами зазвучала какая-то классическая мелодия и лифт, с характерным звуком, тронулся. Если бы не громкое дыхание Рэма, то, закрыв глаза, можно было бы подумать, что Марк едет совсем один. Парень перевел взгляд на Фридриха в отражении. Тот словно прожигал ему спину, погрузившись в мысли.

Обычный Марк не заметил бы. Обычный Марк не понял бы.

Все те странности, начиная с того, что ему так легко удалось ускользнуть из дому неделю назад и чрезмерно медленной реакции на звонок с просьбой о спасении… и заканчивая штурмом больницы, на который Фридрих так и не явился…

Возможно, обычному Марку подсказала бы интуиция, но он бы не захотел ей верить.

Шестой этаж.

Марк ждал.

Седьмой этаж.

Двери открылись.

Сделав шаг вперед, Марк вышел из лифта. Еще шаг и он резко развернулся. Еще два шага назад для разрыва дистанции,

рука нащупала твердую рукоять пистолета за поясом.

Фридрих был готов к тому, что Марк поймет и что-то выкинет, но он не подозревал, что у него было оружие. Он в мгновение закрыл собой Рэма.

Марк взял Фридриха на мушку.

Два выстрела в грудь. Горячий металл впивается в плоть, но нет никакого видимого результата. Его руки уже во всю сверкают. Глава СБ стоит, словно гора.

Раздается третий выстрел. Пуля летит уже в голову. Не долетает, встретив на своем пути преграду. Фридрих со скоростью, за гранью человеческих возможностей, прикрывает лицо рукой и пуля даже не пробивает ладонь, а всего лишь застревает в коже.

Еще выстрел — тот же результат.

Марк опускает пистолет. Бросает оружие. Поднимает руки. Тонкая струя крови бежит из его носа.

Он не видит больше «путей». Продолжать бой — бессмысленно. Выпрыгнуть в окно? Нет, Фридрих догонит его прежде, чем тот успеет хоть куда-нибудь добежать.

Сейчас выгоднее сдаться и разобраться в ситуации. Марк был уверен, что под сдвигом он сможет выцепить момент и выпутаться.

Фридрих не двигался с места, лишь печально смотря на Марка.

Из-за его спины выглянуло белое, испуганное лицо Рэма. Увидев Марка с поднятыми руками, испуг сходит с лица, вместо него — улыбка.

Рэм выходит из-за спины Фридриха, слегка отодвинув того в сторону, и хрустит шеей.

Глава службы безопасности всё так же стоит молча и наблюдает за тем, как Рэм подходит к Марку вплотную.

Улыбка становится шире. Без лишних слов, он бьет кулаком в живот. Недостаточно сильно, чтоб Марк упал. Он даже не изменяется в лице. Улыбка на лице Рэма дрогнула. Появилось раздражение.

Он бьет снова. Сильнее.

Марк стоит, но даже не смотрит на своего двоюродного брата. Его взгляд прикован к Фридриху. Как и взгляд Фридриха к Марку.

Рэм видит это. Его бесит то, что жертва никак не реагирует на то, что он с ней делает.

Он бьет Марка по лицу, но Марк стоит, даже не моргает. Продолжает смотреть на усатого главу безопасности.

Рэм бьет снова и снова, пока, наконец, не сбивает Марка с

ног. Начинает забивать ногами.

Марк же, просто прикрыв голову рукой, не издавая ни звука или хоть каких-то попыток сопротивления, продолжает прожигать Фридриха взглядом.

— АААААА! — вопит Рэм.

В его глазах не остается ничего, кроме слепой ярости. Рэм ударяет Марка носком туфли по лицу и уперевшись рукой об угол стены, заносит ногу прямо над головой парня.

Фридрих отводит взгляд. Он не может больше смотреть.

— Хватит, — тихо, почти надрывно произносит.

Рэм не слушает, бьет, забивает.

— Остановись, — уже более резко произносит Фридрих, — Отец не одобрит.

Блондин замирает на месте.

Из его рта капают слюна, ноздри вздуты, а глаза налиты красным. Но даже в таком состоянии ему хватает одного только упоминания об отце, чтобы в страхе убрать ногу на место.

— Т-тогда помоги мне дотащить этот кусок говна!

Спустя минуту двери в широкий конференц-зал распахнулись и Марка Ротта со связанными руками заволокли внутрь. Фридрих задерживаться в комнате не стал, а лишь опустил голову и медленно побрел в сторону лифта.

Комната была практически уничтожена и вся залита кровью. Сломанная мебель и пятна гари на стенах соседствовали с оторванными конечностями и телами охранников, которым они ранее принадлежали. В одной из стен была сквозная дыра.

В конце зала — Алекс Ротт, сломанный, побежденный, сидел на стуле, с опущенной вниз головой. По бокам от него — его родной брат и брат жены, тоже в довольно потрепанном виде,

Покрытый десятком проклятий, Алекс едва мог шевелиться, но всё же нашел силы, чтобы поднять голову на звук открывшейся двери. Пустые, выжженные дочерна глазницы ничего не видели, но он, казалось, пытался что-то разглядеть…

Говард, дядя Марка, развернулся и иронично произнес:

— Вы посмотрите-ка кто у нас тут! Да это же Марк! Поздоровайся с отцом!

Но Марк предпочел молчать.

— Невежливо, вы ведь так давно не виделись! Рэм, развяжи ему язык! — рявкнул Говард.

И Рэм был рад исполнить этот приказ.

Он схватил Марка за волосы и поднял его голову с пола.

— Посмотри на своего папочку, хочешь стать таким же? — он слегка надавил большим пальцем на глаз Марка.

Марк молчал.

Рэм раздраженно фыркнул и впечатал двоюродного брата лицом в пол, нос Марка хрустнул, после чего рука снова подняла голову парня вверх.

— Просто скажи: Привет, папа! — гневно прошипел Рэм, — Этого хватит, чтоб он понял, что ты здесь! Мы сразу же тебя отпустим!

Марк молчал.

Говард, видя тщетность попыток Рэма, произнес:

— Ты хочешь, чтобы твоему недоразвитому сынку было больно? Где она, Алекс?!

Алекс сардонически ухмыльнулся:

— Что-то я не слышу своего сына, — Алекс сплюнул кровью, — Просто убейте меня.

Он всегда знал, что они могут его предать. Что Рон, грязный чернокнижник, что Говард, его собственный брат… после того, что с ней произошло это было всего лишь вопросом времени. Однако Алекс и подумать не мог, что это произойдет так скоро. Он всегда считал, что обыграет их. Что будет на шаг вперед. Увы, он допустил свою последнюю ошибку. Им помогли. Жалкие черви не осмелились бы на это без поддержки со стороны. Вот только… они не услышат ни слова от него. Какой бы спектакль перед ним не разыгрывали.

— Рэм! — рявкнул Рональд, — Если не хочет говорить, заставь его кричать!

Парень расплылся в довольной улыбке.

— Ты слышал его, Марк, у меня нет выбора, Марк, — приговаривал Рэм, двигаясь к открытой сумке, что лежала около Алекса. Всё, что было внутри, на главе клана Ротт уже перепробовали.

Рэм взял сумку и повернулся лицом к Марку. На его лице была восторженная улыбка. Вернувшись и бросив сумку на пол около пленника, он покопался в ней и достал тесак со жгутами.

— Дядя Алекс, вы ничего не видите, но я вам расскажу. Сейчас я буду резать вашего единственного сына!

Алекс рассмеялся.

— Рэм… если он и правда здесь, ты не можешь заставить кричать подростка без ножа? Ты жалок.

Руки Рэма задрожали, он с ненавистью посмотрел на главу клана и даже сделал шаг в его сторону, но уперся в жесткий взгляд отца, что стоял позади Алекса.

— Где она?! — одновременно с этим Рональд крикнул на своего искалеченного брата.

Но отец, как и сын, предпочел молчать.

Что же до Марка, он начал сомневаться, что удобный момент

вообще подвернется. Он молчал и пытался понять, как он мог упустить все, что указывало на измену Фридриха мимо глаз, но никак не находил ответа. Кредит доверия к нему был настолько большим, что даже под действием Сдвига он посчитал, что вероятность измены была ничтожно мала? Как бы там ни было, от отца им нужна какая-то информация. И Марк не собирался помогать им её получить.

— Мы всё равно её найдем, Алекс. — рявкнул Рональд, и кивнул Рэму, что уже стоял над телом Марка с тесаком на изготовке.

Рэм положил Марка на живот, вспорол костюм, оголив спину. Коснулся кончиком лезвия кожи на затылке… и резко провел вниз, вдоль позвоночника. Лезвие скользило по кости.

Марк молчал.

Кровь брызгала на Рэма, пачкая его светлые волосы и рубашку. Закончив с очередным порезом, он наклонился к искромсанной глубокими ранами голове Марка.

— Знаешь, что, Марк? Всё, что было твоим станет моим… — прошептал Рэм ему на ухо, — Твоё положение, твоё будущее… твоя невеста. Я повеселюсь с этой девкой за нас двоих… не переживай. Я заберу все, что ты любишь.

Он продолжал разрезать плоть.

— Ты ошибка в истории клана, и я её сотру. Рэмингтон Ротт-Белецкий. Хорошо звучит, скажи?

Марк молчал.

В то же время Рональд, в очередной раз ударив брата по лицу, не умолкал:

— Одно слово и это закончится. Пожалей моего племянника, Алекс! Просто скажи, где она?

Алекс втянул воздух и сквозь боль произнес:

— Она мертва. — он до сих пор не был уверен в том, кого перед ним пытают. Сила его воли была железной, когда дело касалось его самого, но он прекрасно понимал, что если услышит хотя бы одно слово от Марка, то может не выдержать. Он даже думать не хотел, что там сейчас действительно Марк.

Раздался еще один удар и последующий за ним крик.

— Ложь! РЭМ! ЗАСТАВЬ ЭТОГО УБЛЮДКА ОРАТЬ НАКОНЕЦ-ТО!

Рэм перевернул Марка лицом к отцу, заставил посмотреть на него.

— Знаешь, Марк, от смерти можно побегать, только если у тебя есть ноги. Твой папа уже никуда не убежит, — Рэм глянул на Алекса вместо ног у которого были лишь два обрубка, в нескольких местах затянутых жгутами, — но ты еще можешь.

Просто скажи «хватит» и я остановлюсь.

Марк молчал.

— Ты сделал свой выбор, — Рэм раскрыл сумку и показал Марку её содержимое, — Хотя я в любом случае распилил бы тебя на лоскуты, гнида. Я начну с мышц, потом дойду до костей… и не беспокойся, всё это время ты будешь в сознании. Когда я закончу, ты не сможешь кричать, даже если захочешь.

* * *

Марк лежал на спине, его голова повернута на бок. Он смотрел на тело мертвого отца пустым взглядом. Некогда красивое, мужественное лицо было до неузнаваемости обезображено.

Они продолжили пытать их одновременно. Отец ушел первым, так ничего им и не сказав. Он держался до последнего.

Когда тот умер, Говард ушел, а Рональд вместе с сыном Рэмом решили продолжить с Марком. Просто так.

Сколько это длилось? Час? Два? Но в конце концов это им надоело — неинтересно резать того, кто никак не реагирует.

Сейчас комната пуста. Все покинули ее, оставив Марка одного.

Хороший момент для того, чтобы сбежать? Не совсем.

Сейчас он бы даже не уполз. Его руки лежали в паре метров в одной стороне, ноги — в другой. Марк представлял из себя искалеченный обрубок в обрывках ткани, затянутый большим количеством жгутов. С него срезали чуть ли не каждый сантиметр кожи. Там где надо, раны прижгли; ему что-то вкололи — он даже не мог потерять сознание. Нетронутыми оставались только глаза, выделяющиеся на фоне кровавого месива, в которое превратили его лицо.

«Чтобы он все видел» — произнес его родной дядя Рональд.

Они хотели вогнать его в неописуемый ужас, довести до безумия, но… всё это время он боялся лишь одного — умереть. Он сомневался, что когда проснется разум без навыка сдвига выдержит осознание произошедшего. Еще ничего в жизни его не пугало так сильно, как мысль о том, что ему предстоит пережить после воскрешения.

Марк… скорее, части его тела, лежали в окровавленной комнате. Он считал минуты проведенные в агонии. На цифре «семь», дверь в комнату распахнулась и перед глазами парня показалась пара ног. Фридрих вошел внутрь и окинул пространство чуть ли не более болезненным, чем у Марка,

взглядом.

Следом за ним вошла группа из пяти человек, одетых в белую защитную одежду. У кого-то в руках были контейнеры, у кого-то принадлежности для уборки, а у кого-то нечто похожее на черные мешки. Фридрих тяжелым взглядом наблюдал за тем, как они собирают и упаковывают тела.

В какой-то момент он подошел к Марку и печально посмотрел на то, что осталось от некогда близкого ему человека, которого он защищал на протяжении последних восемнадцати лет. Он был хорошим мальцом, смышленым. На сердце главы службы безопасности стало еще тяжелее, хотя казалось, что это уже попросту невозможно.

Он достал пистолет.

— У меня не было выбора, — словно с мольбой, произнес он.

Марк молчал.

Раздался выстрел.

Эпилог

Часть 1.

Я открыл глаза в пустом поезде. Мы мчались так быстро, что за окном было невозможно рассмотреть ровным счетом ничего. Однако я и не пытался. На самом деле, мне было всё равно.

Непроглядной холодной тьмой на меня нахлынуло чувство одиночества. В горле встал ком. Я один. Эта мысль часто залезала ко мне в голову, неоднократно диким вихрем взметая тоску, которую мне в ременами удавалось не замечать. Но до этого момента, я не осознавал как сильно заблуждался. Потому что настоящее одиночество — безжалостно. Оно не знает полумер и не оставляет пространства для домыслов.

Затем я посмотрел вперед. И тьма расступилась.

Передо мной сидел отец.

Он выглядел гораздо моложе, чем когда я видел его в последний раз. Совсем как в моих детских воспоминаниях. Как тогда, когда всё было проще. Легкая щетина и задумчивый взгляд, ровно такие, какими я их запомнил, когда мы играли втроем с мамой.

— Марк… — произнес он полушепотом.

Почему-то на глаза навернулись слезы, которые я не смог сдержать.

Я сорвался с места и крепко обнял его, уткнувшись лицом в его грудь. Помню, в детстве она казалась мне необъятной. Знакомый и родной запах — сигарет, пота и слегка выветревшегося одеколона.

— Наверное, я плохой отец… — он гладил меня по голове, как когда-то в детстве.

Хотелось кричать. Ты не плохой отец, это я — плохой сын.

— Ты уже такой взрослый… — он смотрел на меня, улыбаясь, — Я горжусь тобой.

Я не заслуживаю этих слов. Я разочаровал тебя, подвел. Я хотел быть тем, кем бы ты мог гордиться. И не смог.

Но отец улыбался, глядя на меня и поглаживая по голове.

Я хотел показать, что несмотря на свою слабость, я всё равно чего-то стою. Показать тебе, что я достоин того, чтобы быть в ответе за свою жизнь. Я знал, что ты это уважаешь в людях больше всего и боялся, что во мне так этого и не рассмотришь. Я… не смог сказать ему об этом вслух.

Он лишь посмотрел мне прямо в глаза.

Почему он должен уйти так рано?

Я хотел побыть с ним дольше. Я хотел поговорить с ним. Я

хотел рассказать все, о чем молчал многие годы. В конце концов, я хотел остаться с ним здесь.

Но внезапно поезд остановился. Отец крепко обнял меня, крепче, чем когда-либо раньше.

— Я люблю тебя, сынок, — я не слышал этих слов восемь лет.

— И я тебя, — выдавил в ответ, сквозь вновь подступающие слезы.

Он встал, в последний раз посмотрел на меня и вышел на станции.

Я смотрел ему в спину, понимая, что я больше никогда не смогу сказать ему этих слов; я больше никогда не смогу услышать от него этих слов.

Вместе с отцом ушел и тот свет. Я снова остался один в кромешной темноте.

Поезд был пуст. Мы мчались так быстро, что за окном было невозможно рассмотреть ровным счетом ничего. Однако я и не пытался. На самом деле, мне было всё равно.

* * *

Часть 2

Свет мощной фары поезда разрезал темноту перед собой. Те немногие пассажиры, что ехали в нем, по большей части не спали.

Со стороны поезд мог показаться довольно странным, ведь свет горел только в парочке задних вагонов, заметно отличающихся от остальных, темных и старых. И к чему поддерживать маршрут, который почти не пользуется спросом?

В одном из таких темных вагонов, закрытых с обоих сторон, не было ни единого пассажира, кровати или разделителя. Лишь голые серые стены, задернутые занавесками окна и холодный металлический пол.

Два цинковых гроба, расположенных прямо в середине помещения, дрожали и тряслись, по мере того, как состав набирал скорость. Дождь издевательски громко бил по тонкой обшивке, создавая впечатление, что на крышу вагона приземляется не просто вода, а целый град из небольших камней, настукивающих жутковатую какафонию.

Увы, даже этого было недостаточно, чтобы заглушить истошный, наполненный ужасом вой, что донесся из одного из гробов.

* * *

Послесловие:

Автор благодарен всем, кто пишет отзывы, рецензии и комментарии. Это помогло сделать книгу лучше!

Без вашей поддержки, написание затянулось бы на долгие месяца. Бывало так, что только ваша активность давала силы сделать больше и лучше, чем можешь.

Правда, большое спасибо за вашу поддержку!

Вторую часть уже можно начать читать тут:

https://author.today/work/72694

П.С. Тайно мечтаю когда нибудь позволить себе нанять художников и визуализировать книгу в формате веб-манги